№ 1841 6.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
И
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть вторая.

Издатель В. Поляковъ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Редакторъ Ѳ. Кони.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринятъ съ тою цѣлію, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время вполнѣ знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себѣ слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльныя піесы въ стихахъ и прозѣ*, извѣстныхъ *русскихъ* и *иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* водевили. Въ составъ этаго отдѣленія входятъ піесы, *игранныя на сценѣ* и *неигранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама всѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* знаменитѣйшихъ русскихъ и иновемныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльныя сцены*—историческія и взятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и разсказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевиля.

VII. *Забавныя куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библіографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декораціи, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острыя слова; каламбуры и театральные слухи.

X. Кромѣ того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться нумеръ Текущаго *Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переводныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя безпрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть изданъ вдругъ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: *изъ портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскерадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декорацій*, гравированныхъ на сталѣ, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ за границею или въ Россіи, и изъ *музыки*, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ *для форте-піано.*

Редакціею *Пантеона* завѣдуетъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, *съ пересылкою* во всѣ города Россійской Имперіи и *съ доставленіемъ* на домъ въ С. Петербургѣ.

Подписка принимается въ магазинѣ издателя, *книгопродавца Полякова*, на Невскомъ проспектѣ, возлѣ Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой; въ его же книжной лавкѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ *№* 17. Иногородныя особы благоволятъ адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель, С. Петербургскій книгопродавецъ Василій Поляковъ.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ,

ИЛИ

ОТЧИЗНА и ЛЮБОВЬ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Соч. Н. Филимонова.

Содержаніе заимствовано изъ повѣсти «Наѣзды».

Представлена въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ, 10 ноября 1841 года, въ пользу актрисы г-жи Самойловой 2.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Серебряный, стрѣлецкій голова въ Опочкѣ.
Агарѣвъ, бывшій стрѣлецкій голова.
Станиславъ Колонтай, польскій магнатъ.
Пани Колонтаева, жена его, безъ рѣчей.
Левъ Колонтай, сынъ ихъ.
Варвара Михайловна Прозоровская, русская плѣнница.
Пани Ласская. } гости Колонтая.
——— Марина. }
Панъ Солтыкъ, хорунжій. }
— — Войдзевичъ, судья. }
— — Цаплинскій. }
Зеленскій, стремянной Серебрянаго.
Жеготa, вахмистръ панцерниковъ.
Ясь, сынъ его.
Плевака, панцерникъ.
Старуха, мать Жеготы.
Русская плѣнница.
Лейба, жидъ.
Покоевецъ. } стрѣлецкіе.
Сотникъ. }
Пятидесятникъ. }
1. }
2. } шляхтичи.
3. }
1. }
2. } рейторы.

Стрѣльцы, дворня, гости Колонтая, рейторы, панцерники, слуги и проч.

Дѣйствіе въ 1614 году. Первый актъ на берегу Великой, близъ Опочки; второй и третій въ Литвѣ, въ замкѣ Колонтая, близъ Режицы, четвертый также въ Литвѣ, не въ далекѣ отъ Великой.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Н. Филимонова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Поляна, окруженная лѣсомъ, на берегу Великой.

ЯВЛЕНІЕ I.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ и АГАРЕВЪ, ужинаютъ подъ деревомъ; множество стрѣльцовъ въ разныхъ положеніяхъ лежатъ, расхаживаютъ, сидятъ около кашеварнаго огня; самопалы разставлены въ козлахъ, слуги носятъ кушанья двумъ боярамъ.

АГАРЕВЪ, наливъ кубокъ и поднявъ выше головы.

Здоровье Михаила!!

К. СЕРЕБРЯНЫЙ.

Да здравствуетъ нашъ юный государь!
(Выпиваетъ однимъ духомъ).
Да, хорошо винцо, и славное, за здравье,
Еще налей, за добраго царя;
(Агаревъ наливаетъ).
Вѣдь имя добраго не поперхнется въ горлѣ.
Не то совсѣмъ бывало при Иванѣ,
Какъ наши старики мальвазію глотали;
Съ царемъ самимъ въ пиру почетно сидя,
И щупали на мѣстѣ ли ихъ уши.

АГАРЕВЪ.

Ужасно, братъ, и вспоминать объэтомъ!—
Но все таки, хоть русской кровью,
Но царь Иванъ спаялъ все наше царство.

К. СЕРЕБРЯНЫЙ.

Нѣтъ, лучше ты скажи, что стрѣлы онъ сломалъ,
Желая ихъ связать какъ можно крѣпче.
Когда бъ не сильная рука царя Бориса,
То наша Русь еще до самозванцевъ
Распалась бы совсѣмъ, какъ бочка безъ обручьевъ.
Едва его нестало, набѣжало
Царей премножество — и ну имъ присягать:
Одинъ—тому; тогда жъ другой —другому;
Всякъ своему: тотъ Тушинскому вору,
Тѣмъ — шведскаго царевича давай;
А тѣ — зовутъ на царство Владислава,
Иные самого Жигмунда ждутъ...
А все таки царя Ивана помни:
Онъ всѣмъ тогда оскомину набилъ.
Хотя тогда настало безпачалье,
И долго не было надъ нами головы,
За то всегда, всегда въ насъ сердце было,
А въ немъ была къ отечеству любовь!
Она-то все искусство побѣдила,
И силу всю, и опытность враговъ!
Хвала Творцу! и честь и слава князю
Пожарскому! Теперь въ Москвѣ у насъ
Не станутъ посреди столицы нашей,
Незваные надъ нами издѣваться,
И не начнутъ хозяйничать за насъ.
По сердцу всѣмъ мы избрали царя!

От радости ликуетъ весь народъ.
(Поднимаетъ стопу съ виномъ выше головы)
Да здраствуетъ Романовыхъ весь родъ!
И въ годы годовъ и въ роды родовъ!

АГАРЕВЪ, также.

Да здравствуетъ онъ въ честномъ мирѣ!
(Выпиваетъ).

СЕРЕБРЯНЫЙ, также.

Да здраствуетъ онъ въ ратномъ пирѣ!
(Выпиваетъ).
Увидишь самъ ты, дядя Агаревъ,
Что Михаилъ Ѳеодоровичъ насъ
Скорѣе всѣхъ любовью спеленаетъ,
Чѣмъ Грозный ужасомъ связалъ.

АГАРЕВЪ.

А говорятъ, что новый государь
Привѣтливый такой и всѣмъ доступный...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Меня спроси. Что солнышко твое!
Бывало встарь безъ длинной бороды,
Изъ-за болръ не смѣй взглянуть никакъ.
А нынче всякому словечко царь найдетъ,
И стараго и малаго обяжетъ;
А говоритъ такъ сладко и умно,
Какъ будто бы поетъ онъ райской птицей.
Иль выѣдетъ верьхомъ, въ соборъ Успенскій
Къ обѣдни онъ: за нимъ народу бездна,
У стремени его толпятся всѣ.
Онъ ласковъ такъ, и милостивъ, разушенъ,
Ронятъ всѣмъ привѣтливое слово;
Онъ всѣмъ и судъ и правду обѣщаетъ.
Ну, право, онъ какъ съ неба къ намъ упалъ,
Чтобъ миръ вездѣ скорѣе водворить
И раны всѣ отчизны залечить.

АГАРЕВЪ.

Дай Богъ, дай Богъ ему скорѣй успѣха!
Давно пора ужъ Руси отдохнуть.
Но только все теперь у насъ опа —
Ни дать ни взять, какъ море послѣ бури:
При берегахъ своихъ еще бушуетъ,
Хотя совсѣмъ затихло по срединѣ.
— Вѣдь непріятели не вышли изъ Смоленска.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Ну мы ихъ выгонимъ оттуда.

АГАРЕВЪ.

Но Дела-Гарди, Горнъ
До этихъ поръ еще Новгородъ держатъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Мы выкупимъ его...

АГАРЕВЪ.

Легко сказать!..
Нѣтъ, родина у насъ истощена
Отъ этихъ войнъ, пародомъ и казною.
Поляки же и Шведы никогда
Не дорожатъ награбленнымъ добромъ.
Вербуютъ всѣхъ они въ свои полки,
Отвсюду всякой сбродъ къ себѣ сбираютъ:
Венгерцы противъ насъ, Шотландцы противъ насъ,
Чудь бѣлоглазая и словомъ—кто попалъ.
А дѣло какъ дойдетъ до грабежа,
То за одно и Свейцы и Литовцы.
На драку къ намъ летятъ со всѣхъ сторонъ,
А помощи со всѣмъ нѣтъ ни откуда.
Я очень радъ, что мнѣ теперь на смѣну
Ужъ наконецъ назначили тебя.
А то ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою:
На насъ почти набѣги безпрестанно
Отъ польскихъ шляхтичей и латниковъ нѣмецкихъ.
Ну съ воинами я всегда готовъ бы драться!
А то одни разбойники, налеты.
Да съ ними рукъ намъ нечего марать,
Добычи же и славы нѣтъ ни блестки.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Но гдѣ опасности, тамъ слава есть всегда.
И на Москвѣ у насъ не надивятся,
Что держишься ты здѣсь на мѣстѣ долго,
Когда вблизи въ осадѣ самый Псковъ.

АГАРЕВЪ.

Я какъ бѣльмо въ глазу Литвѣ и Нѣмцамъ.
Но крѣпостца стоитъ на острову,
Стрѣльцы мои лихіе молодцы,
Такъ и никто не суется ко мнѣ.
Вѣдь гдѣ одно желѣзо лишь добыча,

Охотниковъ туда всегда бываетъ мало.
Вотъ такъ-то другъ! Да что и толковать
О здѣшней сторонѣ тебѣ: послужишь, самъ
Узнаешь все тогда... А разскажи
Ты лучше мнѣ, что при дворѣ теперь
Въ Москвѣ?..

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я все ужъ разсказалъ. — Изволь-ка
Ты на мои вопросы отвѣчать.
Начну съ того, скажи, во первыхъ, мнѣ:
Живутъ ли здѣсь красавицы въ округѣ?

АГАРЕВЪ.

Когда бы ты теперь меня спросилъ
Ведутся ли здѣсь волки и медвѣди,
Ужъ я бы зналъ, что надо отвѣчать;
Мнѣ свѣдомы въ лѣсахъ на перечетъ
Всѣ норки лисьи, заячьи всѣ стежки.
Вотъ красный звѣрь, такъ это наше дѣло;
А красны дѣвушки, помнѣ совсѣмъ нето.
Вѣдь не всегда братъ къ нимъ подступишь смѣло,
И некогда мнѣ съ ними хлопотать.
Свободный часъ — я въ полѣ полевать
Спѣшу отъѣзжее.—Когда бъ ты только видѣлъ
Моихъ борзыхъ; ужъ, братъ, могу сказать,
Мой Доѣзжай собака, такъ собака:
Косаго лишь ему завидѣть стоитъ,
Нѣтъ времени распутать тороковъ.
А гончія — на диво у меня;
Такъ гонятъ, князь, ну что твоя музыка,
Когда на слѣдъ горячій попадутъ.
Вотъ — осенью, предъ самымъ Покровомъ...

СЕРЕБРЯНЫЙ, перебиваетъ.

Ахъ, ради Покрова! помилуй Агаревъ!
Охотиться тебѣ и въ полѣ вольно,
Зачѣмъ пускать по скатерти всю стаю...

АГАРЕВЪ.

Затѣмъ, что мнѣ пріятнѣй вспоминать,
Какъ я гонялъ, а не меня гоняли.
Не больно былъ въ любови я счастливъ,
И ежели при самозванцѣ также
Дурачился, какъ вы, то это для того,
Чтобъ пошалить; никакъ не больше; право.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Не тѣмъ глядишь ты, лядюшка Наумъ,
Чтобъ лебедина грудь и очи съ поволокой
Не разожгли въ тебѣ сердечка ретиваго.

АГАРЕВЪ.

Любезная моя—вотъ эта фляга!
Я никогда разлуки съ ней не знаю,
Когда ее ласкаю, сердце бьется;
А ежели я съ нею поцѣлуюсь,
То искры вдругъ посыплются изъ глазъ.
Перешепнись и ты съ своей роденькой!
Вѣдь вы, братъ, съ ней серебряные оба.
Къ тому же въ ней заморской умъ теперь.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

О, этотъ гость не рѣдко выживаетъ
Хозяина изъ дома у меня.
Давно и такъ кружится голова.

АГАРЕВЪ.

Пустое... пей, пріятель... пей смѣлѣе!
Умъ хорошо одинъ, а два — гораздо лучше.
(Чокаются и пьютъ).

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Все это такъ, но только до тебя
Околицей не скоро, братъ, доѣдешь.
— Ты Вареньку навѣрно не забылъ?

АГАРЕВЪ.

Какую, князь?.. Варваръ я знаю много.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Прозоровскую, ту, которой въ царскихъ сѣняхъ
Не-рѣдко мы съ тобою любовались.

АГАРЕВЪ.

Ну гдѣжъ упомнить ихъ? Вѣдь мы глазѣли
Тогда на всѣхъ хорошенькихъ съ тобой,
Отъ радости, что стали выѣзжать
Всѣ безъ фаты. —Такъ что же изъ того?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

А то, мой другъ! что сердце у меня,
Какъ кажется, имѣетъ лучше память,
Чѣмъ у тебя глаза. — Къ тому жъ еще
Припомнишь ты, что вмѣстѣ съ Поляками
Былъ принятъ я Мариной хорошо.
А тетка Варвиньки, княгиня Татева,
Въ племянницѣ своей души совсѣмъ не помня,
Старалась вывозить ее, какъ можно чаще

Съ собой вездѣ; и это дало случай,
Знакомство свесть мнѣ съ нею покороче;
И Варинька тогда мнѣ крѣпко приглянулась!
Но вдругъ война насъ разлучила съ ней.
И мы давай считаться за хлѣбъ за соль
Съ недобрыми, незванными гостями,
И рѣзаться съ нелавними друзьями.
Въ теченіе трехъ лѣтъ, я не сходилъ съ копя,
Безъ отдыха сражаясь всякой день.
И въ тѣ часы, ужъ векогда совсѣмъ
Мнѣ о моей невѣстѣ было думать.
Когда жъ съ Пожарскимъ мы въ Кремлѣ прижали Струся,
Жолкевскаго спровадили отлично,
И наконецъ домой съ побѣдою вернулись,—
Вдругъ узнаю, что Татева скончалась.
Варвару жъ мать тогда же увезла
Въ Псковскую отчину, и въ самое то время
Ты бьешь челомъ объ увольненьи.
Меня совсѣмъ разлука истомила!
Прошусь сюда стрѣлецкимъ головой.
Меня назначили. И я былъ очень радъ
Скакать сюда скорѣй, къ добру иль къ худу.

АГАРЕВЪ.

Чтобы найти похищеннымъ свой кладъ.
Она увезена Литовцами отсюда,
Ужъ года два теперь.

СЕРЕБРЯНЫЙ, вскочивъ въ сильномъ гнѣвѣ.

Увезена?!... о Боже!!...
Ты здѣсь военный голова... и что же
Ты не искалъ ея, ты не отбилъ?
Въ семейство ты ее не возвратилъ?...
Дворянку русскую здѣсь выкрали безъ бою,
И ты еще доволенъ страхъ собою!
Ты говоришь спокойно такъ о томъ,
Какъ будто бы о чемъ нибудь пустомъ.
Но если бъ Поляки тогда отбили
Съ виномъ одинъ бочепокъ у тебя,
На вѣрво бъ ты имъ показалъ себя!
Стрѣльцы твои весь край бы разгромили.
Здѣсь всякій вѣрно это говоритъ,—
И для тебя, какой ужасный стыдъ!...

АГАРЕВЪ, хладнокровно расправляя усы свои и барабаня по донышку опрокинутой стопы.

Ну, все ли кончилъ ты?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

О! я бъ не кончилъ
До Вздвиженья, когда бъ мои упреки
Могли быть такъ черны, какъ твоя лѣность.

АГАРЕВЪ.

Да; и когда бъ слова могли помочь
Чему нибудь. Садись-ка, князь Степанъ,
И выслушай меня съ терпѣньемъ.
Помѣстья всѣ родителей Варвары
Не близко къ намъ, почти что подъ Изборскомъ:
Въ нихъ изъ Москвы боярыни пріѣздъ
Извѣстенъ сталъ тотчасъ окольной шляхтѣ,
Разбойникамъ граничнымъ; только дворня
Большая ихъ пугала. Наковецъ
Одивъ изъ нихъ, отчаянный Жегота,
Не вдалекѣ отъ берега живущій,
Освѣдомясь, о томъ, что мой предмѣстникъ
Въ сраженіи съ Ливонцами убитъ,
Не пропустилъ безъ пользы безвачалья,
Въ границы къ намъ прокрался ночью, тайно,
И съ шайкою своей напалъ, разграбилъ
Весь домъ Прозоровскихъ, и всѣхъ людей избилъ.
Пять дѣвушекъ овъ захватилъ съ собою,
И въ томъ числѣ увезъ боярскую опъ дочь.
— Что гнаться я за нимъ никакъ не могъ,
Естественно, и очень: потому,
Что здѣсь еще и не было меня;
Потомъ, и безъ того, мнѣ много дѣла было.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Что жъ думаютъ объ ней ея родные?
Могли бъ они — на выкупъ взять ее:
Взять золотомъ, когда ужъ не желѣзомъ.

АГАРЕВЪ.

Вѣстимо такъ; да Алдюшка ся

Князь Татевъ, опекунъ ея меньшаго брата,
Совсѣмъ и знать не хочетъ вичего.
А мать ея скончалася съ печали.
За сироту кому жъ теперь вступиться?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

О, души подлыя!... Но гдѣ жъ она?
Гдѣ плѣнница несчастная томится?...

АГАРЕВЪ.

Никто о томъ навѣрное не знаетъ,
Былъ слухъ, что будто бы разбойникъ самъ,
Тотъ, что увезъ ее, не отпускаетъ
И въ заперти содержитъ, впрочемъ здѣсь
Такіе случаи бываютъ очень часто.
Давно совсѣмъ молвы нѣтъ о Варварѣ,
И канула она, какъ словно въ волу.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Хоть на морское дно — и тамъ, и тамъ
Жемчужину я эту отыщу!...
Далеко-ли стоитъ отсюдова Жегота?

АГАРЕВЪ.

Не далеко.
Пятнадцать верстъ, иль, можетъ, съ небольшимъ.
Вотъ безшабашная башка! Повѣрь, не разъ
Онъ угонялъ стада, отъ самыхъ стѣнъ
Опочки, и хотя не оставались
И мы въ долгу, но до сихъ поръ еще
Онъ убѣгалъ, и въ петлю не попался,
Которую ему я обѣщалъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Такъ вотъ рука, что онъ теперь пропалъ,
Не долго коршуну еще летать по волѣ!
Трубачь, тревогу!

АГАРЕВЪ, вскакиваетъ въ изумленіи.

Что ты, князь?...
Остановись!... Что хочешь дѣлать ты?...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Что честь велитъ и русское мнѣ сердце!
Вознаградить наѣздомъ за наѣзды,
И плѣнницу исхитить изъ неволи.
Пусть будутъ знать разбойники, злодѣи,
Что новый Голова, не дастъ имъ русскихъ
Барановъ въ прокъ солить; а ужъ не только,
Что торговать красавицами...

(Между тѣмъ по звуку трубы, Стрѣльцы собираются въ порядокъ.)

АГАРЕВЪ.

Князь!
Ты вспомни то, что самъ привезъ съ собой
Приказъ царя, не дѣлать нападеній,
И безъ причивы зла Литвѣ не причинять,
Чтобъ тѣмъ не помѣшать намъ въ мирныхъ договорахъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Съ разбойниками миръ нигдѣ не заключаютъ.

АГАРЕВЪ.

Но хочешь самъ ты въ ихъ ворваться землю...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Вся Божія земля... И для чего же намъ,
Намъ, русскимъ, отъ такого края отказаться,
Который намъ давно принадлежалъ.

АГАРЕВЪ.

Не лучшель князь, пообождать немного?
Ужъ списки намъ приказано подать
Всѣхъ плѣнниковъ, захваченныхъ отсюда;
И вѣрно ихъ потребуютъ не медля.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! Ужъ я никакъ не стану
Какъ четки, день за днемъ перебирать!
И перьями лишь — копья отбивать!...
Серебряный булатомъ все добудетъ...

АГАРЕВЪ.

Либо за то—и самъ въ опалѣ будетъ.
Подумай, князь!...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Бояринъ Агаревъ!
Я не зову въ набѣгъ съ собою робкихъ.
Ты все мнѣ сдалъ; начальство все за мною
И я одинъ въ отвѣтѣ за стрѣльцовъ.

АГАРЕВЪ.

Да у тебя никто не отнимаетъ
Всей власти, князь,—но только лишь за что,

За что меня ты этимъ обижаешь?
Ты могъ бы знать, что я твой старый другъ,
Удерживалъ тебя, не бывши трусомъ.
Когдажъ рѣшился ты, то я и самъ
Съ тобой иду, пусть разбираютъ тамъ
Окольничьи, что право, что не право.
Увидишь самъ, что драться мнѣ забава!
Увидишь самъ ты, что мои стрѣльцы
Пойдутъ на все, ужъ точно удальцы!
Въ нихъ страсть къ войнѣ, работу знаютъ эту.
И я бъ хотѣлъ, чтобъ чортъ меня побралъ,
Когда клинкамъ ихъ ржавѣть я давалъ!
(Серебряный съ чувствомъ обнимаетъ его.)

серебряный, пятидесятнику.

Пусть сотникъ приметъ здѣсь начальство.
Теперь я Господа на помощь призову:
О, мой Творецъ!... Услышь мое моленье!
Подай мнѣ совершить несчастной избавленье!! —
(Стрѣльцамъ.)
Товарищи!... За мною, на Литву!
(Съ симъ словомъ, всѣ стрѣльцы кричатъ: на Литву! и уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Внутренность литовской хаты вахмистра панцирниковъ; одна дверь въ серединѣ задней стѣны, а другая съ боку за перегородку. Вечеръ. На столѣ горитъ свѣча.

жегота и ясь.

(Первый надѣваетъ на себя оружіе, а второй начинаетъ чистить пистолетъ.)

жегота.

Ты долженъ здѣсь теперь остаться, Ясь;
Не легокъ былъ сегодняшній наѣздъ,
Но добылъ ты хорошую добычу.
И безъ тебя сегодня васъ довольно;
Намъ есть кому работать за Великой,
Богатую добычу добывать.
Не даромъ сорванцы такъ долго пропадали,
Пронюхали и тотчасъ дали знать,
Что за рѣкой богатый русскій баринъ
Съ семьей своей недавно поселился.
И будь я дрянь — не родовитый шляхтичъ,
И будь я дрянь—не панцирникъ лихой,
Когда не притащу сюда его лукаты,
Весь скотъ его въ Тримосцье пригоню.
Да, въ томъ клянусь святымъ Бернардомъ,
Что тамъ меня не скоро позабудутъ!—

ясь.

А далеко ль вамъ ѣхать за рѣку?

жегота.

Всего миль пять.

ясь.

Но дворня кавова?
Людей у русскихъ баръ всегда бываетъ много.

жегота.

Не велика, насъ будетъ вѣрно втрое.
Къ тому жъ теперь, пріѣхалъ къ Русскимъ новый
Стрѣлецкій Голова, и очень кстати
Къ нимъ нашъ набѣгъ, покудова не снялъ
Онъ своего начальства вадъ Стрѣльцами.
Я поспѣшу, чтобы не опоздать
И за рѣку пораньше перебраться.
Стрѣльцы у насъ останутся всѣ въ лѣвѣ;
И на ихъ счетъ покойнымъ можно быть.
Плеваку я послалъ впередъ съ отрядомъ
И догоню его при переправѣ.
Пора, прощай. Запри за мной калитку.
(Беретъ ружье и хочетъ итти.)

ясь.

Когда же тамъ красотки попадутся,
Тащи сюда съ собою ихъ, папъ батька.

жегота.

Ну къ чорту ихъ, овѣ мнѣ надоѣли;
И выкупу за нихъ намъ не даютъ,
А чорта ли держать въ плѣну безъ пользы,
Ты и съ одной управиться не можешь.

ясь.

И мнѣ она наскучила давно!
И ежели еще ломаться будетъ,

Не утерплю, хвачу изъ пистолета;
И дѣлу квитъ, да и концы всѣ въ воду.

ЖЕГОТА.

Вотъ это такъ, давно бы сдѣлать это.
Но мнѣ пора на лѣло, и клянусь
Что на руку охулки не положимъ!
Что тамъ найдемъ, то все мы подметемъ!

(Уходитъ съ Ясей.)

ЯВЛЕНІЕ III.

СТАРУХА, ЛЕЙБА; ЯСЯ.

СТАРУХА.

Ну купишь ты мои-то вещи, что ли,
Проклятый жидъ?

ЛЕЙБА.

Ахъ! якъ зе мозно!
За серьги вамъ сто тридцать злотыхъ догыць.
Не стоятъ больше пани Вахмыстрыня!
(Взявъ серги, играетъ передъ свѣчкою.)
И въ земцугахъ вода вѣдь мутновата.

(Ася входитъ, садится и продолжаетъ чистить пистолетъ.)

СТАРУХА.

Да у тебя глаза какъ виано мутны.
Вотъ выдумалъ еще! — Ну говори
Скорѣй, что ты мнѣ дашь за этотъ перстень?

ЛЕЙБА.

— За перстень зе, цто съ яхоптомъ, даю
Узъ такъ и быть, я десять вамъ червонцевъ.

СТАРУХА.

О Езу! ты—баранокъ Божій!... Только
Даешь за нихъ ты десять лишь червонцевъ!
Съ ума сошелъ, пѣньковое ты сѣмя!
Да тутъ одна осыпка больше стоитъ.

ЛЕЙБА.

Азе пану Зеготѣ Охмыстрыпя,
Не дорого присялись клейноды эци.

СТАРУХА.

Не дорого?... Смотри пожалуй, Ясь!
Кровь христіянскую онъ цѣнитъ ни во что.
Послушай-ка его ты, Ясь!.. То,
Что изъ воды, огня вы добывали,
И подъ топоръ вы шею подставляли,
Все для него бездѣлица и дрянь...

ЯСЯ, угрюмо.

Мнѣ долго съ нимъ не время толковать.
А хочется пистоль свой попытать
На черепѣ его...

(Взводитъ курокъ и подсыпаетъ на полку).

ЛЕЙБА.

Ахъ, перестань,
Да эцимъ, панъ, забить цловѣка мозно!

ЯСЯ.

Ну а жида подавно.

ЛЕЙБА, умоляя.

Не сути!

ЯСЯ.

Увидишь ты, что я не пошучу!

ЛЕЙБА, въ испугѣ падаетъ на колѣна. У воротъ слышенъ шумъ.

СТАРУХА.

Да это кто нибудь идетъ изъ нашихъ,
Поди-ка ты и отвори калитку.

ЯСЯ, отворяетъ окно и прислушивается.

Все тихо тутъ, и нѣтъ тамъ никого.

(Хохочетъ, видя, какъ жидъ увивается у ногъ его, проситъ пощады и говоритъ съ жестокимъ звѣрствомъ).

Не кланяйся... не можешь начекапить
Ты злотыхъ лбомъ. — Съ тобой коротокъ судъ.
Съ тобой сейчасъ раздѣлаться я долженъ:
Цыбульскаго ты передалъ врагамъ.

(Лейба смущается, слыша обвиненіе).

Ну да, ты свилъ, злодѣй, ему веревку,
Чтобы по ней ему спуститься въ адъ.
Ну такъ ступай — обмѣривать его
Тамъ водкою, безъ шинкаря ему
Вѣдь очень скучно будетъ. Ну скорѣй, давай же деньги.

(Лейба съ трепетомъ опускаетъ руку въ пазуху за кошелькомъ, и медлитъ вынуть его. Ася кричитъ громовымъ голосомъ.

Ну подавай!

ЛЕЙБА, отдаетъ кошелекъ, но все еще держитъ ремешекъ.

Не погуби! Будь ласковъ!
Не разворчи!...

ЯСЯ.

Тебя я приласкаю!
(Ударяетъ жида по рукѣ).
Ну, Лейба, ну, душа твоя теперь
Здѣсь у меня въ карманѣ, и пора
Пустить въ расходъ и тулово твое.
И не теряй ты лучше словъ на вѣтеръ.
Пусти тебя живаго, и тогда
Съ тобой хлопотъ да жалобъ будетъ вдоволь:
О мертвомъ же жидѣ не запоютъ
Ужъ панихидъ ни судьи, ни монахи.
(Медленно поднимаетъ дуло, забавляясь отчаяніемъ жида).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и русская плѣнница; она кидается, чтобъ остановить руку Яси).

ПЛѢННИЦА.

Па то ли вы томите здѣсь меня
Въ неволѣ, чтобъ сверхъ горестей своихъ,
Я видѣла еще злодѣйства ваши!

ЯСЯ, отталкивая ее.

Прочь! говорю... когда не хочешь съ камнемъ
На шеѣ въ прудъ нырнуть и съ головой.
(Матери).
Эхъ, матушка! что ты дала ей волю!
Ужъ полно мнѣ все плаксѣ потакать!
Прочь! говорю тебѣ.
(Старуха старается оттащить плѣнницу, Лейба стонетъ, Яся тащитъ его за воротъ на средину и упираетъ дуло въ грудь).

ЛЕЙБА, полумертвый.

Змилуйся папе!...

ПЛѢННИЦА.

Спасите, Боже мой!
(Убѣгаетъ въ среднюю дверь).

ГОЛОСЪ СЕРЕБРЯНАГО.

Ахъ! Вотъ она!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Вмѣстѣ съ восклицаніемъ Серебрянаго раздается выстрѣлъ изъ окна. Яся падаетъ замертво и остается неподвиженъ; жидъ убѣгаетъ, схвативъ свои деньги; старуха въ испугѣ прячется за перегородку. Начинается грабежъ. Стрѣльцы влезаютъ въ окошко, другіе вламываются въ двери, разламываютъ лари, выносятъ сундуки; все грабятъ и вытаскиваютъ. Ужасная суматоха.

АГАРЕВЪ, СТРѢЛЬЦЫ, ПОТОМЪ К. СЕРЕБРЯНЫЙ.

АГАРЕВЪ.

Ну, князь Степанъ! Тебя я поздравляю!
Ты наконецъ здѣсь Вареньку нашелъ?

СЕРЕБРЯНЫЙ, сердито.

Нѣтъ.

АГАРЕВЪ.

Какъ же нѣтъ? Да развѣ та дѣвица,
Что здѣсь нашли...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Не та, что я ищу.
Она въ плѣну была, и точно также
Увезена Жеготой изъ полъ Пскова.
Какъ будто онъ, далъ самъ себѣ зарокъ
Перетаскать красавицъ нашихъ въ Польшу.
Не будь я князь, а грязь, коль за разбой
Онъ головой своею не отвѣтитъ.
Но мнѣ одно всего досаднѣй,—то,
Что даромъ я надѣлалъ столько шуму.

АГАРЕВЪ.

Добыча есть. Ужъ я стрѣльцовъ поунялъ;
А то они, озлобясь на Литву,
Копей и скотъ весь отогнали;
Но я велѣлъ имъ воротить,
Лишь только бы свои убытки наградить.
(Въ окно и въ дверь видѣнъ огонь пожара, обхватывающій другія строенія).

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Что мнѣ до нихъ? Скорѣе притащите
Мнѣ вѣдьму вахмистрову мать;
Чтобъ отъ нея подробно все узнать,
Что сдѣлали съ Варварою несчастной.
То лишь цвѣтки, а будетъ плодъ ужасный!
Селенья всѣ злодѣевъ размечу!
И размету хвостомъ коня повсюду!

Я ихъ поля стрѣльцами затопчу,
Когда отъ нихъ Варвары не лобуду!...
Здѣсь головни останутся одни,
Когда ее не выдадутъ они!!...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Зеленскій и Старуха. Ее приводятъ блѣдную и дрожащую.

старуха, кидается въ ноги князю.

Охъ! раззорилъ въ конецъ, хоть не сгуби
Души моей, взмилуйся надо мною!
Даруй хоть часъ покаяться!...

серебряный.

Старуха!
Когда бы ты на этомъ свѣтѣ бѣломъ
Могла еще три вѣка прежнихъ жить,
То и тогда бъ тебѣ грѣховъ не отмолить
Не жалуйся на наше разграбленье:
Именье все пришло неправдой къ вамъ.
Однакожъ, я готовъ на снисхожденье,
И треть добра тебѣ назадъ отдамъ,
И грабить васъ я больше не позволю,
Да и тебя я отпущу на волю,
Коль скажешь ты по сущей правдѣ мнѣ,
Гдѣ русская здѣсь плѣнница Варвара?...
Ну говори скорѣй!... Или въ огнѣ
Сожгу тебя, я съ твоего жъ пожара!...

старуха, всхлипываетъ и не отвѣчаетъ; Серебряный выходитъ изъ себя отъ нетерпѣнія.

Ну гдѣ теперь, гдѣ плѣнница Варвара
Прозоровская? Гдѣ? — Куда ее
Дѣвали вы?... Ужъ я возьму свое!...
Иль припечатаю горячимъ я
Свинцомъ языкъ на вѣкъ къ твоей гортани! —
Да вымолви!... проклятая змѣя!!...

старуха.

Мой мужъ отдалъ ее на мѣсто платы,
За зеленпольскую аренду нашу.

серебряный.

Когда, кому, за что ее онъ отдалъ?

старуха.

Вельможному былъ вынужденъ отдать
Режицкому онъ пану Колонтаю.

(По знаку Серебрянаго старуху уводятъ).

серебряный.

Сейчасъ я самъ иду на Колонтая!
Зеленскій, ты послѣдуешь за мной.
Подать скорѣй мнѣ свѣжаго коня,
И тридцать человѣкъ стрѣльцовъ со мною!

(Хочетъ итти).

агаревъ, рѣшительно заступивъ ему дорогу.

Стой, князь! Наѣздъ до этихъ поръ былъ вздоренъ,
Но съ этихъ поръ онъ будетъ безрасудевъ,
Коль далѣе пойдешь: твоихъ людей
Для этаго набѣга очень мало.
Остановись, князь!

серебряный.

Храбрость крѣпче силы!

агаревъ.

Согласенъ, такъ! Но обѣ вмѣстѣ съ силой
Надежнѣй, право, храбрости одной.
Къ тому жъ заря окажетъ Колонтаю,
Какъ слабъ, какъ малъ, ничтоженъ твой отрядъ.
Притомъ еще и пороху въ рогахъ
Осталось лишь всего заряловъ на пять.
Несчастныхъ васъ переберутъ руками!
На славную итти опасность—любо!
На гибель же, безъ всякой пользы—глупо!
Какъ хочешь ты, я не пущу тебя.

серебряный, въ размышленіи, потупивъ взоры, сжимаетъ руку Агарева, и надвинувъ шапку на глаза, обращается къ людямъ.

Готово ли?

пятидесятникъ.

Въ отрядѣ все въ порядкѣ.
Я въ голову и въ хвостъ людей назначилъ,
Чтобъ съ самопалами и саблями
Всѣ были.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Ну, теперь, ступайте съ Богомъ.
(Всѣ стрѣльцы уходятъ. Серебряный останавливается въ размышленіи, и вдругъ вскрикиваетъ).
Мнѣ мысль пришла!—Прощай, братъ, Агаревъ!
Хозяйничай ты за меня въ Опочкѣ.
Ты жди меня три дни, ты жди недѣлю;
А тамъ, давай ужъ знать моимъ родным,
И всѣмъ властямъ, что я пропалъ безъ вѣсти.
(Слышенъ отдаленный набатъ).

АГАРЕВЪ.

Князь! Удальство, притомъ любовь слѣпая
Влекутъ тебя, но кто порукою въ томъ,
Что Варинька еще у Колонтая.
И до нея ты врядъ ли доберешься,
Въ землѣ чужой, всполошенной наѣздомъ.
Теперь и старъ, и малъ всѣ на конѣ....
(Звонъ усиливается).
Ты слышишь ли?....

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Да, точно это звонъ,
Звонъ свадебный, быть можетъ, вовребальный.
Зеленскій, ты со мной. Кони у насъ лихіе!
А съ нами ли походный чемоданъ?

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Онъ здѣсь со мной, на вьючной лошади.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Возьми съ собой; въ немъ мой кафтанъ венгерскій.
Дорогою я планъ мой разскажу:
Намъ лисій хвостъ нужнѣй чѣмъ волчьи зубы.
Но главное—по русски—на авось!

АГАРЕВЪ, отводя Серебряваго къ сторонъ.

Скажи мнѣ, князь, кто этотъ выходецъ,
Откуда онъ?...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Онъ шляхтичъ и поликъ.

АГАРЕВЪ.

И въ ихъ землѣ, довѣрится ты хочешь?..

СЕРЕБРЯНЫЙ.

О, для него ужъ Польша не отчизна.
Онъ пьяный, чуть не разкроилъ башки
Лисовскому—и осужденъ на смерть,
Но убѣжалъ ко мнѣ, прося защиты.
И съ этихъ поръ онъ служитъ вѣрно мнѣ,
Я много разъ могъ въ этомъ убѣдиться.

АГАРЕВЪ.

Все это такъ, все это хорошо!
Когда ты тамъ не встрѣтишь никого,
Изъ поляковъ бывалыхъ подъ Москвою.
А ежели узнаютъ тамъ тебя,
Неминовать прогулки, князь, воздушной:
У нихъ всегда коротокъ очень судъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Что жъ дѣлать, братъ; съ отвагою плутъ мелъ,
А робость гложетъ ледъ; волковъ бояться
Въ лѣсъ не ходить; а смѣлымъ Богъ владѣетъ.
(Зеленскому).
Смѣкай-ка, панъ, что я тебѣ скажу:
Мнѣ надобно отъ Колонтая выкрасть
Красавицу, которая въ плѣну.
То разузнай ты хорошенько все,
Гдѣ спитъ она, когда гуляетъ;
Пронюхай всѣ лазейки и затворы,
И не дремли, держи востро ухо;
А лошадямъ подпругъ не опускай.
Надѣну я венгерской свой кафтанъ,
И буду въ немъ, какъ въ новой кожѣ змѣй,
Красивъ и хитръ. Однако намъ пора,
Должны поспѣть мы къ замку до утра.
(Агареву).
Прощай, мой другъ! Не поминай насъ лихомъ!

АГАРЕВЪ.

Ну, Богъ съ тобой! — Никола Чудотворецъ
Да сохранитъ тебя въ пути, въ дорогѣ;
Да сохранитъ и на чужомъ порогѣ.
Съ тобою намъ увидѣться скорѣй

Дай Богъ опять! И по-добру, здорову!...
Но я прошу тебя, я заклинаю,
Чтобъ ты былъ тамъ, какъ можно осторожнѣй!..
(Друзья обнимаются).

Агаревъ, удерживая князя за руку.

Ахъ! жаль мнѣ, князь, тебя! Жаль, умная,
Но буйная, какъ вихорь, голова!
Жаль мнѣ тебя, за сердце твое вдвое,
Прелоброе—но слишкомъ ретивое!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Левъ Колонтай и Варвара.

ВАРВАРА.

Нѣтъ, Левъ! я не могу съ тобою согласиться,
Меня такъ чужды здѣсь, что не прощу себя...

ЛЕВЪ, перебиваетъ.

Но я не чуждъ тебя...

ВАРВАРА.

Нѣтъ, не могу рѣшиться
Оставить навсегда, забыть свой край родной...

ЛЕВЪ.

Но счастіе мое—чтобъ быть всегда съ тобой,
А безъ тебя и жизнь мнѣ бремя.
Я безъ тебя не зналъ отрады никакой.
Съ какою скукою мое тянулось время!
Безъ цѣли, безъ надеждъ влачилась жизнь моя.
Здѣсь—до тебя, меня не понимали;
Хотѣли знать—что я?
Но вовсе не узнали.
—Но ты, Барбара! ты во мнѣ
Произвела большую перемѣну:
Я жизни цѣль узналъ, почувствовалъ ей цѣну!
Все прежнее осталось какъ во снѣ.

ВАРВАРА.

Какъ благодарна я! И безъ тебя одна
Мнѣ было-бъ горести удѣломъ;
Лишь только ты одинъ, одинъ въ семействѣ цѣломъ
Былъ снисходителенъ со мной,
И даже не скучалъ моею простотой.

ЛЕВЪ.

Мнѣ остроумье страхъ пріѣлось!
Подъѣльная красавицъ красота
И ихъ кокетство присмотрѣлось!
По искренность съ умомъ, по простота,
Но добродушіе въ Барварѣ ненаглядной,
Все было, признаюсь, мнѣ новостью отрадной!!
Еще не видывалъ и женщины такой
И предался тебѣ я пылкою душой!!...
Мнѣ въ жизни новый путь открылся.
Чтобъ разсмотрѣть тебя, я будто бы мудрецъ
Приблизился къ тебѣ и вышло наконецъ,
Что самъ, какъ юноша влюбился!
Любовь мою я долгомъ чту святымъ!
Бывъ рыцаремъ дѣвицы огорченной,
Похищенной, съ родными разлученной,
Я ложенъ всѣмъ вниманіемъ моимъ,
И множествомъ услугъ и братскихъ угожденій,
Изгладить въ памяти твоей
Слѣды случайныхъ огорченій
И непріятностей—отъ всей родни моей;
И отъ гостей, пустыхъ, самолюбивыхъ,
Но болѣе отъ дамъ, завистливыхъ, ревнивыхъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Левъ Колонтай, Станиславъ Колонтай, панна Колонтаева, п. Ласская, п. Марина, Солтыкъ, Войдзевичъ, Цаплинскій, Варвара, за работой.

СТАНИСЛАВЪ, войдя, продолжаетъ прежде начатый разговоръ.

Я очень радъ, что вы случились у меня,
И видѣть можете чудеснаго коня;
Я увѣряю васъ, здѣсь нѣтъ нигдѣ такова,
Во всей республикѣ не сыщется другова!
И тутъ въ окно—смотрѣть прекрасно намъ,
Какъ будетъ объѣзжать его Машталяржъ самъ.

(Садится подлѣ самаго окна. Нѣкоторые подходятъ къ нему, чтобъ сказать одно слово, и сейчасъ отходятъ, чтобы любезничать съ дамами, которыя войдя сейчасъ садятся.)

Такъ, добрже.... панъ Машталяржъ, славно!
Еще ему штрапацію задай!
Вотъ, досконале такъ, а самъ сиди исправно,
И по крестцу хлыстомъ осторжки въ боки дай;
Чтобъ хвостъ на землю легъ; пускай его танцуетъ!
Да не балуй коня, когда онъ самъ балуетъ!
Теперь играй уздой,
Чтобъ опѣмѣлъ.

СОЛТЫКЪ.

Ужъ точно конь лихой!

(Оборачивается и нашептываетъ дамъ.)

ЦАПЛИНСКІЙ.

И кровь арабскую въ немъ видно совершенно.

СТАНИСЛАВЪ, съ презрѣніемъ.

О, пряничный пѣтухъ! Ты знаешь толкъ отмѣнно!
Да ты и самъ такой же бъ былъ арабъ,
Когда бы на тебѣ тавро отжечь умѣли.
Нѣтъ, господа! Не то бы вы запѣли
Какая разница, когда бъ
На рыжаго коня, лихова посмотрѣли...
Ужъ нынче нѣтъ такихъ; вотъ было заглядѣнье!
Породы онъ персидской былъ,
И заслужилъ
Всей Польши удивленье!
А добылъ я его тогда,
Съ большимъ трудомъ, и подвигомъ геройскимъ,
Въ тотъ самый годъ, когда
Разбили Турокъ мы съ Замойскимъ.
То былъ ужъ конь, такъ конь! Бывало, пышетъ, ржотъ,
И подо мной какъ змѣй совьется,
Изъ милости травы не мнетъ,
А вѣтромъ по полю несется!
Божусь что я не лгу,
И какъ лихой ѣздокъ, похвастаться могу
Я молодечествомъ бывалымъ!

ВОЙДЗЕВИЧЪ.

Панъ Станиславъ издавна слылъ
Наѣздникомъ удалымъ.

СТАНИСЛАВЪ.

Да, точно, признаюсь, что я не промахъ былъ;
И за Баторія, порядкомъ палашами
Мы позвенѣли въ добрый часъ.
И въ тѣ поры у насъ,
Хоть мостъмости, пожалуй, молодцами,
И ихъ хоть сотнями считай;
А былъ изъ первыхъ Колонтай!
Какъ выѣду погарцовать я въ дѣлѣ,
И на конѣ моемъ явлюсь во всей красѣ,
То пальцами указываютъ всѣ;
И даже недруги мнѣ цѣну дать умѣли!
Теперь—совсѣмъ не то!
И славу молодежъ считаетъ за ничто.
Въ ней нѣтъ, какъ въ старину, той воли непремѣнной,
Добиться и чиновъ, и почести военной!
Имъ ножки дамскія пріятнѣе ласкать,
Чѣмъ ручкой сабельной въ сраженіяхъ играть.

СОЛТЫКЪ.

Слыхали мы, что въ годы молодые
Панъ Станиславъ былъ самъ,
Угодникомъ прекрасныхъ дамъ.

СТАНИСЛАВЪ.

Я точно счастливъ былъ, въ тѣ годы удалые;
Что было—нечего скрывать.
Но мы не забывали славы
Для волокитства и забавы.
Въ уборныхъ женскихъ мы не знали вѣковать,
Иль время проводить у дамскихъ ногъ въ альковѣ;
А вы ужъ черезъ чуръ изнѣжились, панове!

ЛЕВЪ.

Вы насъ изволите напрасно обвинять.
Нѣтъ, къ дамамъ уваженье
Не тушитъ пламя славы въ васъ,
Но возбуждаетъ къ ней стремленье!
Я въ томъ могу увѣрить васъ.
И вотъ недавнія побѣды доказали,
Что силѣ нашей нѣтъ преграды никакой.

СТАНИСЛАВЪ.

Да нечего сказать, вы славно побѣжали
Подъ Троицей и подъ Москвой!
И дѣльно вамъ! За всякаго бродягу
Вамъ было изъ чего испытывать отвагу!
И что побиты вы — виновны сами въ томъ:
Марина повела васъ за своимъ хвостомъ,
А за Жигмуидовы усы — пазалъ васъ проводили.

ЛЕВЪ.

Нѣтъ, батюшка! что тамъ мы съ пользой были
Дѣла докажутъ лучше словъ.
И хоть война была кровава,
Но драгоцѣнностей до тысячи возовъ
Мы вывезли сюда...

СТАНИСЛАВЪ.

Конямъ за это слава!
Да, слава вся конямъ,
Конечно, ужъ не вамъ.
О славѣ жъ предковъ вы конечно позабыли,
И заключить походъ, кони вамъ послужили.

ЛЕВЪ.

Но бѣглецы—царей
Не могутъ въ плѣнъ привесть съ собою.

СТАНИСЛАВЪ.

Хвалиться можно ли побѣдою такою;
Когда прогнали васъ какъ незванныхъ гостей?
И плѣнъ Василія, какъ звать побѣдой можно!
За это торжество, краснѣть полякамъ должно!
Скажите—съ бою ли его вы взяли въ плѣнъ?
—Овъ былъ въ мовастырѣ, монахомъ; и отъ туда
Въ Варшаву привезенъ, чтобы зѣвакамъ всѣмъ
Показывать его, какъ истинное чудо.
И весь то вашъ походъ — не стоитъ лишнихъ словъ!

ЛЕВЪ.

Но все же стоитъ онъ похода
Баторія на Псковъ.

СТАНИСЛАВЪ, въ сильномъ гнѣвѣ.

Насъ побѣдила непогода!
За то удачей мы не хвастались тогда.
Конечно, мы туда
Ходили безъ успѣха,
Но намъ не отъ людей, отъ вьюгъ была помѣха!

СТАНИСЛАВЪ, не много помолчавъ, обращается къ окну, со вниманіемъ смотритъ въ него.

Но это кто еще?—Кто это ѣдетъ къ намъ?
Взгляни-ка, панъ судья, твои глаза моложе.

ВОЙДЗѢНИЧЪ.

Я близорукъ немножко самъ.
Дембовскій, кажется. Для дамъ онъ всѣхъ дороже.
(Это возбуждаетъ общее любопытство и дамы подбѣгаютъ смотрѣть къ окну).

ЛАССКАЙ.

Нѣтъ, нѣтъ совсѣмъ не онъ,
Нѣтъ, это долженъ быть скорѣй Михель Тимонъ.
Для первой пары онъ въ мазуркѣ очень кстати,

Танцуетъ лучше всѣхъ, изъ всей варшавской знати.
Что это ѣдетъ онъ,
Я васъ въ томъ увѣряю:
Я очень хорошо его осанку знаю!
Да и костюмъ его скажу вамъ наконецъ.

ВОЙДЗЕВИЧЪ, лукаво.

Въ васъ сердце—портретистъ замѣтливый и вѣрный.

ЛАССКАЯ.

Но только панъ судья — плохой судья сердецъ.

МАРИЛА.

Ни тотъ, и ни другой, я вамъ скажу навѣрно.

ЛЕВЪ, посмотрѣвъ въ окно, Марилѣ.

И вы ошиблися, позвольте вамъ сказать;
Нѣтъ это ѣдетъ къ намъ какой то незнакомый,
Но вашихъ прелестей поклонникъ будетъ новый,
Во всякомъ случаѣ, ужъ въ томъ ручаюсь я.
Съ наружностью его онъ можетъ быть полезенъ,
Когда лишь только не стыдливъ.

ЛАССКАЯ, нѣжно прищуривая глазки.

И если также онъ любезенъ,
Какъ статенъ и красивъ.

ЛЕВЪ.

Скажу вамъ панна Леонора,
Наружность такъ обманчива всегда,
Что я глазамъ почти не вѣрю никогда!
Боюсь обманчиваго взора!
И какъ они ни хороши...

ЛАССКАЯ, перебивая.

Но очи—зеркало души,
Какъ говорятъ поэты.

ЛЕВЪ.

Да, зеркаломъ душа въ насъ также можетъ быть,
И отражать въ себѣ предметы,
Но ничего лишь не хранить.

ЛАССКАЯ.

Во мнѣ довольно есть догадки
Чтобы понять, панъ Левъ, сейчасъ,
Зачѣмъ за вѣтренность нападки
Такъ часто слышимъ мы отъ васъ.
(Съ насмѣшкою тихо Льву).
И ваша плѣнница прекрасная едва ли
Въ плѣнъ не взяла и васъ самихъ!
Панъ Левъ уже не тотъ; такъ скроменъ, такъ притихъ.

ЛЕВЪ.

Помилуйте, съ чего вы это взяли?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Зеленскій.

ЗЕЛЕНСКІЙ, Станиславу.

Ясновельможный панъ!
Литовскій дворянинъ, панъ Яромиръ Маевскій,
И въ войскѣ нашемъ капитанъ,
Со мною, шляхтичемъ, при вылазкѣ кремлевской,
Бывъ раненымъ, попался къ русскимъ въ плѣнъ.
Но такъ какъ плѣнниковъ размѣнъ
Теперь уже рѣшился,
Чрезъ сѣверную Русь мы ѣдемъ въ Пинскъ домой.
Такъ велѣно, чтобы народъ весь не столпился
Смоленскою дорогою большой.
Когда жъ мы замокъ проѣзжали...

СТАНИСЛАВЪ, ласково перебиваетъ.

Прошу пожаловать! Издревле никого
Я мимо не пускалъ; порога моего
Пріѣзжіе не миновали.
И тѣмъ я больше гостю радъ,
Что онъ землякъ и шляхтичъ родовитый.
И возвратившися въ отечество назадъ,
Найдетъ у насъ пріемъ въ плѣну имъ позабытый.
Просите пана къ намъ; не ночь одну,
Намъ мѣсяцъ посвятить прошу своимъ досугомъ.
Я самъ и весь мой домъ къ его услугамъ.
(Зеленскій уходитъ).

ЛАССКАЯ.

Ахъ, бѣдненькій! Какъ жаль! онъ раненъ, былъ въ плѣну.
И не жалѣть объ немъ, божусь, что не возможно.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и князь Серебряный.

СЕРЕБРЯНЫЙ, Станиславу.

Зпикую борзо, панъ вельможный,
За вашу ласку я!
(Увидѣвъ Варвару, съ трудомъ скрываетъ волненіе).

СТАНИСЛАВЪ.

Прошу, панъ Яромиръ! Прошу васъ, дверь моя
Отворена для тѣхъ, кто мимо проѣзжаетъ,
Но вдвое для меня пріятнѣе бываетъ
Къ вамъ земляка любезнаго пріѣздъ.
Прошу гостить у насъ, пока не надоѣстъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я радъ, что наконецъ опять я въ Польшѣ съ вами,
И послѣ всѣхъ трудовъ забыться я могу,
Въ такомъ блистательномъ кругу.

СТАНИСЛАВЪ.

Что вамъ не скучно будетъ съ нами,
То въ томъ увѣренъ я!—
А вотъ—жена моя,
Она изъ княжеской фамиліи Бржестовскихъ,—
Древнѣйшій родъ изъ всѣхъ князей литовскихъ.
Левъ Колонтай, мой сынъ,
И служитъ ротмистромъ язды коронной;
И больше нѣтъ дѣтей, всего лишь онъ одинъ...
Знакомство съ дамами, какъ рыцарь благородный
Вы потрудитесь сами свесть.
(Во время этого монолога, Серебряный почтительно цѣлуетъ руку у хозяйки, учтиво раскланивается со Львомъ и дамами).

ВАРВАРА, въ сторону.

Здѣсь князь Серебряный!... Что значитъ превращенье?
Быть можетъ онъ принесъ объ родинѣ мнѣ вѣсть,
Но я не въ силахъ скрыть душевнаго волненья,
И поспѣшу уйти.
(Незамѣченная никѣмъ, уходитъ).

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Почту себѣ за честь
Снискать расположенье...

МАРИЛА, перебивая.

Скажите, панъ Маевскій, вамъ—
Тамъ вѣрно было ложить ужасно скучно вамъ...
И какъ вы вынесли такое положенье?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Но солнце свѣтитъ также тамъ,
И тамъ живутъ и дышутъ люди,
И сердце бьется въ каждой груди.
(Левъ, не видя Варвары, уходитъ).

МАРИЛА.

Но увѣряли всѣ меня,
Что солнце тамъ лишь только освѣщаетъ,
Но жителямъ не сообщаетъ
Оно совсѣмъ огня.
И московитки всѣ, холодныя творенья...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

А я объ нихъ другаго мнѣнья!
Хоть вамъ онѣ должны во многомъ уступить,
Но женщинѣ вездѣ одно опредѣленье;
Онѣ вездѣ одинѣ—и созданы любить!

ЛАССКАЯ.

Любовь существовать лишь можетъ въ сердцѣ только
Способномъ понимать и чувствовать любовь!
Лишь страсти пылкія волнуютъ нашу кровь,
А московитки всѣ нисколько
Не образованы, безъ чувствъ и безъ души.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

И въ этомъ немогу я съ вами быть согласнымъ.
Нѣтъ, московитки хороши!

Скажу вамъ безпристрастно!
И сердце въ нихъ способно можетъ быть
Для нѣжныхъ, пылкихъ ощущеній,
И память можетъ сохранить
Слѣды душевныхъ впечатлѣній!

ЛАССКАЯ.

Вы ихъ настойчиво хотите защитить,
Такъ точно, какъ панъ Левъ; вы ихъ защитникъ вѣрный.
(Ищетъ глазами Льва).
Но онъ уже ушелъ...
(Серебряному).
Скажите откровенно,
Гдѣ видѣли вы ихъ, гдѣ ихъ могли найти?
Ихъ, говорятъ, мужья все держатъ въ заперти,
И женскій полъ съ мужскимъ тамъ быть не можетъ вмѣстѣ,
И даже съ женихомъ тамъ быть пельзя невѣстѣ?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

До Самозванца было такъ.
Марина жъ, хоть на часъ добившися престола,
Успѣла съединить на время оба пола.
И образованности такъ
Старалась навести; а наши кавалеры
И польки милыя давали имъ примѣры.

СТАНИСЛАВЪ.

Панъ Яромиръ! не слышали ли вы
Чего нибудь объ войскѣ нашемъ?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Безостановочно я ѣхалъ отъ Москвы,
Останавясь лишь въ замкѣ вашемъ,
А въ непріятельской землѣ
Не могъ объ войскѣ я провѣдать...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Покоевецъ.

ПОКОЕВЕЦЪ, громко восклицаетъ.

Обѣдъ поставленъ на столѣ!

СТАНИСЛАВЪ.

Прошу, панове, васъ обѣдать.
(Подводитъ Серебрянаго къ панне Ласской, и прочіе всѣ попарно идутъ въ боковую дверь).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Садъ; съ одной стороны бесѣдка.

Зелепскій и 1, 2 и 3-й шляхтичи.

ЗЕЛЕПСКІЙ.

Вотъ вздоръ!—Ты утверждать готовъ
Здѣсь намъ о томъ, чего и самъ не знаешь.

1 ШЛЯХТИЧЪ, очень пьяный.

Анъ нѣтъ—не вздоръ;—я знаю, что я знаю!

ЗЕЛЕПСКІЙ.

Все пустяки, не знаешь ничего.

1 ШЛЯХТИЧЪ.

Ты самъ сказалъ, что ѣдете вы въ Пинскъ.

ЗЕЛЕПСКІЙ.

Ну да, сказалъ. Такъ что же изъ того?

2 ШЛЯХТИЧЪ.

И слышали мы всѣ.

1 ШЛЯХТИЧЪ.

И также то, вы слышали навѣрно,
Что ѣдутъ въ Пинскъ, на родину, домой?

ЗЕЛЕПСКІЙ.

Не отопрусь—и это говорилъ.

2 ШЛЯХТИЧЪ.

Да, онъ при насъ разсказывалъ все это.

3 ШЛЯХТИЧЪ.

Какъ не слыхать; онъ громко говорилъ.

1 ШЛЯХТИЧЪ.

А я скажу, на это, мой пріятель,
Что въ Пинскѣ не было Маевскихъ никогда.

ЗЕЛЕПСКІЙ.

Какъ не было, когда я говорю,
И подтверждаю то, какъ шляхтичъ родовитой,—
Что были тамъ Маевскіе и есть.

1-й ШЛЯХТИЧЪ.

Ты говорить все можешь, что угодно;
Но ложъ твою я долженъ уличить.
Я докажу что нѣтъ Маевскихъ рода...

ЗЕЛЕПСКІЙ, перебивая.

Да какъ тебѣ намъ это доказать?
Но, впрочемъ, что слова терять напрасно!

Онъ пьянъ, чуть живъ;—вы видите, панове.

1-й шляхтичъ.

Кто, я, я пьянъ?—За это панъ Стрекала
Раздѣлка въ мигъ;—прошу гонору слово.

(1-й Шляхтичъ и Зеленскій хотятъ обнажить сабли, но 2-й шляхтичъ ихъ удерживаетъ, ставъ между ними).

2-й шляхтичъ.

Ну вотъ еще, ну полно же, панъ Мрочекъ.

3-й шляхтичъ.

И вправду ты въ корчмѣ порядкомъ выпилъ.

зеленскій.

Порядкомъ такъ, что твой языкъ прильнулъ.

1-й шляхтичъ.

Нѣтъ не прильнулъ, ты самъ языкъ прикусишь;
Клянуся въ томъ святымъ Фравцискомъ—я,
Я докажу.....

зеленскій, принужденно смѣясь.

Ну право ты смѣшонъ, и на тебя
За пустяки не стоитъ мнѣ сердиться.
Да у тебя въ глазахъ, какъ видно, все двоится.

1-й шляхтичъ.

Двоится—да не все; вотъ ты...) съ своимъ паномъ,
Какимъ-то Яромиромъ.... вотъ.... двое васъ...
Двоитесь вы.... одни въ моихъ глазахъ....

зеленскій, смѣясь.

Ты очень милъ, ты право страхъ забавенъ.

1-й шляхтичъ, угрожая.

А вотъ я васъ, съ Маевскимъ позабавлю.

2-й шляхтичъ.

Не все жъ шутить—ну, перестань, панъ Мрочекъ.

1-й шляхтичъ.

Кто жъ шутитъ здѣсь?... А я, такъ не шучу.

3-й шляхтичъ.

Ну полно же, ну бросимъ этотъ споръ.
Вельможные обѣдаютъ давно,
Пора и намъ до папа экономa.

2-й шляхтичъ.

Пора, пойдемъ и мы до экономa.

1-й шляхтичъ.

Да въ Пинскѣ нѣтъ Маевскихъ.... нѣтъ... и нѣтъ....

зеленскій.

Пойдемте же.. ну что его тутъ слушать.

(Уходитъ, съ 2-мъ и 3-мъ шляхтичами).

1-й шляхтичъ, идетъ за ними' пошатываясь.

Тамъ нѣтъ... совсѣмъ.... тамъ нѣтъ Маевскихъ рода.

(Уходитъ и говоритъ за кулисами).

Да, нѣтъ... ихъ тамъ... Маевскихъ не бывало.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

варвара, одна.

Ахъ, только здѣсь свободно я дышу!
Ахъ, только здѣсь могу свободно плакать.
И вспоминать объ родинѣ моей,
Опять объ ней.... Опять воспоминанье
Въ душѣ моей; и мысли о быломъ
Въ груди кипятъ; и въ сердце обновилась
Тоска, тоста съ нежданной встрѣчей вновь!
Да это онъ, онъ точно! я узнала;
И ни паралъ, и ни языкъ чужой
Въ немъ отъ меня не скрыли друга дѣтства.
Узнала въ мигъ Серебрянаго я!
Узнала, и тогда еще живѣе
По родинѣ я стала тосковать.
И въ памяти сильнѣй возобновились:
Святая Русь, Москва, былое счастье,
Весь русской бытъ, ребячества пора,
И жизни цвѣтъ, и новыхъ дней забавы,
И матушка, и тетушка моя,
Что матерью моей была второю.
Все какъ во снѣ явилось предо мною.
Ахъ, сколько разъ, какъ много разъ и прежде

Здѣсь добрый Левъ разсѣявалъ меня,
Хотѣлъ развлечь печаль-тоску мою!
И какъ ему за милое вниманье,
Ему за все, что сдѣлалъ для меня,
Ему за все—какъ отвѣчала я!
Ахъ, какъ могу я быть неблагодарной!
Но чѣмъ тебя могу благодарить?
Ты человѣкъ вполнѣ великодушный!
Ты столько добръ, какъ больше быть
пельзя!
Ты облегчилъ мнѣ съ родиной разлуку! —
Мнѣ безъ тебя, пришлось бы умереть!
Но мнѣ страдать, а чувствъ пельзя и-
мѣть! —

Пѣсня.

Грустно жить мнѣ на чужбинѣ, молодой!
Грустно тратить жизнь съ тоской своей одной!
Въ краю вражескомъ я бѣдная въ плѣну,
Здѣсь томлюся я, не жалко ни кому.
Что за дѣло всѣмъ по дѣвушки чужой;
Есть подруга здѣсь, она всегда со мной!
Отъ меня она одна не далека,
То злодѣйка грусть, по родинѣ тоска!
Она грудь мою кручиной всю прожгла!
И я сдѣлалась не та, что я была!
Есть еще одинъ, кому я не чужда;
Но онъ мнѣ чужой, любить его бѣда!
Скучно птичкѣ жить и въ клѣткѣ золотой,
Такъ и мнѣ теперь средь роскоши такой.
Мнѣ какъ въ клѣткѣ суждено одной страдать
И что чувствую—не смѣю я сказать!
Ахъ! что станется съ дѣвичьею красой?
Грустно жить мнѣ на чужбинѣ, молодой.
Разорвись же сердце бѣдное во мнѣ,
Лучше смерть скорѣй, чѣмъ горести одни.

Что жъ такъ во мнѣ волнуетъ кровь мою?
И голова, какъ будто бы въ огнѣ;
И обдаетъ какъ словно кипяткомъ
Въ груди моей біющееся сердце! —
Ахъ! отъ чего, стремясь всегда душою
На родину, порой меня страшитъ,
Пугаетъ мысль, оставить этотъ замокъ?
Я чувствую...

(Задумывается.)

Нѣтъ, это благодарность,
Признательность и больше ничего!

(Садится въ бесѣдку и задумывается.)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Варвара и К. Серебряный.

серебряный, обращается въ ту сторону, гдѣ сидитъ Варвара и, обрадованный, вскрикиваетъ невольно.

Ахъ, Варинька! здѣсь Варинька моя!..

варвара, вздрагиваетъ, вскакиваетъ, нѣсколько мгновеній стоитъ въ нерѣшимости изумленія, и съ радостнымъ восклицаніемъ:

Ты ль это, князь?... Ты ль это, князь Степанъ?

(Рыдая, падаетъ къ нему на грудь. Князь прижимаетъ ее къ своему сердцу; Варвара приходитъ въ себя, вырывается изъ объятій Серебрянаго, но съ безмятежнымъ удовольствіемъ садится рядомъ съ нимъ и долго смотритъ на него.)

варвара.

Здѣсь, князь Степанъ! я встрѣтила тебя
Не только такъ, какъ надо одноземца,
Но точно такъ, какъ милаго мнѣ брата!
Ужъ болѣе двухъ лѣтъ прошло, какъ я
Похищена Жеготой изъ отчизны,
И матери моей лишилась я.
Забыта я знакомыми, родными,
Не вижу здѣсь я русскаго лица,
Не слышу здѣсь и языка роднаго.
Князь! одного тебя въ Москвѣ я знала,
Ты рѣчь любилъ водить всегда со мной!
И часто здѣсь тебя я вспоминала.
Я съ перваго тебя узнала взгляда;
Но твой нарядъ, и ложное названье
Заставили меня въ себѣ таить,
Что чувствую въ душѣ я радость встрѣчи:
Я измѣнить твоей боялась тайнѣ.
Когда жъ услышала я голосъ твой
И дождалась, когда сказалъ ты слово,—
Звукъ голоса и рѣчь была знакома,—
Душа тогда, какъ будто закатилась
И я сюда поплакать убѣжала.
— Меня назвавъ здѣсь именемъ семейнымъ,

Ты обновилъ все въ памяти моей,
Все прежнее; всѣ радости, печали,
Святую Русь, дѣвическую волю.
Казалось мнѣ, что материнской голосъ
Меня зоветъ, что дома я опять,
На родинѣ...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я возвратить пришелъ
Тебя роднымъ и родину тебѣ!

ВАРВАРА.

Какъ сладки для души, какъ сладки мнѣ
Твои слова и разумъ твоей рѣчи!
Свободу мнѣ, мой другъ, ты обѣщаешь,
Но я прошу тебя: будь, ради Бога,
Ты скрытнѣе, какъ можно осторожнѣй.
Левъ Колонтай самъ очень остороженъ,
Онъ подозрителенъ, онъ силенъ, грозенъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Хотя бы былъ онъ въ самомъ дѣлѣ левъ,
Я изъ кохтей его, тебя бы вырвалъ.
Ты хочешь ли бѣжать, со мною въ эту
ночь?

ВАРВАРА.

Нѣтъ, въ эту ночь всѣ будутъ на погахъ,
Готовясь къ дню рожденія хозяйки.
Прошу тебя, отложимъ все до завтра;
Хмѣль праздничный и въ людяхъ сумато-
ха
Сокроютъ нашъ побѣгъ гораздо лучше.
(Начинаетъ смеркаться).

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Располагай, какъ Богъ тебѣ внушитъ.
—Назначенный Стрѣлецкимъ Головой
Въ Опочку, я узналъ, что ты попалась
въ плѣнъ
И чтобъ тебя изхитить отъ Жеготы,
Пустился я въ набѣгъ прошедшей ночью
На панцырныхъ дворянъ, съ дружиною
стрѣльцовъ;
Бездѣльниковъ разграбилъ, раззорилъ;
И накопецъ, обманутый въ надеждѣ,
Рѣшился я, подъ видомъ поляка,
Явиться здѣсь, чтобы хоть головою,
Но выручить изъ плѣна мнѣ тебя!..

ВАРВАРА.

Ты за меня набѣгъ твой сдѣлалъ, князь?
Ахъ! выразить нѣтъ словъ мнѣ благодар-
ность,
И страхъ за жизнь и за судьбу твою.
Но Польша все еще въ войнѣ съ Моск-
вой,
И ты, князь, здѣсь, а ты, наѣзникъ, здѣсь,
Среди враговъ! О удались, бѣги!
Бѣги скорѣй!... покудова есть время!...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Какъ—мнѣ бѣжать?... Какъ—мнѣ тебя
покинуть?...
Нѣтъ этотъ домъ подвинется скорѣй
Ко Пскову, чѣмъ одинъ я возвращуся!
Затѣмъ ли я съ трудомъ пашелъ тебя
Чтобы вновойнѣ тебя лишиться снова?

ВАРВАРА.

Но могутъ здѣсь тебя сейчасъ узнать,
Открыть скорѣй, чѣмъ мы бѣжать успѣ-
емъ;
И ты меня избавить не успѣвъ,
Къ печали мнѣ раскаянье прибавишь,
Что я—твоей погибели виной.
Ахъ, удались!... Пусть будетъ то со
мной,
Что участи моей несчастной надо!

СЕРЕБРЯНЫЙ, мрачно и подо-
зрительно.

Я не могу понять тебя, Варвара
Михайловна: увидѣть край родной
Тебѣ одно, одно лишь только средство
Осталося; то средство—моя помощь;
И ты ее желаешь удалить.

ВАРВАРА.

Я не хочу себѣ освобожденья
Купить цѣной твоей свободы, князь.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Иль можетъ быть тебѣ плѣнъ здѣшній
милъ?...

ВАРВАРА.

Ты не сказалъ бы этого мнѣ, князь,
Когда бы зналъ, какъ горько бѣдной
птичкѣ
Сидѣть въ богатой самой клѣткѣ,
И въ хлѣбѣ даровомъ какъ много есть
песку!
Но, видитъ Богъ, что я и здѣсь все та же,
Что сердцемъ я все русская осталась.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Дозволь еще одинъ вопросъ, послѣдній:

Признайся мнѣ, ты любишь?
(Варвара потупляетъ глаза и молчитъ, грудь ея сильно волнуется).

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Скажи же мнѣ—ты любишь Колонтая?

ВАРВАРА твердо и спокойно.

Достоинъ онъ, онъ заслужилъ любовь!
Великодушію его лишь только я
Обязана минутами покоя
И радости въ враждебной здѣсь землѣ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Ахъ, прямо, я прошу и беззавѣтно
Сказать сейчасъ—ты любишь Колонтая?

ВАРВАРА.

Въ такіе ли часы вамъ говорить
Объ этомъ, князь... Мнѣ кажется идутъ.
(Торопливо).
Поговорить сего дня если намъ
Наединѣ о дѣлѣ не удастся,
То отъ меня ты завтра все узнаешь:
Рѣшеніе мое, и мое сердце!
И да спасетъ тебя хранитель ангелъ!
(Поспѣшно уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

СЕРЕБРЯНЫЙ, одинъ.

Что значитъ это все? Я самъ не знаю,
Что думать о загадочныхъ словахъ?
Дѣвичья ли то робость и стыдливость,
Или ко Льву признаніе въ любви?
Нѣтъ, вѣтъ.... Она меня не позабыла!
Такъ безыскуственно она, душевно
Отъ радости мнѣ кинулась ва шею!
—Но это что? Что значитъ въ ней смятенье,
Волненіе и потупленный взоръ,
При имяни одномъ Льва Колонтая....
Что если онъ.... я вымолвить не въ силахъ....
И бѣшенство кипить въ груди моей!
И ревность тутъ мое сжимаетъ сердце!
(Послѣ минутнаго молчанія).
Но никогда я не любилъ такъ сильно!
И никогда она прекраснѣй не была!!...
(Становится совершенно темно).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

К. Серебряный и Зеленскій.

ЗЕЛЕНСКІЙ.

На силу я тебя въ саду, князь, отыскалъ
И обьявить я долженъ непріятность.
Вотъ здѣсь сейчасъ изъ шляхтичей одинъ
Всѣмъ безъ стыда рѣшился утверждать,
Что будто бы въ отчизнѣ нашей,
И вѣтъ совсѣмъ фамиліи Маевскихъ — въ Пинскѣ.
И то сказать, что онъ былъ очень пьянъ,
Словамъ его давали мало вѣры;
Но можетъ онъ проспаться и тогда
Подалѣе распуститъ эти вѣсти.
Да сверхъ того, еще замѣтилъ я,
Что Колонтай конюшему шепталъ,
Чтобъ тотъ тебя не выпускалъ изъ виду;
Да и въ саду, какъ ты теперь гуляешь,
Здѣсь нѣсколько людей вокругъ насъ бродятъ.
И наконецъ — прибавить долженъ я,
Что въ комнатѣ назначенной для насъ
Съ рѣшоткою окно и дверь съ желѣзомъ,
Съ претолстыми засовами, замками....

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Такъ стало быть мы узнаны теперь?

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Покрайности ужъ насъ подозрѣваютъ..
Конямъ овса я задалъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Пусть кушаютъ;
Мы въ эту ночь не потревожимъ ихъ.
Я самъ едва держуся на погахъ,
Увидимъ мы, что будетъ завтра съ нами,
До завтра все.... Вѣдь утро мудренѣе
Бываетъ вечера!....
Но если?...
Въ соперника Варвара влюблена....
(Рѣшительно).
Не допущу его торжествовать!
Или умру—иль увезу ее!!...

Дѣйствіе третье.

Явленіе I.

К. Серебряный, одинъ.

Нѣтъ, въ цѣлый день не могъ никакъ
найти
Я случая поговорить съ Варварой;
Левъ Колонтай какъ будто замѣчаетъ,
Слѣдитъ за ней вездѣ ревнивымъ взоромъ,
Особенно—когда она со мной.
Да, при стараніи, быть можетъ, что
удастся
Поговорить мнѣ съ ней во время тан-
цовъ.
Какое-то особенное чувство
Какъ тать, теперь въ мою закралось
душу!
Предчувствіе мою стѣсняетъ грудь,
Я весь горю и ревность гложетъ серд-
це!...
—Но я при томъ, веселымъ долженъ
быть,
Какъ всѣ они быть вѣтренымъ, безпеч-
нымъ;
И самымъ тѣмъ поддерживать свой видъ.—
Но чтобы ни было—а я пойду на все!
—Рѣшительность моя непобѣдима!
Но если съ ней мнѣ случая не будетъ
Условиться въ побѣгѣ,—что тогда?...
(По нѣкоторомъ размышленіи).
Не знаю самъ, на что рѣшусь тогда!...

—

Явленіе II.

Варвара, п. Ласскал, п. Марилла, Станиславъ Колонтай, Левъ Колонтай, Князь Серебряный и Войдзевичъ.

Станиславъ.

Я поздравляю дамъ
Съ дождемъ: мои приметы
Сбылись, и веселѣй надѣюсь будетъ
намъ.—
Въ лѣсу грибы, въ гостиной же привѣты
Съ любезностью ролятся до поры
Гораздо больше въ день ненастный.

Войдзевичъ.

Совсѣмъ не мудрено...
Вѣдь наше солнце—полъ прекрасный.

Ласскал.

Имъ быть бы не желала я,
Въ томъ много чести, панъ судья!
И больше отъ того заботы было бъ съ
вами.
Довольно съ насъ быть скромными цвѣ-
тами,
Чтобъ солнце насъ могло красить и
живить;
Чѣмъ самымъ солнцемъ быть,
Которое винятъ, порой, за что не зна-
ютъ,
И многіе за то, что слишкомъ загораютъ.

Войдзевичъ, говоритъ, смотря на Марилу, подлѣ которой стоитъ.

Да я бъ готовъ совсѣмъ арабомъ заго-
рѣть,
Лишь бы приблизиться къ блестящему
свѣтилу.

Марилла, насмѣшливо глядя на него.

Конечно это очень мило,
Но мотыльку свѣчи довольно, чтобъ сго-
рѣть.

Серебряный, устремя одушевленный взоръ на Варвару.

Конечно мотыльку одной свѣчи довольно;
За то орелъ—безстрашно, добровольно
Стремитъ свой смѣлый взоръ за солнеч-
нымъ лучемъ!

Левъ.

Не худо бъ поберечь вамъ крылья во-
сковыя,
Чтобы не растопить ихъ на небѣ чужомъ.

Серебряный, гордо.

Чужомъ?—что значитъ, панъ, слова та-
кія?
Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ,
То воздухъ и любовь границъ еще не
знаютъ.

ЛЕВЪ, насмѣшливо.

Любовь.... любовь.... памъ Яромпръ!
Такъ васъ опа одушевлястъ.
А.... я не знадъ, что вы далеко такъ
зашли...

СТАНИСЛАВЪ, взявъ по дружески за руки обоихъ противниковъ.

Ну полно вамъ шумѣть, какъ будто бы
шмели,
До танцевъ времени осталося не много.
Теперь не во время тревога....
Съ начала васъ прошу потанцовать,
Поужинать и въ кости поиграть.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Покоевецъ.

ПОКОЕВЕДЪ, тихо Станиславу.

Жегота здѣсь и проспъ позволенья
Увидѣть васъ, ясновельможный папъ.

СТАНИСЛАВЪ.

Ну—прахъ возьми разбойпика Жеготу,
На немъ совсѣмъ не праздничпая рожа.—
(Покоевцу).
Ну чтожъ ты сталъ?—Зови его сюда.
(Покоевецъ уходитъ).
Вѣдь не встрѣчать его мнѣ на крыльцѣ...
И вѣрно ужъ подъѣхалъ съ поздравленьемъ.

ЛЕВЪ, тихо отцу.

Но батюшка! Мнѣ кажется не стоптъ
Онъ чести быть здѣсь принятымъ у насъ.

СТАНИСЛАВЪ.

Я не могу терпѣть и самъ нисколько
Дорожпаго разбойника, да опъ
Мнѣ человѣкъ почти необходимый;
Онъ стережетъ деревни отъ пабѣга,
И деньгами меня порой ссужаетъ,
За адскіе, огромные проценты.
—Да мнѣ здѣсь съ нимъ вѣдь не дѣтей
крестить,
Плеснулъ мерзавцу рюмку водки
И за порогъ; вѣдь не на сеймъ сбираться.

—

ЯВЛЕПІЕ IV.

Тѣ же и Жегота.

СТАНИСЛАВЪ, Жегота съ подобострастіемъ обнимаетъ его колѣни. Станиславъ говоритъ съ нимъ съ видомъ покровительства.

А.... это ты... папъ вахмистръ! какъ
живешь?
Что скажешь мнѣ, удалая головка?..

ЖЕГОТА, смиренно.

Едва свою унесъ, на плѣчахъ я!
Вамъ жалуюсь я, папъ ясповельможный,
Что Русскіе паѣхали на наше
Селепіе, позапрошедшей ночью,
Разграбили, все выжгли, разломали,
Угнали скотъ и шляхтичей разбили,
И панское селеніе Тримосцье
Такъ сдѣлалось—хоть покати шаромъ.

СТАНИСЛАВЪ.

Что?... какъ? опи осмѣлились наѣздъ
Въ Тримосцье къ вамъ, въ мою деревню
сдѣлать.
Разграбить все, и выжечь, перебить.—
Да это ужъ неслыханная наглость!
Намъ проучить порядкомъ должно ихъ,
И вымѣстить имъ это надо втрое,
Да что же ты самъ дѣлалъ, панъ Жегота?...
И шляхтичи твои чего глядѣли?
—Увѣренъ я, что слѣдомъ за тобой
Къ намъ Русскіе ворвались за границу.
А удальцы твои улепетнули:
Съ карманами привыкши воевать,
Въ опасности пе могутъ устоять.

ЖЕГОТА.

Прошу простить меня ясповельможный!
Копечно такъ, я былъ на полевапы,
Но только лишь въ другомъ краю.
—Стрѣлецкій голова въ Опочку повый
Пріѣхалъ князь Серебряный, и вотъ ему
Вдругъ вздумалось пуститься къ памъ
въ паѣздъ,
Чтобъ удивить своимъ насъ удальствомъ.—
—Ужъ я догпалъ стрѣльцовъ близь самой переправы
Но ничего у нихъ не могъ отбить.—
—Вотъ я домой... лишь головня курится,

Всѣ сундуки разбиты, старшій сынъ
Мой не встаетъ, опасно раненъ имъ.
И поскакалъ сюда съ обѣда я,
Чтобъ у папа просить себѣ защиты
И помощи—и былъ бы здѣсь давно,
Да палъ мой конь, и верстъ пятнадцать я
Сюда пѣшкомъ тащиться долженъ былъ.

СТАНИСЛАВЪ.

Да это срамъ, позоръ и стыдъ полякамъ,
Я этого никакъ не потерплю!

ЖЕГОТА.

Панъ Колонтай, не дай въ обиду пасъ!
Да имъ спускать, когда магнаты будутъ,
Такъ ужъ у пасъ они тогда начнутъ
Хозяйничать, какъ бы въ своемъ карманѣ.—
Ты заступись за насъ ясновельможный,
И защити, передъ начальствомъ нашимъ.
—Подальше какъ пойдемъ безъ позволенья,
Такъ и бѣды пожалуй наживешь.

СТАНИСЛАВЪ.

Пускай меня убьетъ не пуля и не бомба,
А лопнувши бутыка черепкомъ;
Коль не возьму по кожѣ съ варваровъ,
За каждую баранью шкурку.—Съ ними
Я разочтусь, раздѣлаюсь....

НѢКОТОРЫЕ ГОЛОСА.

Въ наѣздъ! въ наѣздъ!

СТАНИСЛАВЪ.

Полсотни я рейтаровъ назначаю
И съ ротмистромъ; чтобъ съ панцерными вмѣстѣ
Могли они ударить на Опочку....
Ты слышишь ли? Ты понялъ ли, панъ вахмистръ?

ЖЕГОТА.

Гдѣ я пройду лисой, то тамъ со страху
И курицы три года не несутся;
А волкомъ гдѣ случится проскачу,
Тамъ и трава во вѣкъ расти не будетъ.
—Ужъ положись во всемъ ясновельможный
Ты на меня, пайдемъ погрѣть гдѣ руки!

СТАНИСЛАВЪ.

Смотри же, панъ! Не положи охулки
На руку ты.—Къ вамъ выступятъ мои
На вѣрно черезъ часъ, чтобы съ людьми твоими
Подъ Люцином соединиться вмѣстѣ.
Приказы же послѣдніе мои
Получишь ты съ паномъ Горжельскимъ.....
—Ужъ на тебя давно судьи грызутся,
И если ты успѣешь за Великой,
То я тебѣ стѣна;—а если нѣтъ,
Тогда и глазъ мнѣ больше не кажи.

ЖЕГОТА, раскланиваясь.

Ужъ либо панъ, либо пропалъ....
(Уходитъ).

СТАНИСЛАВЪ, успокоясь.

Но впрочемъ
Намъ, господа, не можетъ помѣшать
Для балу нашего пустая эта сдѣлка,
И можемъ мы до сыта танцовать.
А молодежъ, охотники до драки,
Въ глухую ночь, успѣютъ послѣ танцевъ
Догнать отрядъ рейтаровъ на дорогѣ,
Чтобы поспѣть Опочку разгромить.
Я васъ прошу—панове, дамъ просить.

(Всѣ берутъ дамъ и идутъ польской, князь Серебряный кидается къ Варварѣ, но Левъ Колонтай его предупреждаетъ).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАРВАРА, ЛЕВЪ КОЛОНТАЙ и СЕРЕБРЯНЫЙ.

(Оба стоятъ нѣсколько мгновеній, пожирая другъ друга яростными взорами).

ЛЕВЪ, надмѣнно.

Что значитъ?... панъ Маевскій, пасъ
Судьба какъ будто бы на зло соединяетъ?...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

То значитъ, что панъ Левъ, дорогу заслоняетъ.

ЛЕВЪ

Но мѣста здѣсь довольно съ васъ,
Панъ Яромиръ! здѣсь широка дорога.

СЕРЕБРЯНЫЙ, съ запальчивостію.

Не шире клинка моего!

ЛЕВЪ.

Да и не долѣе терпѣнья моего!
(Оба схватываются за рукоятки сабель).

ВАРВАРА, съ трепетомъ кидается между ними.

Остановитесь! ради Бога!
(Противники не перестаютъ грозиться другъ на друга).

ЛЕВЪ.

Нѣтъ, долженъ я раздѣлаться сейчасъ!

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я потерялъ и самъ совсѣмъ мое терпѣнье!

ВАРВАРА.

Я умоляю васъ—
Имѣйте снисхожденье!...

ГОЛОСЪ СТАНИСЛАВА.

Пали!
(За нимъ раздается выстрѣлъ).

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Ахъ, помогите....

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Помочь спѣшите ей!

ЛЕВЪ.

То голосъ матери моей!
(Убѣгаетъ).

ВАРВАРА, торопливо.

Остановись!—Что хочешь безразсудный?
Опасности ты можешь намъ навлечь;
Но рѣшено—и къ десяти часамъ
Ты жди меня въ залу у старой башни.
(Скоро уходитъ въ залу).

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Да, точно истину сказала мнѣ она,
Едвали я не глупостей надѣлалъ.
Ее не спасъ, и ссору самъ затѣялъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

К. Серебряный, Станиславъ и Войдзевичъ.

СТАНИСЛАВЪ, съ пистолетомъ въ рукѣ и хохоча во все горло.

Что каково?—что каково попалъ?....
Не дурно.... а?... Не безпокойтесь, паны,
Лишь каблучекъ отстрѣленъ деревянный
Мной у жены моей.... и только... каково?...
Еще мой глазъ не старѣетъ покуда;
И кой кого мы за поясъ заткнемъ.
Что панъ судья?....

ВОЙДЗЕВИЧЪ, съ хохотомъ.

Вотъ выдумка лихая.
Панъ Станиславъ со смѣху уморилъ!
Да мы никакъ не можемъ надивиться;
И какъ могло вамъ въ голову притти,
Чтобъ въ комнатѣ и даже среди танцевъ
Всѣмъ выказать въ стрѣляньи удальство?
И я даю себѣ честное слово,
При случаѣ здѣсь тоже повторить.

СТАНИСЛАВЪ.

Пойдемте же туда, панове, выпьемъ
Мы стараго венгерскаго, за тѣмъ
Чтобъ вспомянуть мою былую удаль.
(Уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

К. Серебряный, потомъ Зеленскій.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Желанные часы наступятъ скоро—
И довершить я долженъ избавленье.....
(Увидя, что Зеленскій прокрадывается, осматриваясь во всѣ стороны).
Что жъ новаго ты мнѣ, Зеленскій, скажешь?...

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Покуда то, что дождикъ пересталъ—
Вотъ лучшее;—а худшее—есть то,
Что въ эту ночь, иль завтра сюда будетъ
Знакомецъ твой Мацьевскій; онъ въ Режицѣ.
Нагрянетъ вдругъ, и мы тогда открыты.

А про тебя идутъ здѣсь слухи:
Что будто ты застрѣленъ самъ въ на бѣгѣ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я докажу всѣмъ этимъ сорванцамъ,
Что я не застрѣленъ.—А что же ихъ рейтары,
Отправлены ль отсюда подъ Опочку?

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Они ушли; но только такъ хмельны,
Что обогнать намъ ихъ не трудно будетъ,
У нихъ вездѣ, во всѣхъ корчмахъ привалы.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Тѣмъ лучше намъ; а мнѣ хоть умѣреть,
Но отразить ихъ налобно поспѣть.
Хотя и здѣсь я съ Колонтаемъ Львомъ
Поссорился—но частныя раздѣлки
До случая мнѣ должно отложить;
А тамъ, сойтися съ нимъ на границѣ.—
—Ты осмотрѣлъ оружіе и сбрую?

ЗЕЛЕНСКІЙ.

И гвозди всѣ подковные исправны.
Проклятой э....

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Тсъ... тишѣ.. къ намъ сюда
Мнѣ кажется—подходитъ кто-то.
(Оба прислушиваются, но все тихо).

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Нѣтъ,
Нѣтъ, это гулъ отъ танцевъ только въ залѣ.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Десятаго въ исходѣ по часамъ
Моимъ.
(Отдаетъ свои часы).
Коней для насъ ты приведешь,
И третьяго, ты знаешь, для Варвары,
Къ той башнѣ что въ саду,
И за стѣной садовою поставишь.
А я къ тебѣ прокрадусь потихоньку....
Вмигъ на коней.... и поминай какъ звали.
—Въ надеждѣ ль ты, что все сопровоpить можешь?...

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Здѣсь конюховъ когдабъ запрятать въ пушку
И выстрѣлить—они бы не проснулись:
Всѣ пьяны такъ, какъ будто бы убиты.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Условный знакъ, ты помни—два свистка;
Отвѣтъ на то—удара два въ ладоши.
А мнѣ теперь въ толпу вмѣшаться надо;
Что бы мое отсутсвіе изъ залы,
Для всѣхъ не вдругъ примѣтно стало.
(Оба уходятъ въ разныя стороны).

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Варвара и Левъ Колонтай.

ЛЕВЪ, кротко укоризненнымъ голосомъ.

Скажите мнѣ, за что панна Барбара,
За что меня не хочетъ даже видѣть.

ВАРВАРА, отвращая лицо, чтобы скрыть слезы.

И не должнабъ тебя я видѣть, Левъ!
Я бъ не должна любить тебя; когда бы
Мнѣ это все возможнымъ быть могло!

ЛЕВЪ.

И не ушли, жестокая Барбара,
Ты бы могла все это совершить;
И такъ легко, какъ пожелать того.

ВАРВАРА.

На доброе всегда—даетъ Богъ силы!

ЛЕВЪ.

На доброе?—Разторгнуть, разорвать
Союзъ сердецъ, всю жизнь отнять
И сдѣлать вѣкъ несчастнымъ человѣка,
Виновнаго лишь только въ томъ, что онъ
Не въ силахъ былъ скрывать любви своей...
—Барбара! ахъ, Барбара! еслибъ ты
И во сто разъ меня любила меньше,
Чѣмъ я тебя, то и тогдабъ такіе
Въ груди твоей не крылись предразсудки.

ВАРВАРА.

Вашъ полъ привыкъ всѣ правила святыя,
Обычаи священной старины
Считать всегда за предразсудки;
Невольно тѣмъ умъ слабый завлекая..

ЛЕВЪ.

Но обижать за что же такъ меня.
И смѣшивать съ безстрастною толпою?...
Намѣренья мои всегда такъ чисты,
Какъ страсть къ тебѣ свята и безкорыстна.
—Я сколько разъ увѣщевалъ тебя,
И умолялъ рѣшить судьбу мою.
—Не ужли я все долженъ позабыть,
И всѣ мои напрасны ожиданья?....

(Съ жаромъ схвативъ руку Варвары, смотрить ей въ лицо).

ВАРВАРА.

О добрый другъ!—другъ милый мой!—словами
Не выразить, не заплатить того,
Чѣмъ я тебѣ обязана навѣкъ!
Ты—усладилъ часы моей неволи,
Ты—воспиталъ во мнѣ и умъ, и сердце!—
Но я, мой Левъ!—родилась на Руси.—
—Ты сдѣлалъ все, что можно человѣку.
Но могъ ли ты мнѣ родину создать?
Но могъ ли ты меня пересоздать?...
Забыла я—что ты мнѣ чужеземецъ,
Но помню я—что русская сама!
Во мнѣ, порой, такъ сердце замираетъ,
Какъ вздумаю, что отказаться я
Должна на вѣкъ и отъ всего того,
Что мило мнѣ, что было сердцу свято!
Забыть языкъ здѣсь матери моей
И не видать родныхъ своихъ полей!!—

ЛЕВЪ.

Да—мило все тебѣ, холодная душа!
Одинъ лишь я не милымъ остаюсь!—
Но мнѣ—съ тобой, самой Сибири тундры
Въ сто разъ милѣй отечества бы стали!

ВАРВАРА.

И мыслишь ты, что я была бъ спокойна,
Лишивъ тебя—отечества навѣкъ?
Нѣтъ, милый Левъ! Для счастья твоего,
Отъ своего должна я отказаться!—
Заравѣе твои родные ропщутъ
На этотъ бракъ; и дамы ужъ острятъ
Противу насъ своихъ насмѣшекъ жало.
Самъ сдѣлаешься ты предметомъ клеветы,
И сплетней, и вѣстей....

ЛЕВЪ.

И для пустыхъ
Пожервую я звуковъ—всѣмъ моимъ
Единственнымъ блаженствомъ на земли?
И за одну пустую благосклонность
Безпечнаго и вѣтренаго свѣта,
Я промѣнять рѣшуся счастье жизни?
Неужели, Барбара! столько низко
Я въ мнѣніи твоемъ упалъ?... Ужель
Во мнѣ ума, такъ мало полагаешь,
Что бы понять всю этаго ничтожность?
И мало такъ рѣшимости во мнѣ,
Что бъ это не презрѣть?....
Напротивъ.... нѣтъ....
Левъ Колонтай еще имѣетъ голосъ,
Чтобы сказать—свое желанье, волю,
И острый мечь—чтобъ подтвердить ее!

ВАРВАРА.

О, милый другъ! повѣрь, что бракъ со мною
Премножество печалей наплечетъ
И горестей тебѣ;—мнѣ будетъ стоить слезъ!
Ахъ, откажись отъ этой мысли, Левъ!

ЛЕВЪ, разтроганный на минуту.

Съ тобою быть, Барбара! быть такъ часто,
Была судьба моя довольно долго....
Но почемужъ—не можетъ быть всегда?
Я эту мысль лелѣялъ, какъ цвѣтокъ,
И хочешь ты ее вдругъ съ корнемъ вырвать.—
И этимъ мнѣ все сердце растерзать!—
Ужасна мысль, чтобъ не владѣть тобою!
Но знать тебя—въ объятіяхъ другаго—
Кляпусь тебѣ, то свыше силъ моихъ!..

ВАРВАРА.

Да, признаюсь, была бы рада видѣть
Мой другъ тебя, я счастливымъ съ другою!

ЛЕВЪ.

И чувствуешь, ты въ самомъ дѣлѣ то,
Что говоришь?... И очень хладнокровно
Могла бы ты меня съ другою видѣть?—
Нѣтъ, этаго не будетъ никогда!...
И знаетъ пусть, пусть вѣдаетъ Барбара:
Я не изъ тѣхъ уступчивыхъ людей,

Которые глядятъ на то спокойно,
Какъ счастье ихъ соперникъ отнимаетъ,
Которые питаются слезами!...

ВАРВАРА.

Какъ дорого, какъ дорого мнѣ, Левъ,
Ты продаешь свои благодѣянья!

ЛЕВЪ.

Я продаю мои благодѣянья?
Барбара, я?... Который никогда
Въ самомъ пылу моей кипучей страсти
Не преступалъ никакъ твоихъ завѣтовъ!
И въ забытьи восторга моего,
Не приводилъ твою стыдливость въ краску!
Не слишкомъ ли жестокъ мнѣ твой упрекъ?
Нѣтъ — онъ не твоего созданья долженъ быть!
—Откуда вдругъ явилась эта скрытность?
И отъ чего ты стала холодна,
Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь у насъ пришлецъ Маевскій...
Но для чего... и для кого онъ здѣсь?...
Онъ долго былъ въ Москвѣ: онъ могъ тамъ видѣть
Тебя; могъ знать тебя, любить; тобой
Любимымъ быть!... Значительные взоры,
Волненіе и это безпокойство!
И ты въ слезахъ!...
(Мрачно задумывается).
Творецъ!... какая мысль!
Но знайте же:—Барбары сердце можетъ
Принадлежать не мнѣ... за то рука,
Ужъ никому принадлежать не будетъ!...
И знайте же: что ежели умѣю
Я истинно и пламенно любить —
То пламенно умѣю ненавидѣть!...
—И тотъ, черезъ кого лишенъ блаженства я,
За дерзость мнѣ, своей заплатитъ кровью!...
(Въ ужасномъ гнѣвѣ, почти внѣ себя уходитъ).

ВАРВАРА, ВЪ СЛѢДЪ ЕМУ.

Левъ, выслушай!... Постой!
Великій Боже!
Какъ тяжело рѣшиться было мнѣ,
Чтобъ растерзать столь преданное сердце!...
Все кончено!—Отечество и вѣра,
И долгъ зовутъ меня, на Русь... на Русь...
(Быстро уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ, ВХОДИТЪ СЪ ПРОТИВНОЙ СТОРОНЫ И ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ПРОТИВЪ СТѢННЫХЪ ЧАСОВЪ.

Девятаго лишь только полавина...
Осталося дождаться полчаса,
И участь мнѣ моя должна открыться!...
То—удалить хотѣлъ бы роковое
Мгновоніе!—То, видѣть ужъ его
Далеко за собой!
(Стоитъ въ задумчивости, сложа руки на груди, и смотритъ съ большимъ вниманіемъ на часы).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ И ПАНЪ ЛАССКАЯ.

П. ЛАССКАЯ.

Панъ Яромиръ, со стрѣлки часовой
И глазъ не опускаетъ,
Какъ будто, въ ней судьбу свою прочесть желаетъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ, ВЗДОХНУВЪ.

О томъ лишь только думалъ я.
Вы отгадали, панна, точно.
Да, женщины и время, для меня
Загадкою всегда бывали какъ нарочно.

ЛАССКАЯ.

Напрасно говорятъ, что время тотъ лишь насъ
Можетъ разгадать; — я разгадаю время:
И увѣряю васъ,
Оно презлое семя,
Летитъ какъ саранча, иль тащится какъ звѣрь!—
И кто поймать его желаетъ,

Тотъ—въ будущій, нисколько часъ не вѣры!—

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Нѣтъ, вашъ урокъ совсѣмъ не убѣждаетъ.

ЛАССКАЯ.

Такъ опытности вы не вѣрите моей?

СЕРЕБРЯНЫЙ, смотря въ залу.

Скажите, что это такое?
Изъ залы общество сюда идетъ большое?

ЛАССКАЯ.

А то, что много такъ наѣхало гостей,
Что въ танцахъ всѣ они не могутъ помѣститься,
Такъ вѣрно не хотятъ ужъ болѣе тѣсниться.
И вотъ панъ Станиславъ со свитою своей.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Станиславъ, Войзевичъ, Солтыкъ, панна Марина, и потомъ во время танцевъ, Левъ, и множество гостей обоего пола.

СТАНИСЛАВЪ.

Пожалуйте сюда, такъ стало тѣсно въ залѣ.
Здѣсь по свободнѣе вамъ будетъ танцовать;
А мы подтянемъ вамъ, какъ прежде мы пѣвали!
И въ танцахъ мы себя умѣли показать.
Да нынче ужъ не тѣ и танцы, какъ бывали!
Такъ становитесь же, извольте начинать.

Кавалеры берутъ дамъ и становятся танцовать мазурку. Старики подпѣваютъ, притопываютъ.

Хоръ, подъ музыку мазурки.

Милы полякамъ
Битвы, бесѣды;
Храброму лакомъ
Кубокъ побѣды!

Любитъ онъ звонъ мечей,
Любитъ онъ блескъ очей,
Стройныя пляски,
Нѣжныя ласки!

Кубокъ и сабля,
Сабля и кубокъ!
Сладостна капля
Съ розовыхъ губокъ.

(Нѣкоторыя дамы выбираютъ Станислава Колонтая и онъ проходитъ мазурки, со всѣмъ удальствомъ стараго магната. При концѣ танцовъ Левъ и Солтыкъ выходятъ на авансцену; всѣ прочіе толпятся въ глубинѣ театра).

СОЛТЫКЪ.

Что скажешь маловѣрный?
Я убѣжденъ, что намъ всѣ женщины не вѣрны!
И надобно сказать: Маевскій—чародѣй!
Онъ лихо поступилъ, съ красавицей твоей!
Суровую красу заставилъ вмигъ влюбиться,—
Да я въ ученики къ нему готовъ проситься.

ЛЕВЪ, задыхаясь отъ гнѣва.

Нѣтъ. — Въ головѣ моей... въ душѣ— бушуетъ кровь,
Коварная обниметъ трупъ злодѣя.

СОЛТЫКЪ.

Я право сожалѣю,
Что можешь такъ цѣнить ты женскую любовь.
Нѣтъ, лучше моему послѣдовать примѣру,
Люблю прекрасныхъ я, люблю—но только въ мѣру,
Когда измѣняетъ мнѣ—бутылку пью вина,
И новую пою я пѣсню для забавы,
Влюбляюсь за-пово на славу,
До тѣхъ лишь только поръ, пока и та вѣрна.
Да, женскую любовь я знаю совершенно.
Послѣдуй мнѣ и ты утѣшишься навѣрно.

ЛЕВЪ.

Но кто этотъ злодѣй?
И какъ онъ могъ такъ скрытно...

СОЛТЫКЪ.

Что онъ за человѣкъ, узнать бы любопытно.
Но надо поспѣшить мнѣ въ залу поскорѣй,
И панну Ласскую увѣрить непремѣнно,

Что нѣтъ подобной ей
И что она танцуетъ несравненно
Какъ нимфа, какъ зефиръ; да, да зефиръ
лишь только
Такъ можетъ танцовать, какъ миленькая
полька.

(Левъ нѣсколько времени стоитъ въ замѣшательствѣ и какъ бы рѣшась на что нибудь—уходитъ).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Садъ. Ночь. Съ одной стороны старая башня, въ которой желѣзная дверь отворена настежъ, стѣна съ калиткою отдѣляютъ садъ отъ лѣса. К. Серебряный, потомъ Варвара и Зеленскій.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Какъ ночь темна! Ахъ, скоро ли Варвара
Сюда придетъ?—И скороль разрѣшится
Мнѣ чудная загадка?—
(Прислушивается, слышитъ шумъ съ другой стороны стѣны).
Вотъ Зеленскій...
И вотъ она.

ВАРВАРА, въ плащѣ, входитъ скоро.

Ты здѣсь!.. Левъ Колонтай
Преслѣдовалъ меня такъ страшно взоромъ,
Что я едва могла минуту улучить.
Теперь, скорѣй!—Спаси меня отъ плѣна!
Спаси меня—отъ собственнаго сердца.

СЕРЕБРЯНЫЙ, свиститъ два раза.

Постой! Скажи одно мнѣ слово прежде,
Чѣмъ пустимся, съ тобой на жизнь и смерть;
И будетъ пусть оно надеждой мнѣ,
Коль насъ съ тобой Богъ вынесетъ отсюда;—
Отрадою, когда я долженъ пасть.
Скажи мнѣ любишь ли, скажи,
Ты можешь ли любить меня?..

ВАРВАРА, поспѣшно.

Какъ брата,
Какъ друга, князь! И больше не могу
Я обѣщать. Не воленъ выборъ сердца!
Любила я—Льва Колонтая...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Боже!..

ЗЕЛЕНСКІЙ, съ другой стороны садовой стѣны сбивая замокъ.

Скорѣй, скорѣй!.. Мнѣ кажется, бѣгутъ...
А изъ-нутри дверь эта заперта...

ВАРВАРА, сплеснувъ руками.

Но никогда ее не запирали...
Погибли мы!.. Намъ вѣрно измѣнили!..
О, Боже мой! Я вижу свѣтъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Левъ Колонтай, бѣжитъ впереди толпы людей съ факелами, въ сильномъ гнѣвѣ. Зеленскій взобравшись на стѣну, рубитъ саблею дверь.

ЛЕВЪ, при самомъ появленіи.

Стой! стой!

СЕРЕБРЯНЫЙ, обнажаетъ саблю.

Теперь-то мнѣ пріятна будетъ смерть.

ЛЕВЪ, съ ужаснѣйшимъ бѣшенствомъ.

Ты не уйдешь отъ мщенья моего
Я и въ аду найду тебя, злодѣя!..

СЕРЕБРЯНЫЙ, встрѣчая саблей саблю.

Ступай туда—искать себѣ подобныхъ.

(Колонтай нападаетъ съ запальчивостію, но Серебряный однимъ ударомъ сабли повергаетъ его къ своимъ ногамъ. Варвара падаетъ безъ чувствъ).

СЕРЕБРЯНЫЙ, подбѣжавъ къ Зеленскому.

Спасайся ты во чтобъ ни стало,
И обо всемъ увѣдомь Агарева;
Пусть онъ совсѣмъ забудетъ обо мнѣ,
Пускай набѣгъ лишь только отражаетъ.
Но болѣе ни слова. Вотъ мое
Послѣднее желаніе.—Скачи.

(Зеленскій соскакиваетъ со стѣны).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Станиславъ Колонтай, Мацѣевскій, Войдзевичъ и Солтыкъ. Серебряный стоитъ опершись на саблю, вперивъ неподвижные глаза на два трупа и не замѣчая, что Мацѣевскій пристально въ него вглядывается.

МАЦѢЕВСКІЙ.

Не ошибаюсь я, да этотъ удалецъ
Серебряный. Я зналъ его въ Москвѣ,
И съ нимъ потомъ сражался подъ Москвою;
Онъ самый сдѣлалъ къ вамъ набѣгъ
И такъ отчаянно разграбилъ все имѣнье.

ВСѢ, кромѣ Станислава, обнаживъ сабли.

Стрѣлецкій голова!—Его повѣсить;
Разбойника, лазутчика...

СТАНИСЛАВЪ, во все это время напрасно старается привести въ чувство сына; горесть его превращается въ ярость и онъ въ ужасномъ бѣшенствѣ произноситъ.

Схватите
И скуйте вы, и бросьте сорванца
Въ сырой подвалъ; гдѣ шагъ одинъ до ада.
И пусть онъ тамъ томится до конца,
Пока ему не сдѣлана награда!—
(Съ горестію, обращаясь къ сыну).
О бѣдный Левъ! единая отрада!
Кому теперь—я имя передамъ?
Кому—мои богатства всѣ отдамъ?
Мнѣ безъ тебя ничто небудетъ надо!..
(Онъ сжимаетъ руки и рыданія на минуту прерываютъ рѣчь его; но онъ опять пробуждается къ новому бѣшенству).
Но если я останусь сиротой...
Серебряный! ты знай, убійца мой!
Знай, племени убійца Колонтая:
Что смертью ты безчестною умрешь!
И принесу могилѣ въ дань, тебя я,
Гдѣ всѣ мои надежды погребешь!
Моей любви, ты ляжешь въ память сыну,
И въ мщеніи викакъ я не остыну!
Но и тогда, когдабъ онъ былъ и живъ,
То все одно—тебѣ мое рѣшенье:
Я въ этомъ случаѣ все буду справедливъ,
И не спасетъ отъ праведнаго мщенья
Уже ничто никакъ судьбы твоей!
Я въ томъ кляпусь отчизною моей!
За милліонъ обѣта не нарушу!..
(Служителямъ).
Такъ бросьте же, въ тотъ погребъ вы его,
Пусть завтра же, недальше, изъ него
При мнѣ самомъ, въ терзаньяхъ вырвутъ душу!..
(Служители схватываютъ Серебряпаго и кидаютъ въ отворенную дверь башни).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

К. Серебряный, въ цѣпяхъ; и 1 и 2 рейторы, спятъ у дверей.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Какъ медленно здѣсь тянутся часы!
Томительно прошли почти ужъ сутки!
Все—какъ змѣя вонвается мнѣ въ сердце!..
Мнѣ слышится порой, какой-то голосъ
Нашептываетъ мнѣ:—ты не любимъ!
Межъ тѣмъ она—въ объятіяхъ другаго!
(Въ порывѣ безсильнаго гнѣва, потрясаетъ цѣпями и въ безнадежности падаетъ на камень).

1-й РЕЙТОРЪ, просыпаясь.

Проклятые! и сквозь солому ребра
Переломали всѣ, на камняхъ, братъ,
Лежать не весело нисколько.
А сыро такъ, что ужъ навѣрно мохомъ
Я обрасту, когда здѣсь ночь почую.

2 рейторъ.

Вотъ пѣженка! ты въ сутки такъ розмякъ,
Какъ пряникъ отъ дождя. Но потерпи
Немножечко, и Русской ляжетъ въ землю,
А мы въ постель. Спи до скончанья вѣка.

1 рейторъ.

Да, чорта съ два!—Вѣдь за него всѣ гости
Взъерошились; къ тому же и панъ Левъ
Вотъ такъ въ упросъ и проситъ старика.

2 рейторъ.

Да слышишь ты—старикъ не хочетъ слышать;
Ну такъ и рветъ и мечетъ, кто попался,
Онъ заклялся извѣсть, такъ ужъ не спуститъ;
Ужъ велѣно двѣнадцати рейторамъ
Въ готовности оружіе держать.
Онъ хочетъ, братъ, къ воротамъ; и — пиль, паль!

1 рейторъ.

Хоть посмотрѣть бы къ его расплятъ,
Я отродясь не видывалъ еще,
Какъ это водится, разстрѣливать людей.

2 рейторъ.

Мнѣ удалось и видѣть и палить.
Ужъ не забыть! намъ было смѣху вдоволь,
Когда жида къ столбу попритянули,
За то, что онъ все водку разводилъ,
Онъ не успѣлъ и съ злотыми проститься,
Мы—пафъ, ну и какъ не было его.

1 рейторъ.

Придется, братъ, тутъ вовсе не до злотыхъ
И христіянину; не только что еврею.
Да будутъ ли разстрѣливать его?

2 рейторъ.

А вѣрно такъ, что спуску не дадутъ,
Что я готовъ держать закладъ на водку.
Вѣдь старый панъ наказывалъ при мнѣ,
Окочить все, покуда гости спятъ.

серебряный, слушая разговоръ, постепенно успокоивается.

Все кончено!.. Минуты сочтены!
Сомнѣніе, а больше неизвѣстность
Еще могли мнѣ душу потрясать!
Но какъ теперь—опасность въ достовѣрность
Ужъ перешла, и смерть мнѣ неизбѣжна,
Я вѣсть объ ней встрѣчаю хладнокровно!
И объ одномъ лишь только сожалѣю,
Что смертью я безславною умру!
И что не тамъ, не на стѣнахъ Опочки!
(У дверей слышенъ стукъ).
Но это что?

голосъ солтыка, повелительный.

Скорѣе отворите!

(Рейторы отворяютъ дверь).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь Серебряный, Левъ Колонтай, съ завязанною головою; его ведутъ подъ руки. Солтыкъ и Войдалевичъ. Варвара, въ мужскомъ платьѣ, завернутая въ плащъ. Слуги, съ фонарями. Рейторы Льва сажаютъ на панель.

левъ, Серебряному.

Ты знаешь ли, какая ждетъ тебя
Судьба?

серебряный, спокойно.

Я къ ней готовъ! и завѣщаю
Позоръ за смерть—семейству Колонтая!
Отчизнѣ жъ—месть оставлю за нее!

левъ, улыбаясь.

Кому невѣдомъ страхъ, тому угрозы
Есть безполезный звукъ. И вспомни, князь,
Ты не подъ знаменъ взятъ; притомъ и въ ложномъ
Былъ видѣ ты.....

серебряный.

Мнѣ знамя—моя сабля!
И ранилъ я тебя въ честномъ бою.
Но обвинитъ тотъ можетъ, кто сильнѣе.

СОЛТЫКЪ.

Да у тебя когда бъ знаменъ въ карма-
нѣ
И дюжина была, то и тогда бъ
Не сдѣлался предъ папомъ Станисла-
вомъ
Правѣе ты.....

ЛЕВЪ.

Ты, князь Серебряный, свободенъ!

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Нѣтъ, не приму я дара твоего;
Покуда самъ навѣрно не узнаю
Отъ плѣнницы Варвары, точно ль во-
лей
Она осталась здѣсь! А если нѣтъ,
То смертію—я выкупить свободу
Ея готовъ, и все перенести,
Лишь бы она здѣсь только не страдала!
Я опоздалъ уже на мѣсто чести,
По крайности—я буду вѣренъ дружбѣ.

ЛЕВЪ, молча подаетъ ру-
ку Серебряному.

Ты, врагъ мой!... врагъ! По роду и по
сердцу,
Я не могу тебя любить, но какъ
Съ тобой одно мы любимъ съ равной
силой,—
То не могу тебя я ненавидѣть!...
О если бы, по крайней мѣрѣ, былъ
Ты счастливъ тѣмъ, что отнялъ у ме-
ня!—
Барбара здѣсь. Она съ тобою ѣдетъ.

ВАРВАРА, приближается и
распахнувъ плащь печально, подаетъ руку
Серебряному.

Я предаюсь твоей защитѣ, князь!

ЛЕВЪ.

Передаю залогъ нашъ драгоцѣнный
Я твоему великодушью, князь!
Будь другомъ ей, будь братомъ, ангеломъ
Хранителемъ!—И если между нами,
Все кончено, то почему жъ не быть,
Не быть ему и женихомъ твоимъ!...

ВАРВАРА.

Нѣтъ, мой женихъ на небѣ!

ЛЕВЪ.

Поспѣшите.
Отъ батюшки пріуготовилъ втайнѣ
Я вашъ побѣгъ; но онъ хозяинъ въ до-
мѣ,
И эту вѣсть узнаетъ вѣрно скоро;
Месть стариковъ ничѣмъ непримирима!
Мой проводникъ съ лихими бѣгунами
Васъ ждетъ уже.... Барбара!...
(Закрываетъ лице руками и рыдаетъ).

ВАРВАРА.

Милый другъ!
Любезный Левъ!... Пусть собственная
совѣсть
Тебя за то достойно наградитъ,
Что одержалъ побѣду надъ собою!...

ЛЕВЪ.

Богъ видитъ то, чего побѣда стоитъ!...
Не скрою я, что это больше—дань;
Я жертвовать не могъ и не былъ въ си-
лахъ!...
Ты этого хотѣла—и да будетъ!...

ВАРВАРА.

Живи счастливъ!...
(Хочетъ итти).

ЛЕВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!—я не хочу,
И не могу я сердца пережить....
Надежды всѣ срослись съ моей душею,
То и душа увянетъ вмѣстѣ съ ними!..
Я для тебя—отъ славы отказался,
Но, разлучась, я къ битвамъ возвращу-
ся!
И дорогой продамъ я жизнь цѣною!
Хоть самъ ее ужъ больше не цѣню!
И будь съ тобой — Творца благосло-
венье!
(Варвара обращается еще разъ взгля-
нуть на Колонтая, простираетъ къ не-
му руки и бросается на грудь его).

СЕРЕБРЯНЫЙ, съ умиленіемъ.

Нѣтъ, Колонтай! я васъ не разлучу!
Возвышенной любовію своей,
Все счастіе отъ Бога и людей
Вы заслужили здѣсь....

ЛЕВЪ, качая головой.

Нѣтъ, не хочу
Я покупать чужаго горя,
Для нѣсколькихъ часовъ восторга! Нѣтъ,
И въ самомъ счастьи мысль, что ужъ
хотѣла

Барбэра разъ меня совсѣмъ оставить,
Мою любовь, покой бы отравила!...
Свершится пусть,—что суждено судьдой!
Прощайте.... князь.... прости Варвара....

варвара, рѣшительно.

Ѣдемъ!

(Войдзевичъ и Салтыкъ обнимаютъ князя. Онъ съ Варварою скоро уходитъ, Левъ падаетъ безъ чувствъ, его выносятъ на рукахъ).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Густой лѣсъ. Ночь.

Жегота, Плевака, Панцерники, стоятъ въ разныхъ положеніяхъ, и Зеленскій.

зеленскій, приподнявъ голову прислушивается, потомъ говоритъ тихо.

О, Боже мой! Какъ мнѣ спастись отсюда?
Какъ выполнить мнѣ княжеской приказъ!
Ужъ я рѣшусь на все, что только можно,
Когда ужъ удалось меня имъ поймать.

(Потихоньку встаетъ).

Но, кажется, они ужъ всѣ заснули!
Я, кажется, успѣлъ увѣрить ихъ,
Что будто пьянъ, уйти отъ нихъ не въ силахъ.
То надо мнѣ сейчасъ же поспѣшить,
Пока они мнѣ шеи не свернули.
Но какъ пройти, чтобъ ихъ не разбудить?
До лошади лишь только бы добраться!
Хоть умереть, а все въ Опочкѣ быть!
Дать знать о всемъ скорѣе Агареву!
О Боже, помоги!

(Прокрадывается между панцерниками; одинъ изъ нихъ просыпается).

панцерникъ, въ просонкахъ.

Кто вздумалъ тутъ шататься?

(Зеленскій припадаетъ къ землѣ, потомъ опять встаетъ и выбравшись изъ толпы спящихъ, убѣгаетъ).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, кромѣ Зеленскаго.

жегота, просыпаясь.

Уфъ!... что за вздоръ!... Какой проклятый сонъ
Приснился мнѣ: что будто бы Стребала
Тотъ.... какъ его.... Маевскаго прислужникъ
Веревку мнѣ на шею петлей кинулъ
И затянувъ, стащилъ меня въ рѣку,
А та рѣка была изъ чистой крови.
Уже совсѣмъ я было захлебнулся,
Вдругъ замеръ духъ, я вспрянулъ и проснулся!
И все казалось мнѣ, какъ будто на яву,
Но упускать мнѣ этого не надо!
Мнѣ этотъ сонъ привидѣлся не даромъ,
Стребала мнѣ навѣрное злодѣй;
То надо съ нимъ управиться скорѣй!
Ужъ я жъ его!...

(Вскрикиваетъ).

Эй, ты, Стребала! гдѣ?

(Приподнимается).

Но что за чортъ!—Его совсѣмъ не видно.

(Встаетъ и разсматриваетъ).

Да онъ ульнулъ, здѣсь нѣтъ его нигдѣ.

(Смотритъ далѣе).

Да онъ удралъ, пропалъ совсѣмъ изъ виду!
И не на комъ мнѣ вымѣстить обиду....
Когда бъ его я могъ теперь поймать,
На части бы хотѣлъ я разорвать!...
Но здѣсь нельзя остаться больше намъ,
Туда итти гдѣ наши берега
Отложѣе, не такъ ужасно круты,
Чтобы къ рѣкѣ уже ничья нога
При насъ на берегъ не ступила!
Эй, вы!... вставать, вставать скорѣй.
Къ оружію—вся дьявольская сила....

(Всѣ нехотя встаютъ).

плевака, заспанный.

Клянуся я бичевкою Франциска,
Ты рано насъ всѣхъ поднялъ, панъ Жегота!

Да гдѣ жъ нашъ поймапный, вчерашній Стребала?
Тотъ весельчакъ.....

ЖЕГОТА.

Да, онъ удалый малой!
Не хочешь ли теперь его догнать?

ПЛЕВАКА.

Такъ онъ удралъ...

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Да гдѣ же онъ, куда?

ЖЕГОТА.

Молчать.
И весь отрядъ скорѣе къ переправѣ;
И станемъ тамъ мы утра ожидать.
(Двумъ панцерникамъ).
А двое вы, еще здѣсь обойдите
Весь этотъ лѣсъ, кусты всѣ осмотрите.
(Всѣмъ).
Смотритежъ вы, не смѣть никакъ зѣвать!
Одинъ наглецъ ужъ здѣсь и опущенъ вами;
Когда же тамъ пропустите кого,
Прощайтеся вы съ глупыми башками!
Не смѣть пустить и чорта самаго!
Живѣй впередъ, что долго собираться?
И кромѣ ихъ, не смѣть здѣсь оставаться!
(Всѣ уходятъ, двое выбранныхъ идутъ въ другую сторону).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

К. Серебряный и Варвара, входятъ. Онъ ведетъ ее, она отъ усталости едва переступаетъ.

ВАРВАРА.

Нѣтъ силъ моихъ! Я такъ утомлена,
Что не могу подвинуться ни съ мѣста.

СЕРЕБРЯНЫЙ.

И мудрено ль, верстъ сорокъ проскакавшія?
Ты тутъ прилягъ и успокойся!
Здѣсь можемъ мы немного отдохнуть;
И съ новой силою скорѣй окончимъ путь.
Намъ до рѣки осталось недалеко.

ВАРВАРА.

А между тѣмъ насъ могутъ здѣсь найти.
Гдѣ скрыться намъ, отъ поисковъ погони?

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Нѣтъ, въ головы погонѣ не придетъ,
Что лошадей рѣшились мы оставить;
Въ другую сторону ихъ топотъ отвлечетъ,
И хитрость паша ихъ навѣрное обманетъ.
(Смотритъ нѣсколько времени въ молчаніи на Варвару. Варвара смущается и не отвѣчаетъ ничего).
Мнѣ кажется не рада и сама,
Что ты со мной рѣшилася пуститься
И что свою любовь превозмогла—
Богъ видитъ все, я добраго желалъ!
Тебя забыть—превыше моей воли!
Меня любить—превыше твоей власти!
Пусть будетъ то, что Господу угодно.

ВАРВАРА.

О милый князь! Чѣмъ я могу воздать
Тебѣ за все, за твой тяжелый подвигъ,
И за твое, мой другъ, великодушье?
Мнѣ чѣмъ воздать? Когда и это сердце,
Когда и то,—не мнѣ принадлежитъ.—
Но есть Господь!... Тебя онъ наградитъ
За все, за все! Сиротъ несчастныхъ слезы
Такъ какъ роса на небо улетаютъ....

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я награжденъ и здѣсь и на землѣ,
Когда порой ты вспомнишь обо мнѣ!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Жегота съ панцерниками, потомъ Агарянъ, Зеленскій и Стрѣльцы.

ЖЕГОТА, съ факеломъ въ рукѣ.

А, вотъ они, голубчиковъ нашли,
Скрутимъ же ихъ—намъ будетъ славный выкупъ!

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Я выкуплю себя изъ плѣна саблей.
(Обнажаетъ саблю).
Скорѣй умру, чѣмъ выдамъ имъ тебя!

ВАРВАРА.

О, Боже мой! Что будетъ съ нами, князь?

АГАРЕВЪ, вбѣгая съ противной стороны.

Вотъ здѣсь онъ самъ, нашъ князь, нашъ голова.

НѢСКОЛЬКО СТРѢЛЬЦОВЪ.

Бей панцырныхъ смѣлѣй!

СЕРЕБРЯНЫЙ.

За мной!
(Жеготѣ).
Сдавайся мнѣ, или гибель неизбѣжна!

ЖЕГОТА.

Я сдамъ тебѣ свинцовою монетой.
(Выстрѣливаетъ изъ пистолета въ Серебрянаго, но попадаетъ въ Варвару, которая, испустя слабый стонъ, падаетъ на руки Зеленскому. Серебряный и Агаревъ бросаются на панцырниковъ, заставляютъ ихъ отступить за кулисы и сами слѣдуютъ за ними. Зеленскій и одинъ стрѣлецъ бережно кладутъ Варвару).

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Бѣдняжечка! Едва успѣла вскрикнуть,
Вѣдь пуля на пролетъ.

ВАРВАРА, открывъ глаза, говоритъ слабымъ голосомъ.

Гдѣ я теперь?
Я, кажется, въ отчизну возвратилась....
Но это что?.... Я вижу мать мою!...
Передо мною она лицомъ свѣтлѣетъ....
Такъ ласково—меня къ себѣ зоветъ,
И то не сонъ.... стра... да... пію—конецъ....
(Умираетъ).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Стрѣльцы вносятъ Серебрянаго; потомъ Агаревъ.

СТРѢЛЕЦЪ.

О нашъ отецъ, нашъ добрый голова!
Ужъ онъ какъ видно не очнется.

ЗЕЛЕНСКІЙ, съ ужасомъ.

Такъ онъ убитъ....

СТРѢЛЬЦЫ.

Глубоко саблей ранены.

АГАРЕВЪ, вбѣгая.

Что онъ, что князь?
(Старается привесть князя въ чувство).

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Безъ чувствъ и недвижимъ.

АГАРЕВЪ.

Ужели онъ совсѣмъ окончилъ жизнь?
О, Боже мой!... О Боже милосердый!
Неужели погибнуть этой смертью
Ужъ на роду написано ему!
О бѣдный другъ!.. О добрый ты, мой другъ!...

ЗЕЛЕНСКІЙ.

Онъ живъ! Онъ живъ!

СТРѢЛЬЦЫ.

Нашъ князь очнулся, живъ.

АГАРЕВЪ.

Ты нашъ опять! Ты живъ! Ну, слава Богу!
Лишь только къ намъ Зеленскій переплылъ,
Съ стрѣльцами и сейчасъ сюда пустился,
Чтобы поѣздъ Литвы предупредить,
Чтобы къ тебѣ на помощь поспѣшить.

СЕРЕБРЯНЫЙ, озирается, какъ будто что припоминая и говоритъ слабымъ голосомъ.

Но что же здѣсь, что здѣсь такое было?
Какой-то стонъ, по выстрѣлѣ Жеготы....
Какой то вопль —мнѣ кровь оледенилъ....
Какъ изъ земли возникнулъ этотъ голосъ,
И былъ не чуждъ... былъ даже близокъ мнѣ....
И мой ударъ какъ будто ослабѣлъ,
Онъ поразилъ злодѣя не такъ сильно.....
Но кто?... Но какъ?... Чей голосъ это былъ?
То не мечта... нѣтъ... это точно было...
(Какъ бы опамятовавшись, вскрикиваетъ).
Но гдѣ она?...

АГАРЕВЪ.

Кто гдѣ?...

СЕРЕБРЯНЫЙ.

Она—Варвара?...
(Вскакиваетъ, озирается и, увидя трупъ Варвары, бросается къ ней).
Варвара здѣсь... безцѣнная Варвара...
Хоть слово мнѣ... хоть взглядъ еще одинъ!...
Живи!... живи!...
(Смотритъ на нее въ оцѣпененіи).

На небесахъ она!...
Она ужъ тамъ... и я туда жъ съ тобою!..
Тебя здѣсь нѣтъ, но ты со мною
Не будешь вѣкъ и тамъ разлучена!...
(Склоняется надъ Варварою и умираетъ. Стрѣльцы въ глубокой горести стоятъ надъ ними занавѣсъ опускается).

ТЕАТРЫ ВО ФРАНЦІИ

ПРИ ЛЮДОВИКѢ XV.

Статья Анаиса Сегаля.

Въ наше время, когда каменщикъ застанавливаетъ дорогу маркизу, я едва рѣшаюсь говорить о царствѣ жеманства и учтивства. Пойметъ ли насъ, молодыхъ людей,—которые носимъ сапоги и по самое горло зарываемся въ занятія,—поймет ли насъ тотъ вѣкъ въ шелковыхъ чулкахъ, который является въ облакахъ пудры точно также, какъ нашъ 19 вѣкъ проглядываетъ сквозь дымъ своихъ сигаръ? — Любезный Дора, научи меня твоей мадригальной нѣжности, дай мнѣ твоего пера, обмакнутаго въ розовую воду; вдохновите меня вы, сіятельныя—герцогиня де Шатору, маркиза де Помпадуръ; позвольте мнѣ прикоснуться къ вашей завѣтной коробочкѣ, чтобъ я, дотронувшись до ея живительныхъ красокъ, могъ свободнѣе живописать вашъ очаровательный вѣкъ!... Послѣ такого воззванія мнѣ становится легче; духъ салонныхъ знаменитостей 18-го вѣка покровительствуетъ мнѣ.

Такъ-какъ мы коснулись вѣка, когда сеньоры еще первенствовали передъ мѣщанами, то изъ учивости должны отдать первенство французской комедіи, начать съ нея и заключить ярморочными театрами. Въ 1689 году французскіе актеры купили le jeu de paume de l'Etoile, находящуюся въ улицѣ Сенъ-Жерменъ-Депре. Въ этомъ мѣстѣ архитекторъ д'Орбай построилъ залу, которую оцѣнивали въ 200,000 франковъ. Съ перваго взгляда, эта театральная зала 18-го вѣка казалась очень занимательною. Представьте, первыя ложи наполненныя маркизами и графинями, которыя пришли въ театръ успокоиться отъ своихъ трудовъ, забыть о своемъ мужѣ и избавиться докучливыхъ взглядовъ своего любовника. — Прошу замѣтить, любовника, а не любовниковъ, какъ вы думаете; множественное тутъ неприлично, хотя оно очень бы кстати могло быть историческимъ. Видите ли вы эти ложи, убранныя женщинами въ парчевыхъ юбкахъ и въ пышныхъ корсажахъ? Замѣчаете ли пхъ щечки, расписанныя свѣжею краскою и усѣянныя мушками разныхъ виловъ, и круглыхъ и звѣздоподобныхъ и крестообразныхъ? Вы, я думаю, въ восхищеніи отъ ихъ напудренныхъ головныхъ прическъ, которыя высятся къ облакамъ, какъ пирамиды древняго Египта, держа на своихъ верхушкахъ алмазныхъ бабочекъ, цвѣты и даже плоды? Теперь загляните въ партеръ: тамъ безъ церемоніи толкаются доб-

рые мѣщане, въ ратиновыхъ и камлотовыхъ кафтанахъ, и за неимѣніемъ скамеекъ безпрестанно переминаются съ ноги на ногу. На театральныхъ скамьяхъ, расположенныхъ противъ кулисъ, помѣщаются Адонисы 18-го вѣка, маркизы съ красными каблуками, мушкетеры въ багровыхъ мундирахъ съ золотыми и серебряными галунами. Посмотрите, какъ умильно они дѣлаютъ глазки закулиснымъ Венерамъ и бросаютъ томные взгляды напудреннымъ Гебамъ. Прошу прислушаться къ ихъ коротенькимъ фразамъ, блестящимъ, какъ и ихъ платье. Послушайте, съ какимъ усердіемъ занимаются они сплетнями старыхъ бабъ; какъ интересуетъ ихъ каждый пустой слухъ, чтобы послѣ воспользоваться имъ и запятнать репутацію какой-нибудь жертвы. Здѣсь каждый бросаетъ забавныя остроты, которыя булавками колятъ его соперниковъ. Впрочемъ, отъ времени до времени общество Адонисовъ смолкало, чтобъ послушать піесу или выслушать возвѣщеніе о спектаклѣ слѣдующаго дня. Тогда было обыкновеніе, которое существуетъ и теперь въ провинціяхъ: одинъ изъ актеровъ вечеромъ, по окончаніи спектакля, объявлялъ публикѣ о представленіи завтрашняго дня, и это было во всеобщемъ употребленіи. Извѣстенъ анекдотъ маршала Саксонскаго; при немъ въ походахъ находилась труппа Фавара. Въ этомъ странномъ театрѣ обыкновенно играли едва не подъ пушечными выстрѣлами, и очень часто наканунѣ сраженія. Забавно было, какъ послѣ спектакля выходила актриса сдѣлать анонсъ: «Господа! завтра театръ не будетъ открытъ по причинѣ сраженія, которое дастъ г. маршалъ. А послѣ-завтра: *Веселые амуры* и *Деревенскій пѣтухъ*.»

Возвратимся же къ Французской комедіи. Въ главѣ трагической галлереи мы помѣстимъ Лекеня, родившагося въ 1728 и умершаго 50 л., въ 1778 году. Объ немъ говорили: небо создало его геній и опочило отъ трудовъ. Это безъ сомнѣнія потому, что наружность его нисколько не соотвѣтствовала его геніальности. Лекенъ имѣлъ лице слишкомъ обыкновенное; талія была у него безъ всякой граціи, органъ самый неблагодарный, но высокій талантъ, одинъ даръ неба, вознаграждалъ все прочее. Искусство, которое такая же принадлежность генія, какъ кокетство красоты, уменьшило часть его недостатковъ; оно дало благородство его поступи, смягчило его органъ и умѣло придать такую гибкость его голосу, что и нынѣ рѣдко кто найдется, кто бы съ такою тонкостію могъ находить всѣ измѣненія тоновъ въ выраженіи нѣжности и бѣшенства. Не смотря на мѣрное произношеніе, о которомъ тогда театръ еще сохранилъ преданіе, Лекенъ нашелъ тайну двигать сердцами въ своей патетической игрѣ. Къ несчастію, только эта страстная игра, сопровождаемая сильными порывами, имѣла неровности, которыя доставляли ему столько же враговъ, сколько и поклонниковъ.

Лекенъ оказалъ большія услуги драматическому искусству: въ 1759 году онъ настоялъ на уничтоженіе скамеекъ на сценѣ, гдѣ помѣщались придворные франты, и скамейки исчезли. Потомъ онъ задумалъ измѣнить театральный костюмъ и тогда, какъ г-жа Клеронъ изгоняла фижмы Роксаны и Электры, Лекенъ избавилъ театральныхъ грековъ и римлянъ отъ монументальныхъ париковъ, манжетъ и атласныхъ кафтановъ. Спасибо ему! въ вѣкѣ столь богатомъ на причуды, онъ сдѣлалъ двумя странностями—меньше. Но 18-й вѣкъ не такъ думалъ, онъ жаловался на это и считалъ себя почти обанкротившимся. Впрочемъ и онъ скоро утѣшился, поразсудивъ, что вѣдь онъ милліонеръ.

Послѣ великаго имени Лекена современники ставятъ и нѣкоторыя другія имена: хвалятъ Бризара въ роляхъ королей, Полена въ роляхъ тирановъ, и наконецъ Бельлькура. О послѣднемъ мы упомянемъ, говоря о комедіи; о прочихъ же не скажемъ больше ничего; потомство забыло ихъ и пусть же прахъ ихъ покоится въ мірѣ! Перейдемъ лучше къ дѣвицѣ Госсенъ, *Заирѣ*—Вольтера. Заира была дочь капельдинера; она была въ полномъ смыслѣ красавица—бѣла, румяна, черноброва; когда она выходила на сцену, зала была полна Оросманами. Игра ея была чувствительная и томно-нѣжная, но ей не доставало силъ для

выраженія страстей сильныхъ. Талантъ ея былъ созданъ для ролей комическихъ и наивныхъ; въ нихъ выказывалась вся его прелесть и очарованіе. Болѣе всего удивлялъ въ дѣвицѣ Госсенъ ея плѣнительный, божественный голосокъ, который, слетѣвъ съ пѣжныхъ устъ ея, пріютился на очаровательныхъ губкахъ г-жи Марсъ. Жаль, что Госсенъ имѣла неблагоразуміе занимать роль Агнессы послѣ своего совершеннолѣтія; публика не любитъ годовалыхъ розъ, ей нужны свѣжія; она охотно уважаетъ безсмертныхъ геніевъ, но очень безжалостна къ безсмертной красотѣ. Старость женщины леденитъ энтузіазмъ ея почитателей, точно также какъ зима понижаетъ термометръ. Впрочемъ все-таки публика была очень несправедлива и неблагодарна къ г-жѣ Госсенъ; она забыла, что талантъ не нуждается въ метрическомъ свидѣтельствѣ; а критика, глядя, какъ и всегда случается, на публику, подала ей сигналъ къ ретирадѣ. Госсенъ оставила театръ въ 1763 году и умерла въ іюнѣ 1767.

Послѣ Заиры нельзя неупомянуть о Герміонѣ; послѣ мамзель Госсенъ нельзя умолчать о мамзель Клеронъ, прозванной Фретильономъ. Въ 1723 г., когда умеръ регентъ Франціи, родилось царство трагедіи. Дѣвица Клеронъ вступила въ свѣтъ, вмѣсто пеленокъ, обвитая повязками; талантъ ея, можно сказать, былъ скороспѣлка. Еще дитятей она дебютировала въ Итальянской комедіи, потомъ въ Руанѣ и въ другихъ провинціальныхъ городахъ. Есть люди, которые не вѣрятъ этимъ маленькимъ дивамъ и отвергаютъ тѣхъ геніевъ, у которыхъ только прорѣзываются молочные зубы; но о дѣвицѣ Клеронъ нельзя этого сказать: она вполнѣ сдержала всѣ обѣщанія своей юности. Оставивъ оперу, она рѣшительно избрала себѣ французскую комедію. Правда, дебюты ея не были счастливы: ея голосъ былъ слишкомъ громокъ и крикливъ; игра ея, пересоленная восторгами и нѣсколько принужденная, была по-крайней мѣрѣ двумя октавами выше естественности. Но помощію искусства крикливый ея голосъ перешелъ въ выразительный и звучный, а приличная энергія въ игрѣ замѣнила неумѣренные восторги. Талантъ ея былъ извѣстенъ всѣмъ: Вольтеръ писалъ къ ней письма, самъ Гаррикъ всячески старался достать портретъ ея въ «Мельпоменѣ»; и получивъ портретъ, онъ велѣлъ внизу его выгравировать довольно льстивые стишки.

Опасною соперницею Клеронъ была дѣвица Дюменіль, родившаяся въ 1711 году. Въ талантѣ ея было много силы и крѣпости, хотя неровная ея игра болѣе годилась къ вспышкамъ страсти. Къ несчастію, Дюменіль не всегда умѣла держать себя въ порядкѣ, по милости одной привычки: она также любила виноградъ, какъ и лавры; и съ ровною охотою упивалась славою и старымъ виномъ. Она была причиною паденія трагедіи *Гераклидъ*, Мармонтеля; воспользовавшись этою несчастною пьесою, она хлебнула черезъ край.

Теперь перейдемъ къ актерамъ комическимъ; въ первомъ ряду между ними стоять Превиль и Моле. Никто такъ мастерски неизображалъ людскихъ причудъ, какъ эти актеры, и никто лучше ихъ не возбуждалъ въ публикѣ смѣху. Умная, тѣкая ихъ игра самую пустую роль дѣлала занимательною; и если авторъ хотѣлъ представить что-нибудь смѣшное, то никто лучше ихъ не умѣлъ передать этого, выразить и голосомъ и жестами. Гранваль и Белькуръ прекрасно исполняли роли гордыхъ, надутыхъ и пустыхъ франтиковъ. Оба они въ натурѣ представляли придворнаго волокиту, раздушеннаго, какъ букетъ, который онъ подносилъ своей богинѣ, и остраго, какъ шпажка, которая болталась при его бедрѣ. Хроника тѣхъ временъ къ комическимъ актерамъ также причисляетъ Банваля Данжвиля въ роляхъ безстыдныхъ слугъ и злодѣевъ, мамзель Белькуръ въ амплуа субретокъ, и наконецъ мамзель Данжвиль. Данжвиль не имѣла, какъ ея однофамилица, знаменитая путешественница,—своимъ подножіемъ Монблана, за то имѣла пьедесталъ въ другомъ родѣ: умная, тонкая ея игра, выразительна физіономія, живые, искристые взгляды соорудили ей лучшее подножіе—обожателей, энтузіастовъ.

Окончивъ галлерею трагическихъ и комическихъ актеровъ, займемся обсужива-

ніемъ драматической литературы 18-го вѣка. Предѣлы этой статьи непозволяютъ намъ входить въ подробности, писать полную картину, и потому ограничимся однимъ силуэтомъ. Театръ, какъ и всѣ отрасли литературы, былъ во владѣніи Вольтера, этого божка 18-го вѣка, какъ его тогда титуловали. Весь сонмъ философовъ прошлаго столѣтія обожалъ этого царька сарказмовъ, и никто несомнѣвался въ его геніальности; между тѣмъ какъ геній Вольтера содержался только на счетъ его остроумія. У этого человѣка не было въ мозговой системѣ ни одного отдѣленія пустаго, да и не было ни одного совершенно полнаго. Всѣ превозносили его трагедіи, удивляясь ихъ холоднымъ красотамъ и умному расположенію; рукоплескали его стихамъ-близнецамъ, которые вытекали изъ его пера непрачче, какъ попарно; но, сказать правду, въ нихъ было болѣе двустишій и хорошихъ правилъ, чѣмъ драматической поэзіи.

Около Вольтера группировались цѣлыя міріады сочинителей: опаснымъ и болѣе замѣчательнымъ его соперникомъ былъ Кребильонъ-отецъ; онъ составилъ себѣ драматическій карьеръ — *Катилиною* и *Тріумвиратомъ*. Лефранкъ де Помпиньянъ на успѣхъ своей *Дидоны* заставилъ отозваться Парижъ и Версаль; Мармонтель далъ французамъ трагедіи, писанныя по образцу поэмъ комической оперы. Лемьеръ сортировалъ свои витіеватые стихи, и вынуждалъ аплодисманы въ свою очередь *Гипермнестрою*, *Малабарскою вдовой* и пр. Дора̀тъ утромъ посылалъ стишки *къ дѣвицамъ*, а вечеромъ, если у него оставалось еще нѣсколько листочковъ раздушенной золотобрѣзной бумаги, онъ составлялъ планы для своихъ трагедій. Пуансине взялся однажды написать хорошенькую піесу, и написалъ одно маленькое дѣйствіе для своего *круга*, которое служитъ картиною тогдашнихъ правовъ.

Въ 18-мъ вѣкѣ знали только трагедію и комедію; наши драмы имъ бы показались нелѣпостію. В. Гюго, Дюма, Фредерикъ Сулье были бы изгнаны; ихъ сильныя, трогательныя сцены не нашли бы отголоска въ холодныхъ умахъ Вольтера съ братіею. Въ то время не могли понять истинной, естественной игры Дорвалл, Бокажа, Теодоршы, и какой-нибудь актеръ-декламаторъ легко бы похитилъ у нихъ пальму первенства. Впрочемъ Дидеро, который очень любилъ перемѣнять принятыя идеи, не боялся писать, такъ называемыя, мѣщанскія трагедіи; и прежде еще его играли на театрѣ *Мелапиду*, *Школу матушекъ* и *Гувернантку*, соч. Нивелля дела Шоссе. Но Дидро отдаютъ честь—наименованія этихъ опытовъ драмами.

Заключимъ: драматическая литература 18-го вѣка имѣла почти всегда превратное направленіе; она была надутая, когда хотѣла быть энергическою, дѣлалась жеманною, когда старалась быть граціозною. Эта бѣдная литература носила фижмы и румянилась, какъ придворные маркизы. Правда, геній не имѣлъ тогда конвульсій, какія сообщаютъ ему въ наше время враги драмы, но за то часто впадалъ въ параличъ.

Оставимъ Французскую комедію, сдѣлаемъ пируетъ, по примѣру петиметровъ прошлаго вѣка, и остановимся на Операхъ. Этотъ театръ и царствованіе Людовика XV, мнѣ кажется, были созданы одно для другаго. Опера спала предъ революціей и пробудилась послѣ, съ тѣми же шитыми платьями, съ тою-же жеманностію и съ тѣми же прелестями Помпадуръ.

Въ 1673 году, послѣ смерти Мольера, театръ его, находившійся въ Пале-Роялѣ, отданъ былъ музыканту Люлли, который сдѣлалъ изъ него оперную залу. Такимъ образомъ гнѣздо орла слѣлалось пріютомъ малиновокъ и эхо, вторившее стихамъ Мольера, отзывалось на вялые риѳмы Кино. Впрочемъ Люлли не могъ скоро приготовиться къ представленіямъ, и зала оставалась безъ звуковъ, и сцена безъ чаръ. Но мало-по-малу дѣла Люлли поправились и зала снова оживилась: съ 1719 года театральныя лампы тускло засвѣтились, какъ заходящее солнце. Осталось лишь сдѣлать одну перемѣну: театральныя скамейки препятствовали декораціямъ; и въ 1759 году онѣ уничтожены въ одно время, какъ и во Французской комедіи. Послѣ этаго, почти все было готово: зала освѣтилась, сцена разширилась

и ничто не препятствовало лѣлять антрша, глиссады и пируэты.

Но не долго летали воздушныя ножки по скользкому парке; 6 апрѣля 1763 года въ залѣ показался огонь, но къ сожалѣнію не въ сердцахъ зрителей, этого никогда неслучалось въ Операѣ, а въ стѣнахъ залы, которыя, къ несчастію, были горючѣе сердецъ. Тогда Тюльери предложилъ къ услугамъ лирической трупны свой театръ съ машинами, который отрытъ былъ 24 января, 1764 года, пьесою *Кастора* и *Поллукса*. Въ 1770 году труппа опять переселилась въ Пале-Рояль, въ новую залу; потому-что Опера уже совершенно возродилась изъ своего пепла: и это была единственная точка сходства, которую Опера имѣла съ фениксомъ.

Въ царствованіе Людовика XV оперная труппа была въ самомъ блестящемъ состояніи. Займемся же теперь обозрѣніемъ этого скачущаго и поющаго племени, которое дѣлится съ птицами крыльями и голосомъ. Взглянемъ на этотъ чарующій народъ, въ которомъ можно найти всѣ степени естественной исторіи, начиная съ соловья до мыши. Мы незнаемъ имянъ послѣднихъ; жаль, что Бюффонъ не постарался раздѣлить на классы мышей оперныхъ, но мы можемъ, по крайней мѣрѣ, перечислить нѣкоторыхъ соловьевъ. Начнемъ съ Софіи Арну. Этого залетнаго соловья оперный театръ досталъ изъ завѣтной рощи, куда рѣдко прилетаютъ плохія птицы-пѣвицы, и гдѣ онъ на свободѣ заливался трелями, какія внушала ему сама природа; а вы вѣдь знаете, что соловьи, витающіе въ лѣсахъ дремучихъ, цѣнятся во сто разъ дорожетѣхъ, которые выводятся и вырастаютъ въ клѣткахъ. Софія Арну развила свой талантъ въ стѣнахъ монастыря, гдѣ она пѣла для спасенія грѣшниковъ, но судьба сыграла съ ней довольно странную шутку: насильно вытащила ее изъ монастыря и приневолила пѣть для погибели душъ христіанскихъ. Принцесса Модепская, чтобъ лучше провести время поста, жила въ монастырѣ Валь-де-Градъ съ Бенедиктинками; она съ восхищеніемъ слушала чистый и звучный голосъ молоденькой Софіи, и непожалѣла этаго ангела изъ тихаго убѣжища истины привлечь въ міръ вѣчныхъ чаръ и обмановъ—за кулисы; и здѣсь берегла она только голосъ и божественные глазки Софіи. Эта-то Софія и сохранила только отъ своей ангельской природы. Софія Арну была Нипона XVIII вѣка. Дидеро, Гельвецій, Даламберъ, самъ Руссо тѣснились въ ея салонѣ, чтобъ послушать ея разговора. Она славилась умомъ и талантомъ и даже множествомъ искреннихъ друзей. Всѣ критики того времени отдавали честь совершенству ея голоса, всѣ герцоги и маркизы—добротѣ ея сердца. Она умерла въ 1802 году.

Къ оперпымъ соловьямъ можно причислить дѣвицъ Шекалье, Мьеръ и Моръ; послѣдняя изъ этихъ птичекъ славилась больше своимъ голосомъ, чѣмъ перьями; и, кажется, она была причиною, что дилетанты слушали пѣвицъ, зажмуривъ глаза. Несчастная, пала жертвою своей слабости: она поуши влюбилась въ мосье Монроза, молодаго кавалера св. Людовика. Оперный хоръ замѣтилъ это и, привыкнувъ заключать брачные узы, онъ каждый вечеръ напѣвалъ дѣвицѣ Моръ на разные манеры:

L'hymen est un lien charmant.

Мамзель Моръ, въ свою очередь, также привыкла подлѣзываться подъ аккорды хора, съ удовольствіемъ послѣдовала его совѣту и вышла замужъ за молодаго Монроза. Въ это время она праздновала уже 50-ю свою весну. Въ 1770 году смерть похитила се у ея нѣжнаго супруга.

Межлу пѣвцами оперной трупны первое мѣсто занимали Желень, Ларривъ, въ амплуа басовъ, и Пилльо, чистый и звучный голосъ котораго считали дивомъ. Слухъ дилетантовъ утопалъ въ удовольствіи, когда разсыпались и переливались ихъ звучные, серебристые, жемчужные голоса; тогда они долетали даже до сердца слушателей. Но болѣе всѣхъ ихъ славился Жельотъ. Онъ былъ любимымъ пѣвцомъ публики; его таскали во всѣ собранія и заставляли тамъ чирикать, какъ ученаго дрозда.

Здѣсь бы нужно было остановиться на минуту для оцѣнки музыки того времени, школы Рамо, его партицій, и его

соперниковъ. Но авторъ сознается, что онъ не можетъ положиться на свои свѣденія въ музыкѣ, а потому и не берется судить объ ней. Конечно, онъ могъ бы пустить пыль въ глаза, на днѣ его чернильницы столькоже фразъ безъ мысли и словъ безъ значенія, какъ и у другихъ: но статья его и безъ этихъ прикрасъ уже длинна.

Мы лучше займемся труппою балетной, этими ласточками картонныхъ лѣсовъ. Я хотѣлъ бы вамъ назвать нѣкоторыхъ изъ нихъ, но онѣ такъ быстро вертятся въ вихрѣ своихъ пируэтовъ, что я не могу замѣтить ихъ. Стой! Камарго и Салле остановились на-минуту, касаясь одной ножкой пола, приложивъ ручку къ сердцу и съ улыбкою на устахъ. Вольтеръ видѣлъ ихъ и написалъ къ нимъ стишки, прелестные стишки; они какъ будто прямо адресованы къ Фанни Эльслеръ или Тальони:

Ah! Camargo, que vous êtes brillante!
Mais que Sallé, grands Dieux est ravissante!
Que vos pas sont legers, et que les siens sont doux!
Elle est imitable, et vous êtes nouvelle;
Les nymphes sautent comme vous,
Et les grâces dansent comme elle.

Но время летѣло, и вмѣстѣ съ его полетомъ слетѣла и Салле. А въ 1751 году и Камарго опустила свои крылушки. Вскорѣ за тѣмъ оставила сцену дѣвица Домпре, написавшая покинутому ею и уже покойному любовнику, слѣдующую эпитафію: до, ми, ре, ля, ми, ля. Вмѣстѣ съ нею и дѣвица Лани, которая съ такою ловкостію и граціею скользила по балетному помосту, *ускользнула* со сцены. Остались только Вестрисъ, Аллардъ и худощавая Гимаръ; онѣ почти одни и составляли балетную труппу. Изъ тапоронъ упоминаютъ о Дюпре, Лаваль, Лонуа и наконецъ о крылатомъ Вестрисѣ, свѣтилѣ актрисъ.

Впрочемъ, пора оставить оперу и заглянуть въ театры, такъ называемые, ярмарочные, въ Оперу-Комическую и Комедію-Итальянскую. Первый изъ этихъ театроиъ долго помѣщался на Сенъ-Жерменской площади, но 3 февраля 1762 года онъ соединенъ съ Комедіею Итальянскою.

Комедія Итальянская ограничивалась только арлекинскою литературою: Коломбина, Скарамушъ и Полишинель доставляли туда свои шутки, писанныя по итальянски. Но съ 1718 года встрѣчаются піесы французскія, перемѣшанныя аріями и балетами; мало-по-малу царство арлекиновъ упадало, и оно бы совершенно уничтожилось, если бы славный Карленъ не поддержалъ его своей собственной славой; онъ имѣлъ честь раздѣлить свою славу съ маленькими собачками, которымъ и оставилъ свое имя.

Актеры итальянской труппы играли свои комедіи въ той самой гостинницѣ, въ улицѣ Моконсель, гдѣ бургундскіе герцоги разыгрывали свои политическія драмы. Лучшіе изъ этихъ комедій были написаны и разыграны знаменитою актрисою, вмѣстѣ и пѣвицею, которая особенно превосходно пѣла аріи и куплеты. Въ это время на сценѣ порхала одна голубка, а за нею увивались два ястреба; голубка была прелестная актриса, о которой я сейчасъ говорилъ (г-жа Фаваръ); два ястреба были маршалъ Саксонскій и водевилистъ Фаваръ. (Носилась молва чуть ли не о третьемъ ястребѣ, но это злословіе очень походило на клевету.) Маршалъ считалъ уже себя побѣдителемъ; онъ клалъ на вѣсы Фонтенейское сраженіе и всѣ свои полки, но всего этого было мало; водевилистъ бросилъ на другую чашу вѣсовъ свой умъ, приправленный остротами,—и вѣсы заколебались. Водевилистъ былъ предпочтенъ: госпожа Фаваръ отвергла маршала съ его лаврами и осталась вѣрною своему мужу; кончилось тѣмъ, что она опять зажила припѣваючи. Фаваръ взялся за перо и въ благодарность посвящалъ своей супругѣ свои лучшія способности; онъ создавалъ для нея роли крестьянокъ, субретокъ и любовницъ: большая часть піесъ были прекрасными рамками для оправы этого миленькаго алмаза. Г-жа Фаваръ сама сочинила много піесъ и особенно славилась каламбурами въ куплетахъ. Она весело проводила свою жизнь: утромъ рнемовала свои пѣсевки, а вечеромъ пѣла ихъ. Такъ катились дни ея до са-

мой болѣзни, которая прекратила ея безпечную жизнь въ 1772 г., на 40 году отъ рожденія. Мужъ ея, казалось бы, долженъ былъ умереть съ печали: но крѣпкій темпераментъ превозмогъ болѣзнь души; онъ, по смерти жены, еще жилъ 20 лѣтъ и умеръ въ 1792 г., на 82 отъ рожденія.

Лучшіе актеры Итальянской Комедіи были г-жа Руэттъ, г-жа Каллью, голосъ которой владѣлъ всѣми тонами и стоилъ, говорятъ, цѣлаго оркестра, госпожи Рошаръ, де Гессъ, Одино, Клервалъ, бѣглянка съ комической оперы; голосъ Клезваль былъ чистый, но слабый; онъ достаточно наполнялъ залу Оперы-комической, но совсѣмъ терялся въ огромной залѣ Комедіи итальянской. Между актрисами замѣчательны еще были дѣвицы Пичиллини, Вилльеть, Нейссель и Бопре.

Нисходя по ступенямъ драматической лѣстницы, мы остановимся на Тампльскомъ бульварѣ, предъ театрами Одино и Николе. Одино выстроилъ на бульварѣ маленькой балаганъ и началъ въ немъ представленія съ маріонетками, скромными, безкорыстными артистами, которые не требуютъ платы отъ директоровъ. Гораздо позже Одино завелся лучшимъ театромъ; онъ замѣстилъ своихъ деревянныхъ комедіантовъ дѣтьми, труппою почти столько же мало требовательною, которой можно вмѣсто жалованья дать конфектовъ: фунтовъ 12 въ годъ первой любовницѣ, да шесть пирожковъ съ кремомъ благородному отцу.

Messieurs и mesdames! Войдите въ театръ Николе, тутъ вы увидите уже большихъ танцоровъ. Николе особенно зарекомендовалъ себя тремя вещами: своими танцами на канатѣ, своимъ актеромъ Таконе и своею обезьяной. Таконе, прозванный бульварнымъ Мольеромъ, писалъ кой-какія шуточныя піески, которыя и разыгрывали въ театрѣ Николе. Говорятъ, что Таконе болѣе всего не терпѣлъ стакана съ водой; и потому часто топталъ дорожку къ ресторація Рампонно *, и почерпалъ тамъ свои вдохновенія на днѣ бутылки. Если онъ не находилъ здѣсь ума, какъ въ стклянкахъ Аріоста, по крайней-мѣрѣ онъ почерпалъ тутъ площадное остроуміе предмѣстій, котораго совершенно достаточно было для его пародій. Обезьяна, которая въ одно время процвѣтала съ Таконе, имѣла успѣхъ въ вечернихъ представленіяхъ. Въ 1766 году, Моле занемогъ простудою, и обезьяна, ловкая, какъ француцъ, явилась въ театръ Николе, наряженною въ ночномъ колпакѣ и туфляхъ, и подражала славному артисту съ ловкостію, какая свойственна ихъ племени.

Каждый годъ Одино и Николе оставляли свои бульварные балаганы и давали представленія на Сенъ-Жерменской и Севъ-Лоренской ярмаркахъ. Нынѣ эти два театра, сдѣлавшіеся театрами *Двусмысленностей* и *Веселости*, стали на лучшую ногу; они завоевали себѣ драму, искусство драматическое облагородилось: оно разрушило балаганы, и оставило себѣ только — паяцовъ.

Еще одно слово о театрахъ домашнихъ, и мы опустимъ занавѣсъ. Вельможи и богачи послѣ комедій, какія они разыгрывали въ свѣтѣ, любили также представлять и настоящія комедіи. Герцогъ Орлеанскій имѣлъ театръ въ Бальолетъ; герцогъ Ришелье и герцогиня Виллеруа сдѣлали въ своихъ отеляхъ спектакльныя залы; госпожа Помпадуръ, царица придворныхъ обоего пола, давала въ своихъ апартаментахъ комедіи Мольера и даже балеты, въ которыхъ она разыгрывала роль Веперы; Наконецъ славный хлѣбосолъ, генералъ-арендаторъ, де-ла-Попльньеръ тоже завелся театромъ въ своемъ замкѣ де Пасси. На домашнихъ театрахъ играли большею частію піесы хозяйскаго издѣлія; и хозяинъ, за всѣ издержки на умъ и декораціи, получалъ въ награду нѣсколько льстивыхъ фразъ; потому что зрители за мѣста платили тогда не больше, какъ одинъ грашъ лести, единственную монету, какую принимали богатые въ то время.

Вѣкъ Людовика XV много кой-чего унесъ съ собою и мы благодаримъ его за это, но онъ оставилъ намъ свои комедіи общества; мы сдѣлали ихъ остро-

* Извѣстный похребщикъ парижскій—того времени.

умнѣе и красивѣе, нежели онѣ были въ самую блестящую свою пору,— если невѣрите мнѣ на слово—спросите у гг. придворныхъ. Если этотъ вѣкъ румянъ и пудры захочетъ возвратиться къ намъ съ своими высокопарными и жеманными піесами, мы воспротивимся его нападенію; но пока онъ возвращаетъ намъ только свои очаровательные домашніе театры,—милости просимъ къ намъ, вѣкъ Людовика XV, мы вамъ очень рады!

СОВРЕМЕННИКИ ГЁТЕ.

ПОВѢСТЬ

П. Каменскаго.

I.

ГЕЦЪ ФОНЪ-БЕРЛИХИНГЕНЪ.

— Маргарита! Маргарита! поди сюда...

— Сейчасъ, Фердинандъ...

— Брось, пожалуйста, свои тряпки, пеленки, кухню, поди слушать...

— Сейчасъ, сейчасъ...

Маргарита пришла.

— Садись Маргарита. Ты знаешь въ чомъ дѣло, помнишь первый актъ, второй, половину третьяго... Знаешь, что заговоръ Прециды уже въ разгарѣ, что онъ ждетъ только случая и уничтожитъ французовъ въ Сициліи, выгонитъ Карла Анжуйскаго... Помнишь и романическую сторону драмы. Помнишь, что Джульета Карачіоли любитъ Кассіо, что преслѣдованья француза Друе уничтожены, что онъ опозоревъ, обезславленъ, выгнанъ изъ дому отца Джульеты; что все дѣло сладилъ Процида и увелъ влюбленнаго, торжествующаго Кассіо въ скленъ, куда собрались заговорщики, — не раздушенные, въ парикахъ и французскихъ кафтанахъ заговорщики Вольтера, съ чопорными фразами и вылощеннымъ стихомъ—пародіею на метаническій стихъ Корнеля, нѣтъ! а утомленные и проснувшіеся наконецъ рабы-Сицилійцы, рабы тысячалѣтняго, переменнаго, иноплеменнаго ига. За угнетенія Рима и Карѳагена, за кровь и опустошенья людей сѣвера, они отмстятъ дерзкому Галлу, который случайно ворвался въ ихъ родную землю и снова оковалъ только что оперившуюся было свободу. Они сговариваются тихо, мрачно, отрывисто... Они ропщутъ, шипятъ, какъ змѣи, которыхъ срыли съ гнѣзда, гдѣ лежали онѣ годы въ клубкѣ... Клубокъ разовьется и выростетъ стоглавою гидрою возстанья... Начало сцены ты знаешь, Маргарита, недоставало послѣдняго монолога Прециды,—Протея знанья тринадцатаго вѣка, обаятельнаго Прециды, друга императора, мстителя Манфреда, дикаго, хитраго калабрійца, оскорбленнаго, ограбленнаго гражданина Палермы... Монологъ и конецъ сцены готовъ, слушай Маргарита...

Процида, насмѣшливо.

« Такъ какъ же друзья мои, дѣла дурны, очень дурны, подождемъ, авось еще

будутъ хуже... У тебя Галини, говоришь ты, конфисковали садъ, потому что овъ выходитъ на берегъ, а берегъ собственность побѣдителей; погоди, могутъ еще конфисковать и домъ, и фабрики, и поля, и нивы, все словомъ: вѣдь вездѣ берегъ, если не опредѣлены его границы.... Ты. Тости, виноватъ тоже, зачѣмъ у тебя родилось овецъ нынѣшній годъ меньше, чѣмъ разсчитывали фискалъ и вице-король французскій—за то отняли все стало, по лѣломъ... Хоть самъ отвѣчай за барана, да чтобъ было положенное число—нето фискъ и заточенье въ эгвесъ-мортесъ... И то ли еще можетъ быть: вотъ какъ самого съ семьею возьмутъ на откупъ, и за недочетъ въ приплодѣ и послѣднихъ дѣтей съ камнемъ въ воду; ну такъ ужъ это плохо будетъ... Утѣшься, Тости: овцы еще не дѣти... Ты, Барберини, съ старыми жалобами отъ калатофимцевъ на новую монету, чтожъ за бѣда?..Вѣдь ужъ вто, кажется, пятая съ портретомъ Карла Анжуйскаго—терпѣли же до сихъ поръ? Вилно у васъ урожай, житницы полны, сбытъ великъ пшевицы, денегъ вдоволь, серебра кучи, есть изъ чего платить поборы, есть что давать французамъ на переливку, давайте же по прежвему безъ ропота — нето хуже, отнимутъ вмѣсто третій доли все... Что пахмурился, Бенно, заштатный пиратъ былаго пиратства... перебили хлѣбъ, и перебилъ самъ король... Люблю за обычай Карла Анжуйскаго! скликнулъ крестовый походъ, подстрекнулъ брата, двинулъ силами крестоносцевъ на Тунисъ, а самъ и тягу при первой стычкѣ... Буря; флотъ разбитъ, корабли поборниковъ креста летятъ въ дребезги о Калабрійскія скалы —а онъ какъ тутъ, какъ коршунъ, падкій на добычу, съ береговымъ правомъ и на основаньи этаго права, свой не свой, братъ не братъ—грабитъ ихъ, хуже Сарациновъ. И святое дѣло христовой брани сталоорудіемъкоролевскаго хищничества. Куда ужъ намъ, Бенно, тянутся за нимъ, брось и мысль о пиратствѣ, возмись-ка лучше за охоту на сушѣ, по не запростою дичью, помни запретъ: подбросятъ убитую козу, да тебя же и потянутъ къ пыткѣ... Нѣтъ, мой совѣтъ: съ пожомъ, въ глухую почь, въ любую улицу Палермы—и друга не друга, грабь и бей безъ пощады... Хлѣбъ вѣрнѣе, уличить трудно, да и взвалить преступленіе, въ которомъ бы ты неучаствовалъ, не легче: человѣкъ все же не коза—не подкинутъ убитаго... Ну! а вы, друзья мои, Родриго и Кассіо, молодые женихи первыхъ красавицъ Палермы, съ чарами любви, врядъ сбыточными, съ ласками невѣстъ—по наслѣдству отъ какого нибудь француза, съ мѣдовымъ мѣсяцемъ впереди, который не кончится благополучно, а можетъ быть и не начнется... кровь Провансальцевъ горяча... они нравятся Сицилійкамъ... Что молчишь, Родриго? потупилъ взоры? Видно слова мои похожи на правду—сбываются, сбылись, можетъ быть?.. А ты, Кассіо, ты торжествуешь, ты спокоенъ, ты увѣренъ, что Друе не вернется къ своимъ поискамъ, не возвратитъ отнятой жертвы, неотплатитъ обиды лишенья — лишеньемъ?.. Кассіо! слѣдъ крови убитой змѣи, вѣрный путь мстителю—удаву... Обиженнаго никто неподстрекнетъ такъ, какъ сама обида, но и ея довольно, чтобы оскорбленный Друе отплатилъ тебѣ тѣмъ же и еще съ лихвой—будь увѣренъ...

Кассіо, перебивая.

Увѣренъ только въ себѣ и мечѣ моемъ... *(Хватается за пустую перевязь, ищетъ меча, и останавливается въ смущеніи).*

Процида.

Ну! ну! А гдѣ же мечъ?.. Ищи его, ищи, Кассіо... Изгванникъ продажной Венеціи, потомокъ Дандоло не найдетъ роловаго меча, онъ ржавѣетъ въ арсеналѣ Тулузскомъ... Карлъ Анжуйскій отнялъ у васъ даже и оружіе, на которое опершись вы могли хвастать по крайней мѣрѣ минувшею славою вашихъ предковъ... Запрещено носить, Кассіо, запрещено...

негорячись... *(остановившись)* Ну, друзья мои, будетъ... поговорили, поропгали, погоревали, поплакали, пора и по домамъ... Пойдемте терпѣть и исполнять, какъ рабы, безпрекословно все, что прикажетъ господинъ нашъ Карлъ Анжуйскій и его намѣстники вицъ-король и королевскіе фискалы... Пойдемте друзья... *(Хочетъ итти)*.

ВСѢ.

Стой! стой! Процида!.. *(Нѣкоторые бѣгутъ къ выходамъ склепа, другіе окружаютъ Проциду)*.

ПРОЦИДА, спокойно.

Что вы это, друзья мои? что вы останавливаете меня, какъ будто врага вашего... Я не шпіонъ, не фискалъ, не французъ...

ОДНИ.

Ты нашъ спаситель...

ДРУГІЕ.

Заступникъ...

ТРЕТЬИ.

Благодѣтель...

ПРОЦИДА.

Это правда, я могу быть имъ: я монахъ, францизсканецъ, пилигримъ, врачь, юристъ, безъ меча воинъ, все что хотите... Больны вы тѣломъ, душею — я пособлю вамъ; нуженъ совѣтъ, деньги—просите, не совѣститесь; если императоръ германскій принималъ первый, а Палеологъ Константинопольскій, ходилъ какъ въ свой карманъ, комнѣ за послѣдними, такъ ужъ вамъ не стыдно... Чего вы хотите?..

ВСѢ.

Свободы, Процида, и жизни!... Свободы и жизни!...

ПРОЦИДА, торжественно подпявъ руку и глаза къ небу.

Свободы... жизни... Просите ихъ у Бога... *(Хочетъ итти)*.

БЕННО, останавливая его за руку.

Такъ зачѣмъ же ты началъ, Процида? зачѣмъ возмутилъ насъ, родилъ мысль освободиться изъ подъ ига иноплеменнаго, а теперь, когда мы готовы...

ПРОЦИДА, перебивая.

Готовы... Такъ что же вы нейдете?...

БЕННО.

Веди насъ...

ПРОЦИДА.

А безъ меня не пойдете?... Безъ меня вы не чувствовали этаго ига, не страдали подъ нимъ, не оскорблялись, не томились рабствомъ?... *(Всѣ молчатъ)*. Вы молчите... Нѣтъ — стало быть?... Такъ неготовы же вы еще на подвигъ освобожденія, не пришла пора возстанья рабовъ-сицилійцевъ... *(Хочетъ итти)*.

ВСѢ, ставъ на колѣни.

Спаси! спаси насъ, Процида...

БЕННО.

Не будь, за одно съ утѣснителями, палачемъ нашимъ...

ГАЛЛИПИ.

Не бей въ сердце, въ душу, не мучь ихъ, Процида—и враги наши мучатъ, только тѣло...

БАРБЕРИНИ.

Не сомнѣвайся въ готовности нашей...

РОДЕРИГО.

Требуй доказательствъ, Процида.

БАРБЕРИНИ.

Я сожгу домъ свой, поля, сады, чтобъ не жалѣть ничего, и губить враговъ нашихъ.

БЕННО.

Я убью жену и дѣтей моихъ, чтобы мстить за кровь ихъ кровью врага нашего...

КАССІО.

Я отдамъ мою невѣсту, брошу ее на поруганье и вырву мертвую вмѣстѣ съ сердцемъ изъ объятій моего соперника...

ВСѢ.

Процида! Процида! вѣрь намъ...

ПРОЦИДА.

Вамъ вѣрю, но не народу пока...

ВСѢ, перебивая.

Народъ ропщетъ, стонетъ...

ПРОЦИДА.

Стонетъ?... пусть же стонетъ до тѣхъ поръ, пока суждено ему стонать и одна

судьба можетъ разрѣшить эти стѣнанья воплемъ ожесточенья, который вдругъ охватитъ всѣ концы угнетенной нашей родины и разбудитъ коснѣвшую въ униженіи и рабствѣ, а не вы, и не я... (*Слышенъ колоколъ къ утренней молитвѣ. Процида, прислушивалсь, вдохновенно*). Чу!...

Гремитъ столѣтній вѣстникъ Монреала!
Онъ возвѣстилъ намъ день невзгоды,
Тяжелый, грустный день порабощенья...
Онъ возвѣститъ и день освобожденья
Отъ ига лютаго, не сытаго врага.
Молитесь же, чтобы насталъ скорѣй
Желанный день утраченной свободы...
(Становится на колѣна, всѣ за нимъ, тихо молятся. Занавѣсъ опускается).

—

— Хорошо Маргарита, хорошо? а?... Говори, Маргарита... говори...

И Фердинандъ бросился обнимать и цѣловать Маргариту.

— Говори, Маргарита...

— Да пусти же, Фердинандъ... Ты задушилъ меня. Точно какъ будто бы хочешь подкупить поцѣлуями...

— Глупо, Маргарита...

— Нѣтъ, право...

— Ну?

— Чудесно, Фердинандъ!

И Маргарита въ свою очередь повисла на шеѣ Фердинанда.

— Да Маргарита! да! точно хорошо... Я это чувствую самъ, если чувствовать самому что-нибудь значитъ въ нашемъ дѣлѣ... Просто, вѣрно, коротко и отъ того сильно... должно быть сильно... Всякій говоритъ о своемъ дѣлѣ, о томъ, что близко его сердцу, а Процида! Процида—дурно выдержанъ? а, что, Маргарита?.... Каждое слово его—исторія, каждая фраза—фактъ; но съ умѣренностью тронулъ я и факты и исторію. Богъ знаетъ, что бы можно вложить въ уста такого человѣка, какъ Процида.... Процида, разъ, два—и обчелся въ цѣлой-тоисторіи человѣчества..... Въ высокой черелѣ великихъ людей его мѣсто священно... стариковъ развѣ тронешь, а Рienzи ему не пара.... Заставить говорить его трудно; онъ мало писалъ, его не подслушивали, когда онъ говорилъ и не записывали. Есть услужливыеисторики, которые героевъ римскихъ учатъ безъ ошибки щеголять французскими фразами, ну да Богъ съ ними, я ихъ боюсь.... Осторожно, осторожно, Маргарита, пользуюсь я исторіею.... правда?... Да что же ты молчишь все....

— Слушаю, Фердинандъ....

— Слушай, Маргарита, что бы меня же послѣ ловить моими правилами..... Какъ кончу, Маргарита, какъ кончу Проциду!.. ты и не ожидаешь такого конца.. Не стану разсказывать четвертаго акта, тутъ все зависитъ отъ художественной отдѣлки, поддержать интересъ, томить зрителя, но не истомить его.... Пятый актъ, вотъ главное; слушай: второй день праздника пасхи. Площадь, портикъ, Монреала, толпа народу на площади; Друе тутъ-же для порядку и соблюденіявъ строгости приказа королевскаго— не носить оружія въ караулѣ съ латниками. Всѣ спѣшатъ по обыковенію въ этотъ день къ вечерни. Обрученный уже Кассіо съ невѣстой и ея отцемъ тутъ-же идутъ..... Вдругъ у входа въ соборъ, Друе останавливаетъ Джульету и говоритъ, что при ней есть оружіе—придирка, но это фактъ, Маргарита... Споръ, ссора, разумѣется; женихъ вступается.... Друе утверждаетъ, что оружіе при ней, но оно спрятано въ платьѣ и рука наглеца, сорвавъ дѣвственный покровъ, обнажаетъ невѣсту.... Джульета въ обморокѣ, Друе убитъ, его-же мечемъ; всеобщее смятеніе, гвалтъ, вопли отчаянья, вопли ожесточенья и надъ ними страшный кликъ: «смерть французамъ!».... роковой приговоръ. И первый произнесъ его Проциla.... Здѣсь я опущу занавѣсъ, Маргарита, и кончу драму закулисными стонами жертвъ и торжествующимъ смѣхомъ мстителя—Проциды.....

—Дурно, дурно, Фердинандъ.... Нельзя такъ кончить....

—Отъ чего?...

— Смѣшно...

— Маргарита!

— Да смѣшно, и не сдѣлаетъ никакого эффекта.

— Ну такъ я кончу иначе... Кончу словами Карла Анжуйскаго...

— Еще хуже... не кстати: онъ неучаствуетъ въ піесѣ, какъ же тебѣ его вытащить на пару словъ.. пейдетъ...

— Ты несносна, Маргарита... чѣмъже кончить?...

— Чѣмъ хочешь, Фердинандъ, только кончай пожалуйста и кончай скорѣе... А то отбою нѣтъ отъ счетовъ мясника и булочника, нельзя показаться на рынокъ...

— Горькая необходимость — писать изъ хлѣба... ѣсть и пить умъ и сердце свое, да это хуже людоѣдства...

— Что же дѣлать, Фердинандъ?...

И Маргарита, припавъ на грудь мужа, заплакала...

Ну, ну, ну, Маргарита... Ничего, ничего, не плачь только. Буду трудиться, буду писать, только ты будь весела и довольна... Маргарита! не плакать... Вотъ видишь ли что, душа моя: драму я оставлю пока, пускай вылежится, а въ это время сяду за новеллы—три разомъ три... сюжеты давно бродятъ въ головѣ, обчитаны и обдуманы. Одною заплатимъ мы нашъ долгъ. другую на домашній обиходъ, а третья одѣнетъ тебя и Лотхенъ... голубушка моя! она выросла изъ своихъ рубашекъ, смотрѣть даже жалко... Напишу ихъ скоро... Что нынѣче, вторникъ?... Одна будетъ готова къ воскресенью.. Но ради Бога, Маргарита, умоляю: тайна, глубокая тайна... Эти, какъ и прежнія мои бездѣлки, подъ чужимъ именемъ, и никому ни слова, что я писатель, какъ это было до сихъ поръ... Писатель... Боже милостивый Ты мой! Писатель!.. Скучно, грустно... прощай, Маргарита...

Фердинандъ взялъ шляпу.

— Куда же ты, Фердинандъ?...

— Куда, опять куда? терпѣть я немогу этаго куда... Въ книжную лавку...

— Въ книжную лавку... Ты бы ужъ необманывалъ меня по крайней мѣрѣ... Знаю я эту книжную лавку... Студенты Іенскіе пріѣхали—комерсы, пуншъ; къ пріятелямъ, вотъ ваша книжная лавка...

— Вздоръ, вздоръ, Маргарита... Ей Богу, въ книжную лавку... Опять слезы, опять ты плачешь, Маргарита... Вѣдь это несносно, право...

— Не знаю кому несноснѣе, Фердинандъ... Ты или съ книгами, или съ пріятелями, весь день... А я все одна, да одна...

— Ты упрекаешь меня, Маргарита...

— Да вѣдь досадно же... Я молода, я хочу жить.

— Я остаюсь.

Фердинандъ бросилъ шляпу, сѣлъ въ кресло, взялъ книгу и сталъ читать.

— Ну вотъ и остался, да что же мнѣ за радость?... Опять съ книгой... Фердинандъ, Фердинандъ! Да посмотри на меня, Фердинандъ! Да поцѣлуй же меня... Ты сердишься, Фердинандъ... Я неудерживаю тебя... пожалуй ступай къ своимъ пріятелямъ.

— Не хочу...

— Они видно дороже тебѣ Маргариты.

— Глупо, Маргарита...

— Вовсе не глупо; ты нисколько не думаешь обо мнѣ, ты не любишь меня... ты... Ты любишь меня, Фердинандъ?..

— Дурочка Маргарита...

И Фердинандъ страстно обнялъ жену.

— Такъ что же ты идешь, Фердинандъ, или нѣтъ? И я бы пошла къ моей пріятельницѣ.

— Мнѣ что-то не хочется, Маргарита.

— Не хочется... А у самого сердце чуть не выпрыгнетъ отъ радости.

— Нѣтъ, право не хочется. Такъ я пойду, Маргарита...

— Ступай! ступай, мой милый Фердинандъ, я не хочу, чтобы подумали будто я тобой командую... Вѣдь ты мой мужъ, мой умный мужъ... А скоро ли воротишься?

— Черезъ часъ.

— Черезъ часъ, это значитъ съ разсвѣтомъ.

— Право, черезъ два часа.

— Право, ты лжешь.

— Маргарита!

— Я пошутила.

— Прощай же.

— Прощай, Фердинандъ.

Фердинандъ ушелъ. Наступилъ часъ обѣда, Фердинанда не было, ужина — Фердинанда не было; глубокой ночи — Фердинанда все еще не было. Фердинандъ вернулся на зарѣ, блѣдный, разстроенный, съ книжкою въ рукахъ, не разрѣзанною по людски, а разорванною пальцами на скорую руку, какъ дѣлается во время жаднаго чтенія.

Фердинандъ сѣлъ въ кресла.

Вошла Маргарита, утомленная ожиданіемъ. Она не упрекала, она ласкалась, увивалась около Фердинанда — Фердинандъ былъ холоденъ къ ея ласкамъ. Она допрашивала, выѣдывала — Фердинандъ молчалъ и перелистывалъ книгу. Она вспылила — Фердинандъ еще больше. Маргарита въ слезахъ вернулась въ спальню.

Фердинандъ бросилъ книгу, схватилъ свою драму, взглянулъ на нее, горько улыбнулся и разорвалъ нѣсколько страницъ.

— Третьяго акта нѣтъ, чтожъ осталось? Болтавня Кассіо, романсъ Джульеты, сцена въ саду, шутки отца Карачіоли. Глупости! Стоитъ-ли ихъ жалѣть.

И клочки тетради полетѣли на полъ.

— Прости, Процида!

Фердинандъ снова взялъ книгу.

— Какъ хорошо! Сколько искусства и правды... Весело тебѣ, Гете—ты написалъ Геца.

Книжка выпала изъ рукъ. Фердинандъ то смотрѣлъ на нее, то на лоскутки своей драмы, то радовался, то хмурился; слеза смѣнила улыбку. Фердинандъ всталъ и пошелъ къ Маргаритѣ.

Маргарита дремала.

— Я огорчилъ ее, она проститъ меня, порадуется Гецу и поплачетъ о Процидѣ. Никогда! никогда! Она не узнаетъ судьбы Проциды.

Фердинандъ вернулся въ кабинетъ и спряталъ въ столъ лоскутки своей драмы.

Не большой городъ Веймаръ, но было время, когда онъ могъ назваться фокусомъ ученой и эстетической дѣятельности ума германскаго, а это значитъ человѣческаго и по праву носить кличку столицы геніевъ. Виландъ, Гердеръ, Ифландъ, Шиллеръ, Бертухъ, Гуффеландъ и десятокъ другихъ талантовъ жили въ немъ, трудились, создавали, двигали наукой и литературой міра и пріобрѣтали славу; но вдругъ надъ этою славою взошла новая, взбѣжала яркая звѣзда, звѣзда перваго порядка, явилось солнце, явился двадцати-пятилѣтній Гете.

Наслѣдный принцъ Карлъ Августъ, подружившійся съ нимъ еще во время поѣздки своей въ Дармштадъ, взошелъ на герцогскій престолъ и пригласилъ Гете въ Веймаръ.

Шумно, весело было въ Веймарѣ. Слѣды недавняго торжества народнаго еще неизгладились между жирными обитателями столицы герцогства. Толпы у дворца, толпы на улицахъ, толпы въ паркѣ, на Ильмѣ, за городомъ, и вездѣ тоже веселье, тѣ же народныя пѣсни, но съ новымъ только припѣвомъ: «Да здраствуетъ Карлъ Августъ!...» При дворѣ было не тише и нескучнѣе: поѣздки въ Бельведеръ, катанья по Ильму, маскарады, балы, литературные вечера, (послѣдніе всегда на половинѣ герцоги-

ни Амаліи)—смѣнялись одни другими. Всюду былъ приглашаемъ новый, дорогой гость Веймара, все одушевлялъ Гёте своимъ присутствіемъ. Геца, только еще Геца написалъ онъ, а Германія привѣтствовала уже въ немъ могучаго своего генія и герцогъ Карлъ гордился дружбою съ нимъ, герцогиня Амалія, ученая прокровительница наукъ и искуствъ, терялась, изобрѣтая, какъ бы занять молодаго поэта.

Сюрпризъ, общій сюрпризъ. И для двора, и для всего Веймара, и для дорогаго гостя: 2-го іюля, 1776-го года первое представленіе классической драмы, съ сюжетомъ Эврипида: Іонъ.

— Въ театръ! сказалъ герцогъ, обращаясь къ Гёте.

— Поѣдемте въ театръ, прибавила герцогиня, обратившись къ своимъ любезнымъ, ученымъ собесѣдникамъ.

— Нечего дѣлать, пойдемъ въ театръ... шепнулъ Виландъ Гердеру....

И всѣ отправились.

Трудевъ былъ подвигъ, задуманный молодымъ неизвѣстнымъ поэтомъ. Всѣ сомнѣвались въ возможности обновленія въ какихъ бы то ни было формахъ сюжета, созданнаго великимъ Эврипидомъ. Простота греческаго языка, казалось, была недоступна и врядъ ли могла увлечь затѣйливый, прихотливый вкусъ современныхъ зрителей новой драмы. Всѣ помнили неудачныя попытки другихъ драматическихъ писателей, даже самаго Расина, создавшаго свою Аталію по плану Іона, и шли въ театръ съ недовѣрчивостью, нѣкоторые съ сожалѣніемъ къ молодому поэту; самые рѣшительные съ запасомъ скуки и неудовольствія.

Такъ всегда почти бываетъ, но не всегда такъ счастливо разрушаются противодѣйствующія стихіи удачному ходу драмы; правду сказать и то, что не вездѣ же зрителями—зрители веймарскаго театра того времени...

Драма была превосходна, успѣхъ сверхъ ожиданія совершенный. Даже и то, что могло бы показаться преступленіемъ, святотатствомъ въ глазахъ классическаго критика—противорѣчія Эврипиду — здѣсь напротивъ, онѣ какъ бы помогли ясности и единству піесы. Намёки, вмѣсто глубокой тайны о корзинкѣ съ малюткой Іономъ, пиршество послѣ игръ пиѳійскихъ, вмѣсто оргіи Бахуса, и наконецъ самъ Аполлонъ, виновникъ всего дѣла, виновникъ жизни Іона, вмѣсто Минервы—всѣ эти измѣненія въ нѣмецкомъ Іонѣ усилили только сстественность и игривость драмы, до того, что въ концѣ пятаго акта въ минуту появленія на облакахъ Аполлона, среди великолѣпной декораціи, блистательнаго освѣщенія, грекъ Виландъ невыдержалъ и схвативъ за руку Гёте, воскликнулъ въ восхищеніи: «г. Гёте! г. Гёте! мы на Геликонѣ....»

— Декораціи, обстановка—превосходны, г-нъ Виландъ. Deus ex machina... Надобно же, чтобы и ростъ и формы Гейде были вылитыя Аполлона бельведерскаго....

—Нѣтъ, нѣтъ, г. Гете... духъ піесы, колоритъ выдержанъ, въ самомъ стихѣ звучитъ ямбъ Эврипида...

— Да, да, при мастерской декламаціи г-жи Теллеръ и г-на Огокса.

Виландъ замолчалъ, спектакль кончился, публика разошлась.

По широкой аллеѣ англійскаго парка шла толпа молодыхъ людей, второстепенныхъ знаменитостей Веймара и между шутокъ и остротъ, толковала о Гёте, о драмѣ и о томъ, чѣмъ бы кончить классическій вечеръ. Впереди всѣхъ былъ Меркъ, умный Меркъ, злой Меркъ, въ послѣдствіи неразрывный собесѣдникъ Гёте, и смѣшилъ всѣхъ выходками на голубой бархатной сюртукѣ среди лѣта чудака Ленца, и готентотскую привычку ливаго Рингера ѣсть сырую говядину.

— Куда ты Мерк? спросилъ изъ толпы молодой человѣкъ съ выразительною наружностью, на который Лафатеръ

могъ бы смѣло написать свой рѣшительный приговоръ: «быть ему чѣмъ захочетъ».

— А развѣ хромой бѣсъ думаетъ о цѣли своего путешествія, отвѣчалъ Меркъ:—снимать крышки съ домовъ... А ты куда, Тренцель?.

— Къ Фердинанду Рору.

— Зачѣмъ?

— Навѣстить товарища, его не было въ театрѣ, видно болѣетъ. Не хочешь-ли вмѣстѣ?..

— Онъ женатъ, поздно.

— Для друзей, никогда.

— Но жена?

— Дастъ пуншу.

— Экъ ему жены, прогремѣлъ басомъ Рингеръ:—съ тѣхъ поръ, какъ развелся съ своею, бѣгаетъ отъ всѣхъ, какъ чертъ отъ ave Maria... И я съ вами.

— И я также, сказалъ Ленцъ.

— И я, прибавилъ молодой человѣкъ съ ничтожною, но самодовольною наружностью, изъ которой Лафатеръ могъ бы то же вычитать свое роковое: «не быть ему ничѣмъ».

Достаточно шумно для семейнаго дома бесѣдовали друзья, уже болѣе часу. Дымъ трубокъ разтилался по комнатѣ, пуншевая чаша предсѣдательствовала на столѣ. Снисходительная Маргарита немѣшала привычкамъ и вкусамъ Фердинанда и его товарищей, сидѣла въ углу, шила при свѣчахъ въ пяльцахъ, и почти не принимала участія въ разговорѣ.

Меркъ бросилъ повую перчатку спора и пошелъ ухаживать за Маргаритой и на этотъ разъ охотнѣе, чѣмъ когда нибудь, какъ бы на зло и въ доказательство Рингеру, что о своей онъ забылъ, а чужія жены вовсе не такъ для него страшны, какъ увѣрялъ Рингеръ.

Меркъ былъ уродъ, какихъ немного, какихъ природа создаетъ въ дуромъ расположеніи духа, или въ шутку сама надъ собою.... волокита неопасный; по умъ, любезность замѣняли все въ этомъ человѣкѣ и Маргарита по цѣлымъ часамъ любила просиживать и болтать съ Меркомъ.

— Скажите на милость, Маргарита, какъ это вы умѣете дѣлать: смотрѣть на наши глупости, которыхъ мужъ вашъ первый герой и зачинщикъ; слушать толки объ одномъ и томъ же, въ которыхъ онъ же вѣчный спорщикъ; извинять все это и неумирать со скуки?

— Умирать—это слишкомъ, но кто же вамъ сказалъ, что я не скучаю?

— Такъ вы скучали?

— И очень.

— Что же вы дѣлаете отъ скуки?

— Терплю и шью въ пяльцахъ.

— Вы счастливы, Маргарита: вы можете терпѣть, вы умѣете шить въ пяльцахъ.

— Хотите, я васъ выучу?

— Чему? терпѣть, или шить?

— Хоть послѣднему, если терпѣливыми родятся.

— Прекрасная Омфала, пощадите: я черезъ чуръ уже буду смѣшонъ въ ролѣ саладона—Геркулеса.

— Охотно, охотно, милый Меркъ; но надобно же чѣмъ нибудь вылечить васъ отъ скуки. Послушайте, я вамъ присовѣтую: влюбитесь Меркъ.

— Влюбиться не трудно, полюбятъ ли меня?

— Зачѣмъ? и прекрасно, если безъ всякихъ виловъ; любовь съумасшедшая, безъ взаимности, отвергнутая—вотъ какую вамъ надобно, а съ расчетомъ, дѣльная, да что вамъ въ ней, особливо съ цѣлью жениться.... Ахъ!

— Чего вы испугались?

— Самой себя и вашего мщенья.

— Зачто? За невинной намекъ на счатье, которымъ уже подарила меня разъ одна изъ подругъ вашихъ. Не безпокойтесь, Маргарита: въ жемчужномъ ожерельѣ Бога есть и тусклыя зерна.... и мстить такому ангелу, какъ вы, за демона, который разрушилъ мои мечты

супружескаго блаженства, было бы слишкомъ невеликодушно.

— Простите! простите, Меркъ.... я огорчила васъ.

— Нисколько, Маргарита.... Мнѣ остается одно—поблагодарить за предложеніе влюбиться еще разъ.... Бѣдный Эрусалемъ!

— Кто, кто такой?

— А это именно герой вашей любви, любви, которую вы предлагате мнѣ въ утѣшенье отъ скуки, любви съумасшедшей, несчастной.... Сынъ одного бѣднаго пастора, жалкій восторженникъ, мечтатель; влюбился именно такъ, какъ вы совѣтовали и.....

—И?...

—И кончилъ тѣмъ, что застрѣлился....

—Ужасъ! ужасъ! не разсказывайте мнѣ, пожалуйста, такихъ страшныхъ исторій.....

И Маргарита, зажимая уши, чуть не уронила подсвѣчниковъ.

Въ эту минуту энергическое восклицанія Рора: «дурно! дурно Трепцель! злословить того, кѣмъ должны мы гордиться»... озадачило всѣхъ и невольно обратило вниманіе каждаго къ общему разговору—даже Маргариты и Мерка.

—Я не злословлю, Фердинандъ, я критикую, а критика еще не клевета. И какой школьникъ не найдетъ тысячи недостатковъ въ этой хваленой, образцовой, геніальной драмѣ? Да и кто вамъ сказалъ, что это драма? Неужели легенда объ однорукомъ рыцарѣ, разбитая на акты, сцены и монологи, безъ движенья, дѣйствія—драма?.. по вашему, пожалуй, даже сценическая—потому что вы невзяли труда счесть пятидесяти шести перемѣнъ декорацій и убѣдиться въ невозможности ея постановки..... Друзья мои! сказка безграмотнаго рыцаря и кукольная комедія еще не совсѣмъ вѣрныя поруки за достоинства исторической драмы. Ребенокъ Гёте слушалъ на сонъ грядущій о Гецѣ, глазѣлъ на маріонетки у своей баловницы бабушки, и можетъ быть неболѣе какъ для себя набросалъ нестройно картину былаго дѣтства, а мы отсалютовали ее тотъчасъ кличной драмы. Онъ очень хорошъ тамъ, гдѣ идетъ дѣло о дѣтской, острой памяти, о томъ чтобы до послѣдняго колечка рыцарскаго панцыря быть вѣрнымъ въ изображеніи вѣка; онъ даже прекрасенъ, если хотите, въ какомъ нибудь мальчикѣ Георгѣ, потому что еще недавно самъ былъ ребенкомъ. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о страстяхъ, о борьбѣ ихъ, о сильныхъ, не говорю характерахъ, по крайней мѣрѣ драматическихъ, новыхъ положеніяхъ, что вы встрѣчаете?... Безцвѣтнаго Вейслингена, кухарку вмѣсто придворной честолюбивой женщины, пустѣйшую страстишку Франца и кусокъ телятины, вмѣсто жены желѣзнаго рыцаря.... И никакія отдѣльныя сценки, хоть бы самыя отличнѣйшія, какъ сцена цыганъ въ лѣсу, или тайнаго судилища, усвоенныя воображеніемъ ребенка и набросанныя довольно вѣрно, съ перепугу дѣтскаго, не вознаградятъ недостатковъ и не замѣнятъ отсутствія главныхъ элементовъ драмы. Самъ Гецъ не выдержанъ, а этаго и довольно.... И пусть, что хотятъ говорятъ мнѣ, я не повѣрю, чтобы безстрашнаго, неугомоннаго рыцаря могла запугать толпа мужиковъ и, погрозивъ сжечь его замокъ, заставила бы за одно съ ними драться—никогда: иначе въ рыцарѣ я не узнаю рыцаря, въ трусѣ всего менѣе Геца.... Онъ соглашается съ ними вовсе не изъ страха, вовсе не съ цѣлью удержать ихъ отъ самоуправства —тоже было бы не по рыцарски—онъ идетъ на драку, измѣняетъ слову—недраться, по страсти къ дракѣ.... Оттуда бы новая ситуація, для опытнаго писателя находка, борьба между долгомъ и страстью, рыцарскою природою и правилами привитой къ ней чести, дикимъ побужденіемъ звѣря и условіями гражданственности.... А здѣсь что вы видите, что читаете, — чѣмъ оканчивается сцена

мужиковъ и Геца: «*Лерзе! пошелъ къ женѣ, будь при ней и ждите обо мнѣ извѣстій....*» Чудесно... и всѣ такъ оканчиваются сцены, не исключая и послѣдней пятаго акта: Freiheit! кричитъ Гецъ и умираетъ, и довольно бы, опускай занавѣсъ... такъ нѣтъ: и Елисавета сказала отъдуши слово, и Марья кстатѣ себѣ другое, и Лерзе, таки выточилъ цѣлую фразу, и будь ихъ двадцать человѣкъ, каждый изъ нихъ вымолвилъ бы что нибудь палъ трупомъ Геца.... Фразами неоканчиваютъ, господа, драмъ, оканчиваютъ ихъ дѣломъ. Но для васъ все хорошо, все мило, все такъ... вы увлечены, какъ увлечена вся Германія, эта дряхлая, слѣпая старуха!... Она пережила лучшихъ дѣтей своихъ, прозѣвала нѣкоторыхъ, похоронила и память о нихъ, и теперь на старости лѣтъ обраловалась найденышу: холитъ, балуетъ его, ищетъ признаковъ великаго, плететъ заранѣ вѣнокъ славы, тащитъ его насильно въ геніи — погодите, господа! Можетъ быть, онъ и будетъ имъ, но пока нѣтъ и намековъ на возможное—первый шагъ слишкомъ еще не удаченъ...

Тренцель замолчалъ, всѣ были поражены рѣзкимъ тономъ его выходки, никто и недумалъ возражать, но согласный въ мнѣніи нашелся.

— Я тоже написалъ драму, сказалъ молодой человѣкъ съ лафатеровскимъ девизомъ: «небыть ему ничѣмъ»:—я доволенъ ею, но прежде, нежели подарю Германію новымъ произведеніемъ, мнѣ хотѣлось бы прочесть вамъ Тренцель... Я бы, можетъ быть, и воспользовался нѣкоторыми изъ вашихъ замѣчаній...

Тренцель покраснѣлъ, схватилъ шляпу и вышелъ.

—Куда же вы, Тренцель... намъ по дорогѣ, пойдемте вмѣстѣ...

И самодовольный драматистъ вышелъ, за желчнымъ драматургомъ.

Богатый сюжетъ для басни: «*Шакалъ и падаль...*»—говорилъ, прощаясь, Ленцъ: гдѣ есть первый, найдется вторая...

— А ты что молчалъ, Меркъ, а еще считаешь пріятелемъ Гете... Я такъ бы и съѣлъ Тренцеля...

—У тебя все говядина на умѣ Рингеръ. Прощай Фердинандъ, до свиданья моя неумолимая преслѣдовательница... До свиданья, Маргарита...

Пріятели разошлись, Фердинандъ и Маргарита остались одни.

— А, Маргарита, каково!..

— Да, Фердинандъ, каково?..

И остановившись одинъ противъ другаго, не сводя глазъ другъ съ друга Фердинандъ и Маргарита молчали нѣсколько времени.

Трудись, пиши... создавай послѣ этаго... Рви душу на части, бросай куски сердца этой сворѣ алчныхъ псовъ; они разносятъ ихъ, обливаютъ своею бѣшеною пѣной, и на тебя же потомъ грызутъ зубы... О Боже! благодарю тебя, что ты неясное вложилъ въ меня призваніе, благодарю мою скромность, тебя Гете, что вы и то уничтожаете по немногу... Хорошо, Маргарита, хорошо, что я несовершенно рожденъ писателемъ; мнѣ такъ легко сказать: «глупо... брошу...» и бросить... Ну если бы писать было моею потребностью,—потребностью, какъ дышать, какъ наслаждаться жизнью и я бы дышалъ, упивался, писалъ... и меня бы оскорбили злорѣчіемъ, какъ Тренцель смѣлъ оскорбить Гете... Маргарита! я бы умеръ.

— Такъ не пиши же, пожалуйста послѣ этаго... Сдѣлай одолженье.

Фердинандъ взглянулъ сурово на жену, замолчалъ и сталъ ходить по комнатѣ. Маргарита подошла къ Фердинанду.

— Ты грустенъ Фердинандъ, ты разстроенъ?

— Я несчастливъ, Маргарита.

— Отъ чего же?.. Видно я не умѣла составить твоего счастья.

— Совсѣмъ не то, совсѣмъ не то, Маргарита.

— Нѣтъ! нѣтъ Фердинандъ! не обманывай меня... видно сердце, любовь, друж-

ба, все, все, что отдала тебѣ я, все что могла отдать я—ничтожно въ глазахъ твоихъ, слишкомъ мало для твоего спокойствія и счастья.

— Маргарита!

— Что же дѣлать, что же дѣлать, другъ мой: я думала что меня станетъ...

Маргарита плакала и продолжала сквозь слезы:

— Не много было надобно для моего благополучія: право любить, покоить, утѣшать мужа,—тутъ былъ весь мой міръ, всѣ мои мечты... Бѣдныя мечты! бѣдная Маргарита!

— Безцѣнная Маргарита. Прости меня, прости.. Я невинно, невольно оскорбилъ тебя... я не знаю, что со мною? Я слѣлался вдругъ такъ раздражителенъ заносчивъ... Малѣйшее противорѣчіе, бездѣлица, меня выводитъ изъ себя—не понимаю что такое... Пойми хоть ты, Маргарита... Пойми мою грусть, мое горе—я хочу перестать писать.

— Не понимаю и не хочу понимать. Ты долженъ писать.

— Я почти рѣшился, Маргарита.

— На что?

— Не брать пера въ руки послѣ... Гете...

—Ты рѣшился, значитъ, быть дурнымъ, Фердинандъ, ты рѣшился завидовать.

— Я... завидовать?... Я могу быть завистникомъ?... Маргарита! я буду писать... буду писать и послѣ Гете, и подъ своимъ именемъ... Я наводню Германію посредственными, ничтожными произведеніями... Я докажу всѣмъ и тебѣ Маргарита, что скорѣе могу быть плохимъ писателемъ, чѣмъ завистникомъ высокаго таланта, скорѣе Фердинандомъ Ромъ, чѣмъ Трепцелемъ...

Маргарита ложилась спать. Фердинандъ молился и оканчивалъ свою молитву обычными словами: «Боже укрѣпи мои способности, благослови трудъ мой!»

—Будетъ писать! будетъ писать! шептала Маргарита, и слезами вторила молитвѣ мужа.

—

Былъ часъ шестой утра; солнце только что взошло надъ Веймарскою долиною, Фердинандъ проснулся, взглянулъ въ окно: время прекрасное! Одѣлся и пошелъ гулять въ паркъ.

Веймарскій королевскій паркъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ очаровательно-уединенныхъ мѣстъ для прогулокъ, которыя среди города, среди утомительной, оглушающей дѣятельности городской, служатъ привольнымъ отдыхомъ и которыя такъ рѣдки, по-крайней мѣрѣ, такъ рѣдко достигаютъ своей цѣли въ самыхъ первостатейныхъ столицахъ Европы.

Описывать его было-бы странно, какъ описывать пейзажъ картины, пейзажъ природы—надобно гулять въ немъ,—какъ гулялъ Фердинандъ и еще одинъ молодой человѣкъ, незнакомый Фердинанду,—и наслаждаться воздухомъ, свѣжестью утра, ароматами цвѣтовъ, вдохновляться всѣмъ этимъ, какъ наслаждались и вдохновлялись, можетъ-быть, они оба.

Нѣсколько разъ встрѣчался Фердинандъ съ незнакомцемъ и въ каштановой рощѣ, и въ Итальянской аллеѣ, и у фонтана; сходились, расходились, всматривались другъ въ друга и какъ будто сговорясь наконецъ въ одно и тоже время сѣли на одной и той-же лавкѣ у средней бесѣдки.

— Прекрасное утро! сказалъ незнакомецъ вполовину самъ себѣ, вполовину обращаясь къ Фердинанду.

Величавая наружность, открытый лобъ, признакъ проницательности, вселяли невольное уваженіе къ незнакомцу, такъ, что Фердинандъ, почти сконфузясь, отвѣчалъ: «да, прекрасная»...

—Утро—юность человѣка, грѣшно проспать его...

— Я счастливъ тотъ день, въ который проснусь рано, прибавилъ Фердинандъ,

къ аѳоризму незнакомца:—день не въ день для меня безъ утра.

— Можно сдѣлать привычку вставать рано.

— Какъ помирить ее съ привычкой ложиться поздно?... Одна уничтожаетъ другую...

— Засиживаться вечеромъ и ночью, по моему можно только съ перомъ въ рукахъ; но я и пишу охотнѣе утромъ.

Незнакомецъ всталъ, и пошелъ къ фонтану, Фердинандъ въ аллею.

Черезъ полчаса Фердинандъ и незнакомецъ снова сидѣли на той же скамейкѣ и снова разговаривали между собою, но одинъ смѣлѣе, другой не такъ уже отрывисто и рѣзко.

— Воля ваша, я несогласенъ съ вами. сказалъ незнакомецъ, взглянувъ вдругъ пристально на Фердинанда:—поэтъ не простая птичка, если въ пѣснях послѣдней одна только цѣль беззаботное самонаслажденіе...

— Но кто же знаетъ это, кто подслушалъ тайный смыслъ этихъ пѣсенъ, кто скажетъ мнѣ зачѣмъ и что поетъ птичка?...

— Въ такомъ случаѣ ваше сравненье одна только фраза...

— Почему?...

— Потому-что мы знаемъ зачѣмъ и что поетъ пѣвецъ; мало того, что долженъ онъ пѣть...

— Учатъ пѣть и птицъ, но чтожъ это за ученое чиликанье чижа въ сравненіи съ вольной пѣснью соловья...

— Во первыхъ не чижа и соловья — берите хоть однихъ чижей по крайней мѣрѣ... во вторыхъ, плохо учатъ видно. дурно учатся, а въ этомъ-то чуть ли и не главная бѣда большей части нашихъ поэтовъ... Но мы отдаляемся отъ первой цѣли разговора нашего: мимо побужденій, будемъ говорить о назначеніи поэтовъ и писателей — назначенье ихъ двигать массами...

И незнакомецъ снова взглянулъ пристально на Фердинанда.

— Двигать... повторилъ грустно Фердинандъ:—а какъ двигать массами, сравнительно все таки грубыми, матеріальными массами, безъ матеріальной силы?..

— Совершенно справедливо, перебилъ незнакомецъ: и потому поэту, или писателю кромѣ его генія, таланта, учености—нуженъ вѣсъ, значенье въ общественной жизни; кромѣ служенья богамъ, государственная служба, если можно...

Фердинандъ вытаращилъ глаза.

—Да, да, государственная служба... Я не говорю уже о другихъ гражданскихъ и нравственныхъ обязанностяхъ, точное исполненіе которыхъ должно сближать его съ обществомъ и дѣлать замѣтнымъ, почтеннымъ. Быть хорошимъ мужемъ, отцомъ, христіаниномъ, честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ и потомъ ко всему этому, если заслужитъ, совѣтникомъ—необходимо для писателя. Иначе какъ вы хотите быть ближнему ближнимъ, брату братомъ, для человѣка человѣкомъ, дѣйствовать на него, двигать имъ, если вѣкъ свой будете ходить въ мантіи поэта, все таки въ шутовской не много, особливо въ ваше время; и на простой говоръ людей, толки о томъ, о семъ и чаще всего о ихъ слабостяхъ и о нуждахъ, вы станете отвѣчать утѣшеньями въ стихахъ, или сатирою на эти слабости,—смѣшно, дерзко, самонадѣянно... Вы самый необыкновенный писатель, положимъ, но они въ васъ не видятъ хорошаго обыкновеннаго человѣка и потому не уважаютъ, не понимаютъ, не знаютъ, знать не хотятъ... А сдѣлайтесь вы, при вашемъ геніально-литературномъ призваніи, дѣльнымъ еще совѣтникомъ, такъ и увидите разницу... увидите, какъ одни подчиненные ваши и сослуживцы неладутъ уже вамъ отбою съ своими похвалами и притязаньями на право быть обожателями вашими; они выучатся даже по санскритски, если вы иначе не пишете, чтобы только понять васъ и сказать: «нашъ совѣтникъ

прекрасный совѣтникъ; но при этомъ и чудесный поэтъ санскритскій.»...

— Да гдѣ же движенье массы-то?... перебилъ нетерпѣливо Фердинандъ:—и какъ вы двините какими нибудь готентотами?...

— О! готентотами бы еще ничего... Дикарь не бѣгаетъ, не боится просвѣщенія, умѣйте только съ толкомъ владѣть свѣтильникомъ — неослѣпляйте вдругъ его... Въ его звѣриномъ состояніи вы имѣете дѣло все таки болѣе, или менѣе съ самой природою, которая всегда бываетъ свѣжа, умна, неиспорчена и тотъ, кто первый началъ бороться съ нею, хотя былъ самымъ геніальнымъ человѣкомъ, однако же долженъ признаться, что боролся съ самымъ благоразумнымъ и уступчивымъ противникомъ. Но бѣда дѣйствовать и двигать массою полудикою, полуобразованною: она знаетъ всего понемногу, нахваталась вершковъ всѣхъ точныхъ и не точныхъ наукъ, испытала, по слегка, всѣ возможныя потрясенія, и, довольная своимъ полу-опытомъ, полу-знаніемъ, а главное сама собою, отдыхаетъ, или вѣрнѣе сказать, коснѣетъ въ мертвомъ бездѣйствіи. Есть цѣлые народы и физическое, и нравственное, и умственное, и политическое состоянiе которыхъ носитъ на себѣ это клейма безсмысленнаго самодовольствія, проказу коснѣнія... И жалокъ тотъ геній, тотъ талантъ, тотъ даровитый писатель на долю котораго палетъ жребій жить и дѣйствовать среди такого народа: его не то чтобы задушатъ, уничтожатъ; нѣтъ, хуже: на него необратятъ вниманія, его прозѣваютъ... А въ нашей Германіи, нашей честной, умной Германіи, гдѣ мысль давно уже составляетъ главную цѣль жизни, а новая мысль дѣлаетъ эпоху, волнуетъ умы, а если притомъ высказана искусно и ловко, такъ управляетъ ими, вмѣшивается въ семейную и общественную жизнь, распоряжается ею, уничтожаетъ предразсудки, исправляетъ недостатки,—словомъ, хозяйничаетъ практически, какъ въ другомъ мѣстѣ она похозяйничаетъ и въ книгѣ.. И тутъ не писать... Не знать какъ употребить съ пользою талантъ, не для игрушекъ же даруемый вамъ небомъ, не умѣть двинуть массою?... Да и не Гете послѣ этого, если незаставлю плясать Германію по моей дудкѣ... Совѣтую и вамъ не дремать съ перомъ, если вы писатель, такъ Германія будетъ охотно читать и слушаться васъ.

Фердинандъ вскочилъ, въ смущеніи: увлеченный Гете смѣшался тоже нѣсколько, но вдругъ изъ аллеи показался Меркъ, подошелъ къ нимъ и вывелъ ихъ обоихъ изъ затруднительнаго положенія.

—А! здравствуй, Роръ... Здравствуйте, г. совѣтникъ, поздравляю васъ съ новою милостью герцога.

— Благодарю, благодарю Меркъ... мнѣ очень было пріятно познакомиться съ вами, г. Роръ, надѣюсь, что мы видимся не въ послѣдній разъ... милости просимъ ко мнѣ: въ квартирѣ президента палаты Кальба, спросите совѣтника Вольфганга Гете,—вашъ покорный слуга.

Фердинандъ молчалъ и кланялся.

— Кто этотъ Роръ? спрашивалъ Гете у Мерка, идя съ нимъ подъ руку по аллеѣ:—писатель, поэтъ, философъ, кто онъ такой?...

— Добрый малой, г. совѣтникъ: бѣдякъ, уменъ, ученъ и женатъ на лучшей женщинѣ въ мірѣ...

— Право?...

— Вотъ все, что я знаю.

—

— Да откуда же онъ эгоистъ, холодный, безслушный честолюбецъ? спрашивалъ въ слухъ самъ себя Фердинандъ, входя домой и идя на встрѣчу къ Маргаритѣ:—онъ просто энтузіастъ, горячка, теплѣйшая душа, чудеснѣйшій человѣкъ, какихъ мало... Да съ чего взялъ это Трепцель?... Да онъ..

—Да кто же этотъ-онъ? перебила наконецъ въ нетерпѣньи Маргарита.

— Гете, Гете, Маргарита...

— Да ты развѣ его видѣлъ?

— Видѣлъ и говорилъ съ нимъ болѣе двухъ часовъ...

— И въ два часа узналъ человѣка?..

— Маргарита!

— Что прикажете, Фердинандъ?

— Оставь свои глупости, пожалуйста. Труднѣе всего въ невѣстахъ узнавать жену; но я и тутъ не ошибся, ты...

Маргарита посмотрѣла въ глаза Фердинанду, Фердинандъ не выдержалъ и засмѣялся.

—Ты была доброй дѣвушкой, Маргарита, женою сдѣлалась еще лучше... А здѣсь я зналъ, что человѣкъ, записавшій Геца, не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ; повѣрилъ убѣдился: въ этомъ и обѣщаюсь тебѣ при первой встрѣчѣ съ Трепцелемъ — за всѣ клеветы на Гете, приколотить его, какъ каналью.

— Очень будетъ мило.

— Не знаю будетъ-ли мило, но больно будетъ...

—Помилуй, Фердинандъ, у всякаго можетъ-быть свой образъ мыслей. Трепцель умный человѣкъ, съ талантомъ, ты самъ говорилъ...

— Вотъ то-то и гадко, Маргарита, что онъ этотъ талантъ употребилъ на дурное дѣло и весь свой умъ, способности, даръ говорить и писать, посвятилъ литературному крючкотворству и въ душѣ поклялся, кажется, что пока будетъ жить —будетъ чернить все истинно прекрасное и доброе и на перваго кинулся на Гете... Я иначе его не понимаю, и несовѣтую никому брать сторону этаго желчнаго литературнаго аристарха.

Послѣднія слова были произнесены значительнымъ тономъ, Маргарита не возражала и пошла за кофе. Фердинандъ подошелъ къ окну.

—Писать ли, Фердинандъ?.. Слушаться ли его, онъ такъ великъ, силенъ, судитъ по себѣ... А въ тебѣ, Фердинандъ, въ тебѣ — есть-ли высокое призваніе?.. Онъ точно дышетъ Германіею, онъ...

Фердинандъ взглянулъ въ окно.

— Маргарита! Маргарита!

Маргарита вошла.

— Скорѣе, скорѣе — вотъ онъ, подъ руку съ маркизомъ...

— Кто, кто?..

— Гете...

Въ тоже время Меркъ, проходя мимо окна, шепнулъ Гете:—Вотъ она — жена Рора...

Фердинандъ поклонился Гете, Меркъ Маргаритѣ. Пріятели пошли къ дворцу, мужъ и жена сѣли пить кофе.

—

— Что ты не займешься ни чѣмъ, Фердинандъ?.. Ты все такъ грустенъ, задумчивъ.

— Обдумываю, облумываю, Маргарита... Нельзя же вдругъ сѣсть и писать.

— А будешь писать?... Пожалуйста, Фердинандъ... напиши повѣсть.

—Повѣсть... нѣтъ, нѣтъ Маргарита... Тѣсно, сжато, неловко, негдѣ разойтись; я напишу романъ: Клеопатру — романъ античной; тряхну Римомъ, Египтомъ, тысячелѣтіями...

— И чудесно, Фердинандъ, не оканчивай только страшнымъ, а свадьбой или чѣмъ-нибудь, только веселымъ... Впрочемъ тутъ нужна сметка, если у тебя начало веселое, такъ конецъ можно печальный, но если и начало будетъ печальное, и середина, и конецъ — такъ Богъ съ тобою, Фердинандъ—ты всѣхъ измучаешь... А что же Процида?..

—Процида!.. лежитъ... лежитъ, Маргарита...

И Фердинандъ отворотился къ окну.

II.

ВЕРТЕРЪ.

— Скажите: есть у васъ чулки à la Werther?.. спрашивалъ одинъ изъ записныхъ франтовъ Веймарскихъ, входя въ лавку.

— Никакъ нѣтъ-съ, у меня нѣтъ, да и нигдѣ нѣту — за это вамъ ручаюсь, отвѣчалъ съ самоувѣренностью хозяинъ лавки.

— Странно! отъ чего-жо нѣтъ?

— Не могу знать. Вотъ пуговицы есть, галстухи, помочи, пряжки — все à la Werther. Вчера получили даже перчатки à la Lotte — перчаточница Каролина Зюсе сошла съума отъ любви и утопилась въ Илькѣ, такъ наслѣдники воспользовались случаемъ — придумали перчатки à la Lotte и, ничего-съ, идутъ хорошо... А чулокъ нѣтъ еще... Вѣроятно ни одинъ фабрикантъ Нейштатскій не влюблялся, не читалъ Вертера, несходилъ съ ума и не застрѣливался..... Другой причины быть не можетъ...

— Странно! странно! бормоталъ Франтъ: я думалъ, что уже есть. Покажите же мнѣ хоть пуговицы...

Купецъ показалъ.

— Ахъ, какъ это мило! Боже мой, какъ это мило... деревцо, женская фигурка съ книжкой — это вѣроятно Лохтенъ!... И какъ онѣ кстатѣ къ моему фраку à la Werther... Бутылочный цвѣтъ и золотыя пуговицы, да это превосходно... А что стоятъ?..

— На пару три талера...

— Не дорого ли?

— Возьмите простыхъ...

— О, нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно, помилуйте... заверните.

Купецъ пользовался случаемъ, показывалъ другія галантерейныя вещи, не только не новыя, но давно вышедшія изъ моды, прибавляя къ каждой: «Ей Богу-съ à la Werther, и длинную исторію въ доказательство, по которой она непремѣнно должна была быть à la Werther...

— Нельзя-ли отпустить меня, сказалъ Фердинандъ, стоявшій тутъ же съ покупкой въ рукахъ и потерявшій наконецъ терпѣніе: расчитайтесь со мною скорѣе...

— Сейчасъ, сейчасъ, мой господинъ! извините... Вамъ неприкажите-ли чего-нибудь à la Werther?..

Фердинандъ, какъ ни былъ сердитъ, но невыдержалъ: «ума и чувства, сказалъ онъ смѣясь: если вы и тѣми торгуете....

— Невыгодно-съ, охотниковъ мало... Впрочемъ я бѣгалъ нынче въ книжную лавку, десятка два экземпляровъ взялъ бы Вертера, да все изданье вышло, седьмое изданье... Такъ и вернулся съ пустыми руками, а то бы тамъ ума и чувства вдоволь... Извините, что задержалъ.

Франтъ, кончивъ свой расчетъ, вышелъ изъ лавки, Фердинандъ остался.

— Такъ вамъ нравиться Вертеръ?.. Вы читали его?..

— Я бы не смѣлъ иначе произносить названія.....

— Не понимаю послѣ этаго, какъ можно такъ часто произносить его и кстатѣ не кстатѣ помыкать имъ, сбывать свой товаръ подъ фирмою à la Werther, торговать этимъ именемъ?...

— Дѣлать нечего, милостивый государь, если всѣ непремѣнно хотятъ, чтобы каждая бездѣлица, каждая вещичка напоминала болѣе или менѣе это прекрасное сочиненіе; наша обязанность угождать общему вкусу, но въ то же время нетерять и своихъ выгодъ. У меня есть саптиманъ, два года тому назадъ купленный у одной старой дамы, и я его сбуду при первомъ же случаѣ; стоитъ только прибавить: «съ ручки Лоты, изъ волосъ Вертера».... Купятъ, непремѣнно купятъ и закажутъ другой такой же.... Не намъ разсуждать, милостивый государь, видно ужъ въ самомъ дѣлѣ хорошая вещь Вертеръ, если она вошла и въ столъ, и въ кабинетъ, и въ спальню, и въ туалетъ, и на голову, и въ голову честнаго нѣмца.... Да и точно хорошая, нечего сказать: болѣе всего мнѣ нравится, какъ Лота, играя въ счетки направо и на лѣво,—кормитъ оплеухами.... Вѣдь какая обидная вещь оплеуха, а тутъ бы такъ и подставилъ щеку.

Колокольчикъ зазвенѣлъ, дверь растворилась, вошла толпа покупателей.

— Шляпу! шляпу мнѣ à la Werther.

— Извольте-съ, чуть-ли не самаята, которую Вертеръ потерялъ на скалѣ ночью.

—Бумажникъ мнѣ съ портретомъ Лоты....

Покупатели наступали, требовали, восклицали и восторгались каждый по своему; лавочникъ суетился, хлопоталъ и вѣрное удовлетворилъ требованію каждаго. Фердинандъ долго смотрѣлъ на эту картину германскаго энтузіазма, усталъ наконецъ и вышелъ.

—

Великій геній! Ты началъ уже подвигъ твоего высокаго литературнаго вліянія, ты далъ намъ слишкомъ сильный пріемъ чарующаго твоего нектара, нашъ восторгъ даже смѣшонъ, наше восхищеніе карикатурно, похоже на опьяненіе.... Но видно такъ надо.... Сперва ты изумишь, увлечешь насъ, потомъ станешь учить.... Ты понимаешь грамоту умственной жизни народа и не употребишь во зло твоего высокаго знанія.

Фердинандъ шелъ, думалъ, разсуждалъ самъ собою и не было бы конца его путешествію безъ цѣли, его думамъ и размышленіямъ безъ возраженій, если бы вдругъ раздавшійся шумъ и говоръ въ самой удаленной улицѣ города не привлекъ его вниманія, а собравшаяся толпа около одного дома не объяснила ему причину того и другаго.

Надъ нижнимъ этажемъ дома подъ балкономъ висѣла огромная вывѣска: *фокусникъ Паліостро*. «Ниже вывѣски «была афиша, напечатанная крупными буквами, слѣдующаго содержанія: Фо«кусникъ Паліостро, извѣстный во всѣхъ «столицахъ Европы, недавно прибывшій «въ сей городъ, будетъ имѣть честь дать «большое представленіе механическихъ, «эквилибрическихъ, магическихъ и уве«селительно-физическихъ экспериментовъ, въ заключеніе которыхъ знаме«нитый художникъ надѣется удивить по«сѣтителей неожиданно невиданнымъ «доселѣ слезно-драматическимъ зрѣли«щемъ подъ названіемъ: «Вертеръ, или «ужасныя послѣдствія несчастной люб«ви, въ которомъ самъ г-нъ Паліостро бу«детъ занимать роль Вертера, стрѣлять «себѣ заряженнымъ пистолетомъ въ лобъ, «нѣсколько разъ сряду и послѣ выстрѣ«ловъ останется живъ и невредимъ, къ «общему удовольствію публики.... Цѣна за входъ пол-талера.»

На право отъ афиши висѣло нѣчто въ родѣ картины. На первомъ планѣ сидѣлъ отчаянный франтъ, въ бутылочнаго цвѣту фракѣ, закинувъ голову назадъ, держалъ въ правой рукѣ пистолетъ, а лѣвой преспокойно стиралъ носовымъ платкомъ со лба пятна крови. Вдали стояла женщина, заломивъ руки къ верху, разинувъ ротъ и кричала... вѣроятно, кричала, потому что противъ губъ было написано: «Прости! прости! на вѣкъ прости, любезный Вертеръ!»

Фердинандъ взглянулъ, прочелъ, пожалъ плечами и намѣревался итти дальше. Вдругъ голосъ: «Роръ!» еще нѣсколько знакомыхъ голосовъ сзади: «Роръ! Роръ!..» Фердинандъ оборотился и пошелъ на встрѣчу Ленцу, Клингеру, Трепцелю и Мерку.

Трепцель забѣжалъ впередъ, схватилъ за руку Рора, и какъ бы обрадовавшись случаю, что можетъ побѣсить его и вылить желчь на ненавистнаго ему Гете, заговорилъ первый:

—А нутка, ну, любезный Фердинандъ? пожалуйте сюда, полюбуйтесь результатами новыхъ, широкихъ размаховъ хваленаго вашего гепія.

—Г-нъ Трепцель, во первыхъ, оставьте мою руку — я люблю свободно дѣйствовать ею; во вторыхъ безъ вашихъ и *хваленыхъ*, потому что мои похвалы, какъ *ваши порицанія*—ровно ничего для Гете.

—Нѣтъ, нѣтъ, Фердинандъ! Посмотря, самъ посмотри, правъ ли я, что его появленіе и вліяніе болѣе вредны для Германіи, чѣмъ полезны.... Видалъ ли вещь, чтобы толпа честныхъ, умныхъ нѣмцевъ, бросивъ свой трудъ, свои занятія, семью, дѣтей, книги — можетъ быть... притащилась глазѣть на гаерство итальянскаго плута, потому только, что

онъ выставилъ имя Вертера?.. Слыханное-ли дѣло, чтобы эта толпа забыла все прекрасное, истинно изящное для карикатуры и до того вдругъ поглупѣла, что и въ этой карикатурѣ, мерзости, гадости ищетъ чего-то сентиметальнаго, благороднаго, возвышеннаго.... Вотъ что сдѣлалъ Гете, геніальный, вдохновенный Гете.

— Нѣтъ, это невыносимо... перебилъ наконецъ Ротъ, потерявъ терпѣнье:—замолчишь-ли ты, клеветникъ?..

Фердинандъ!

— Я уничтожу тебя, если ты пикнешь еще слово объ Гете.

Ленцъ и Клингеръ засуетились, Меркъ улыбался только.

— Буду! буду! кричалъ Тревцель, и не тебѣ говорить, а цѣлому міру...

— Послушай, Тренцель, сказалъ Фердинандъ, блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ: если ты не такъ дуренъ, какъ хочешь казаться... если есть въ тебѣ хоть капля благородной крови, хоть сколько нибудь чести, ты долженъ со мною драться... идемъ.

Фердинандъ взялъ за руку Тренцеля. Тренцель не противился.

— Къ тебѣ Меркъ? спросилъ Ленцъ: у тебя высокая комната...

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, я живу не одинъ, воля ваша.

— Ну такъ ко мнѣ, сказалъ Рингеръ: я одинъ-одинехонекъ и очень радъ тряхнуть стариною—давно невидѣлъ крови. Дуэлисты и секунданты отправились.

Дуэль германскихъ студентовъ или тѣхъ, которые неперестаютъ жить и умирать въ ихъ правахъ, не слишкомъто страшная вещь, рѣдко дуэль на смерть; но однако не безъ опасности.

Противники дрались съ ожесточеніемъ, условіе до первой крови давно уже было нарушено, оба были ранены, а палаши еще скрещались въ воздухѣ.

—Фердинандъ позабылъ, кажется, что онъ женатъ и отецъ и бьется какъ фуксъ, что наровитъ въ бурши, шепнулъ Ленцъ и пыхнулъ дымомъ изъ трубки.

— Такъ и летятъ куски мяса! прибавилъ Рингеръ.

Меркъ улыбнулся.

Палаши мелькнули еще разъ, Фердинандъ занесъ на голову, погорячился, наскочилъ, Тренцель подставилъ... тяжело раненый Фердинандъ упалъ на полъ.

Всѣ разошлись, Меркъ первый... И хозяинъ даже квартиры почувствовалъ непремѣнную необходимость погулять и попользоваться свѣжимъ воздухомъ; остался одинъ только Ленцъ при раненомъ.

Наступила ночь, Ленцъ поднялъ Фердинанда и понесъ его на плечахъ домой къ Маргаритѣ.

Ленцъ былъ добрый товарищъ.

— Что таскаешься по ночамъ?

— А тебѣ какое дѣло?

— Вотъ какъ сведу къ бургомейстеру, такъ узнаешь какое дѣло... Этакая чучела, среди лѣта въ мѣховыхъ сапогахъ и шапкѣ... И полицейскій сторожъ остановилъ Ленца, возвращавшагося уже домой съ квартиры Фердинанда Рора.

На другой день Ленцъ подалъ просьбу самому герцогу, слѣдующаго содержанія:

«Звѣзды ходятъ ночью свободно въ не«бѣ, и ни одинъ будочникъ не смѣетъ «остановить ихъ... Я хоть и не звѣзда и «не въ небѣ, но когда создавали меня «развѣ спрашивали—чѣмъ и гдѣ хочу быть «я?.. За что же останавливаютъ будоч«ники?.. И не далѣе какъ вчера одинъ «изъ нихъ взялъ и повелъ къ бургомей«стру, въ продолженіи всей дороги не «переставая смѣятся налъ моей мѣховой «шапкой и обувью; опять притѣсненье! «Виноватъ-ли я, что лѣто хожу въ той и «другой, а зимой босый и безъ шапки— «привычка.»

— Съумасшедшій Ленцъ! прибавилъ герцогъ и смѣясь передалъ просьбу Гете. Гете не удивился, не первая это была странность Ленца. Его возобновленіе страсбургскаго знакомства съ нимъ на-

чалось своего рода шуткой, послѣ которой всѣ другія были болѣе или менѣе возможны. Случилось, что Гете также какъ и теперь сидѣлъ у герцога; вдругъ записка:

«Хромой журавль къ нашимъ услугамъ, куда прикажете ему лѣться?»

«Ленцъ.»

Гете прочиталъ, разхохотался вслухъ и долженъ былъ объяснить герцогу причину своего смѣха. Тотчасъ же послали за Ленцемъ, пріодѣли его, разумѣется, изъ герцогскаго гардероба, какъ это обыкновенно водилось при Карлѣ-Августѣ, благодѣтелѣ и покровителѣ нищенствующей ученой братіи, привели во дворецъ, занялись маленькой хотя полной созпанія собственнаго достоинства фигуркой гостя, обласкали его, оцѣнили и съ того же дня дали пріютъ и въ Веймарѣ, и въ мнѣніи общественномъ, и даже во дворцѣ герцогскомъ.

Ленцъ человѣкъ былъ талантливый—не даромъ же Гете любилъ его, читалъ небольшія его сочиненія и начало сатиры Нилькъ; въ нихъ было много ума, много чувства, но везлѣ въ каждомъ стихѣ проглядывала эта горькая насмѣшка это грустно-юмористическое воззрѣніе на вещи, что обыкновенно зарождается въ человѣкѣ въ слѣдствіе душевныхъ потрясеній, и огорченій въ самой пылкой юности, всего чаще и сильнѣе въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ. И никто такъ не оправдывалъ этой психологической примѣты, какъ Ленцъ, нелюбимый ребенкомъ въ семьѣ, преслѣдуемый въ послѣдствіи своими родственниками и наконецъ лишенный наслѣдства и выгнанный изъ родительскаго дома самимъ отцомъ. Вся вина его горькой участи падала на гонителей, потому что добрая, свѣтлая душа Ленца не могла подать никакого къ тому повода. Стоило только взглянуть на лице его, чтобы сказать—«этотъ человѣкъ ничего неможетъ сдѣлать дурнаго.» Ни одна черта, ни одно выраженье глазъ, ни одно движенье тѣла не посѣлили бы сомнѣнья—хоть бы подсматривалъ, вычитывалъ и записывалъ самъ Лафатеръ, онъ бы ошибся развѣ только въ томъ что Ленцъ глупъ, а не умепъ, какъ это было, но никогда бы не сказалъ: «Ленцъ злой, а не добрый, фальшивый, не искренній человѣкъ.» Знакомые, незнакомые, друзья и враги заспорили бы съ нимъ... Послѣдніе врядъ-ли были у Ленца кромѣ отца и родни—ну да этихъ Богъ далъ, а не самъ онъ нажилъ... Странности Ленца, его цинизмъ въ одеждѣ, въ потребностяхъ, въ образѣ жизни, были результатомъ тѣхъ испытаній, оскорбленій, утратъ, того отрицательнаго положенія, въ которомъ находился онъ и въ которомъ обыкновенно мы всѣ или не любимъ за виновниковъ этихъ оскорбленій и лишеній—всѣхъ уже людей, короче—бываемъ или мизантропами, или циниками.... Ленцъ былъ послѣднимъ, но людей любилъ, самые посредственные встрѣчали въ немъ снисходительную внимательность, даже ничтожно-самодовольныхъ за всѣ глупыя ихъ притязанія и выходки онъ наказывалъ неболѣе, какъ басней..... Къ такимъ же, какъ былъ самъ, чистая душа поэта влеклась безусловно и дружба самая безкорыстная, дружба безъ болтовни и увѣреній, всегда была отвѣтомъ на простой вызовъ человѣка, который приходился ему по сердцу. И тогда, когда всѣ отступались отъ ближняго въ бѣдѣ—тутъ-то и было любо Ленцу дѣлаться Ленцемъ. Останься другіе товарищи Фердинанда, прими они живое участіе—Ленцъ, скрепя сердце, и не подумалъ бы пособить ему; но они ушли—онъ понесъ его на плечахъ домой, привелъ лекаря, успокоилъ Маргариту; пришелъ на другой день съ шутовской просьбой къ герцору, ждалъ только пока передадутъ ее Гете, и тотчасъ же къ нему—въ шуткахъ разсказалъ о дуэли, намекнулъ на причину, кстатѣ выпросилъ денегъ, и зная тощій кошелекъ бѣдняка Рора, явился къ нему съ ними.

— Нѣтъ не тебѣ, бабаломашная голова, а женѣ твоей... Пожалуйте сюда, Маргарита: вотъ эти деньги прислалъ Гете на вылечку своего рыцаря.... Необижайтесь, необижайтесь, Маргарита— будьте хоть вы умнѣе дурака вашего мужа.... Гете мнѣ не говорилъ ни слова— это я ужъ отъ себя прибавилъ... Далъ просто и приказалъ притти опять, если еще понадобится.

— Какъ добръ Гете!

— Я думалъ, что вы хотите сказать, какъ глупъ вашъ Фердинандъ.... Что растянулся?... Охалъ, клохчетъ, какъ мокрая курица, а вчера, такъ куда тебѣ, такъ и лезетъ на палашъ... Болванъ этакой! Тоже мужъ, отецъ, а вздумалъ нюнячить... Счастье еще ваше, что вы здѣсь, а не тамъ, гдѣ мнѣ доводилось видѣть расправу послѣ дуэли. Такъ бы и тебя и Трещеля безъ разбору обоихъ, отдубасилъ бы палками, да и дѣло съ концемъ.

— Тише, Ленцъ.... Онъ кажется засыпаетъ.

— Хорошо, хорошо!.. Я это такъ шутя и люблю — знаете?... Не надобно-ли вамъ чего нибудь сдѣлать!... Гдѣ рецептъ? я бы сходилъ въ аптеку... Ужо вечеромъ приду къ перевязкѣ, подержу, пособлю.... Прощайте!

Фердинандъ застоналъ и открылъ глаза.

— Ты страдаешь, Фердинандъ?

— Не много, Маргарита, но это пройдетъ, не безпокойся.

— Трудно мнѣ быть спокойной... Я и безъ того удивляюсь себѣ, откуда берется твердость... Бѣда за бѣдой, горе за горемъ, только отчерпывайся; недоставало еще этаго....

— Не напоминай, Маргарита, и не упрекай меня.

— Боже сохрани, Фердинандъ; но могу-ли я быть равнодушной! Самъ посуди, другъ мой, куда неоглянись, всѣ одни непріятности, да огорченья.

— Да, да Маргарита всѣ непріятности, да огорченья.

— Все это бѣдно, не вѣрно.

— Да бѣдно, не вѣрно.

— Надобно же подумать, какъ бы устроиться, какъ бы обезпечить себя.

— Надобно, надобно, Маргарита.

И Фердинандъ закрылъ глаза.

— Что это я его мучаю.... нашла время.... онъ спитъ, кажется.

И Маргарита встала, опустила занавѣсы и вышла въ другую комнату.

— Устроиться.... обезпечиться.... шепталъ про себя Фердинандъ:—да, ты права, Маргарита.... зачѣмъ я привязался къ этому міру искусствъ, гдѣ каждое изъ нихъ тащитъ за собою желѣзную цѣпь мукъ и испытаній, гдѣ горы препятствій, ядъ отравы—грозятъ на каждомъ шагу бѣдному труженику?... Зачѣмъ я не владѣю какимъ нибудь простымъ ремесломъ, безъ ложныхъ призраковъ славы, безъ сомнительнаго сознанія собственныхъ достоинствъ, безъ утомительныхъ грезъ недосягаемаго совершенства—я былъ бы по-крайней мѣрѣ порядочнымъ человѣкомъ, исправнымъ ремесленникомъ, хорошимъ отцомъ и мужемъ, устроилъ бы судьбу семьи моей, обезпечилъ бы ея состояніе.... Ты права, Маргарита.... устроиться, обезпечиться.... Зачѣмъ я тебя сдѣлалъ участницей, зачѣмъ увлекъ за собою на этотъ обычный путь моего полузнаго предназначенья? Кто далъ мнѣ право не убѣдившись въ истинѣ моего призванья, поставить отъ него въ зависимости участь самаго добраго, невиннаго, лучшаго созданья Божьяго, мучить его, лишать, оскорблять на каждомъ шагу, потому только, что мнѣ ничто неудается, что я неловоленъ собою, потому что я плохой писатель, вовсе, наконецъ, не писатель.... бездарное, ничтожное созданье, безъ мысли, безъ таланта, безъ чувства... Могъ ли я требовать, чтобы ты поняла мое тайное горе, пытку, болѣзнь души моей.... И болѣзнь-ли еще она въ гла-

захъ твоихъ, въ глазахъ цѣлаго міра—вы не вѣрите ей, вы смѣетесь надъ нею.... а она растетъ.... Отрава разливается по сердцу, кто облегчитъ, кто высосетъ ее?... Гдѣ Элеопора, гдѣ цѣлебныя уста ея... Устроиться.... обезпечиться.

Фердинандъ не шепталъ уже, а говорилъ громко, но не связно, отрывисто, безпорядочно, безъ смысла, Фердинандъ бредилъ: начиналась горячка.

Вечеромъ по обѣщанью явился Ленцъ, вмѣстѣ съ докторомъ.

— Что больной?

— Что Фердинандъ?

— Спитъ крѣпко, но мечется, бредитъ и стонетъ, вѣроятно, отъ боли.

Фердинандъ очнулся, Маргарита, докторъ и Ленцъ всѣ втроемъ засуетились о перевязкѣ. Докторъ перевязывалъ, Ленцъ и Маргарита поддерживали раненаго. Вдругъ зашумѣло за дверью, дверь растворилась: вошелъ на цыпочкахъ Меркъ. Ленцъ увидѣлъ, сконфузился, опустилъ вдругъ руки, такъ, что раненный вскрикнулъ, Ленцъ отвернулся и пошелъ къ окну. Не поддержи Маргарита, Фердинандъ опрокинулся бы.

— Извините, извините меня, Маргарита.... Я потревожилъ васъ, я помѣшалъ вамъ.... говорилъ Меркъ, подходя къ постели:—да хорошъ и вашъ помощникъ, чего онъ испугался?.. Мастеръ, мастеръ, Ленцъ ухаживать за больными, нечего сказать.

— Ахъ, нѣтъ, господинъ Меркъ, мы такъ обя...

Ленцъ топнулъ ногою, взглянулъ пристально на Маргариту, сбилъ ее съ толку и снова оберпулся къ окну.

— Ахъ, ты, чудакъ, чудакъ, Ленцъ... Простите, его Маргарита.... Онъ всѣдъ и всегда одинъ и тотъ же.

И Меркъ заступилъ мѣсто Ленца, со всею ловкостью растороппаго фельдшера и вмѣстѣ дамскаго угодника.

Ленцъ бѣсился въ душѣ, но какъ бы ничего не слышалъ и не видѣлъ, стучалъ по стеклу пальцами и напѣвалъ пѣсенку...

— Какъ ваше здоровье? спрашивалъ Меркъ, перевивая конецъ бинта у Маргариты:—въ этой исторіи, признаюсь вамъ откровенно, вы первыя пришли мнѣ въ голову.

Маргарита покраснѣла, Ленцъ стукнулъ сильнѣе по стеклу, Фердинандъ охнулъ, Меркъ передалъ бинтъ доктору.

— Ваше участіе ко мнѣ, отвѣчала, поправившись, Маргарита:—трудно согласить съ участіемъ въ дуэли... Вы, кажется, были секундантомъ, господинъ Меркъ?

— И не съ моей стороны.... сказалъ, охая, Фердинандъ.

— И первый ушелъ домой послѣ дѣла ... прибавилъ, необорачиваясь, Ленцъ.

— Зачѣмъ же не за мной?... спросилъ съ живостію докторъ.

— Не могъ, служба... Я спѣшилъ во дворецъ... отвѣчалъ Меркъ, нисколько не смѣшавшись, со всею важностью должностнаго и придворнаго человѣка.

Перевязка кончилась.

— Ну, братъ Фердинандъ, теперь ты можешь смѣло хоть на балъ, продолжалъ Меркъ, шутя и укладывая больнаго: мы зашнуровали тебя, какъ не шнуруется и фрейлейнъ Лаисбергъ, небойсь не сгорбишься... Что, любезный, плохо, не во все-то весело... Самъ виноватъ, самъ виноватъ; вольно было лурачиться... И кому отъ этаго польза: Гете не прибудетъ не убудетъ отъ критики Трепцеля, ему даже было не пріятно, когда онъ услышалъ о твоей рыцарской выходкѣ.

Ленцъ стукнулъ по стеклу, такъ что задрожала рама.

— Узнай герцогъ объ этомъ, продолжалъ Меркъ:—тоже было бы не хорошо, онъ не любитъ безпорядковъ въ своемъ герцогствѣ, и ты, кажется, слышалъ и помнишь его слова на счетъ Іенской вольницы: «придется укротить этихъ головорѣзовъ въ ученыхъ тогахъ»... говорилъ онъ недавно, проѣзжая черезъ Іену, а ты

насильно лѣзешь въ число ихъ?.. И что за манера убѣждать въ истинѣ концемъ отпущеннаго эспадрона... Страшно мнѣ, если ужъ ты наровишь въ защитники Гете, такъ ищи средствъ болѣе ровныхъ: на противорѣчье — убѣжденье, на колкость—колкость, на насмѣшку—насмѣшка...

— На подлость и клевету — шпага... перебилъ съ досадой Фердинандъ и завернулся въ одѣяло.

—Не раздражайте, не раздражайте его, умоляю васъ! сказала въ волненіи Маргарита, и взявъ за руку Мерка отвела отъ постели:—въ его положеніи всякая бездѣлица выводитъ изъ себя; вы правы, Меркъ, только не спорьте съ нимъ... подите сюда.

И Маргарита привела Мерка въ противуположной уголъ комнаты.

—Герцогъ точно не знаетъ о дуэли?

Нѣтъ.

—Гете сердится?

—Увѣряетъ, что огорченъ и вѣрятъ многіе, но не Меркъ!

—А молва не звонитъ, не болтаетъ объ этомъ случаѣ?

— Къ удивленію, она не обратила вниманія на стычку распетушившихся студентовъ.

—И слава Богу! воскликнула Маргарита:—такъ мой Фердинандъ спасенъ, избѣжалъ огласки, пересудовъ, толковъ; мой милый, чудный, славный Фердинандъ! Скажите, пожалуйста, какъ было нестыдно поссориться, заспорить, перебраниться на улицѣ, вызвать другъ друга, драться, рисковать жизнію, позабыть обо мнѣ, о ребенкѣ—ну что бы мы безъ него?... И всё это изъ-за афишки.

Маргарита остановилась, опустила руку Мерка и ждала какъ бы отвѣтана порывъ досады, огорченія, страха и любви къ мужу, и всего этаго вмѣстѣ,—вѣдь въ первый разъ довелось наконецъ высказаться бѣдненькой.

Отвѣтъ Мерка былъ коротокъ:—вы правы, Маргарита.

—Въ чемъ?

—Въ томъ, что вы говорили.

—Что я говорила? Я говорила много.

—Ну въ томъ, что Фердинандъ виноватъ.

—Нисколько.

—Помилуйте, Маргарита.

—Нисколько, господинъ Меркъ, нисколько..... Долгъ чести велитъ защищать правое дѣло, вступаться за оскорбленнаго.

—Да могъ-ли вступаться Фердинандъ?

—А почему же и нѣтъ?

—Что онъ знаетъ Гете, другъ его?

—Друзья молчатъ, защитники могутъ явиться и между врагами.... Онъ любитъ его, господинъ Меркъ; а любить можно и не зная, любятъ за умъ, за сердце, за книгу, точно также, какъ за дружбу, за знакомство, за одолженіе, за услугу, а кого любятъ, того не продаютъ.

—Но у Фердинанда свои обязанности, онъ позабылъ ихъ.

— Весьма натурально: страсти не мысли, онѣ не думаютъ, не разсуждаютъ и не помнятъ.

— Можно было всё таки вспомнить, что онъ мужъ и удержать себя.

—Ну, господинъ Меркъ, въ этомъ дѣлѣ судіею—я; теперь мнѣ горько, но не останови онъ Трепцеля, какъ можетъ быть требовалъ долгъ чести, я бы первая не узнала въ немъ Фердинанда, а это было бы для него тяжелѣе раны, увѣрю васъ.

—Я васъ боюсь послѣ этаго, Маргарита, вы страшнѣе всякой спартанки, самой жены Леонида.

—Бойтесь, бойтесь, господинъ Меркъ; и хоть и не спартанка и не жена Леонида, а все таки не дамъ своего мужа въ обиду... Я простая нѣмка, жена Фердинанда и, кажется, добрая женщина.

— Вы чудесная женщина! воскликнулъ Меркъ и остановился, какъ бы любуясь игрою разнородныхъ ощущеній, которыя смѣнялись на прекрасномъ лицѣ Маргариты.

—Что съ вами сдѣлалось, что значитъ это восклицаніе?

—Ничего и все, Маргарита, вы точно чудесный человѣкъ..... Одно желалъ бы знать—если есть назначеніе этой пестрой, безпрестанно премѣняющейся грани нашихъ характеровъ, какая цѣль, какое назначеніе въ васъ, напримѣръ, этого смѣшенія простоты съ утонченностію, наивности съ осторожностію, чувствительности съ твердостію?

— Совсѣмъ понятное, господинъ Меркъ, и если пошло ужъ на примѣры, то для того, напримѣръ, чтобы вѣкъ свой спорить съ вами, ссориться и никогда не поссориться серьезно.... А! Лотхенъ проснулась.

—И Маргарита, заглянувъ сперва за занавѣски къ Фердинанду, который спалъ, пошла къ дочери въ спальню.

— Ну, любезный Ленцъ, ты долго еще будешь барабанить, ты, можетъ быть, думаешь что это очень полезно для больнаго?

— Ты барабанилъ же цѣлый часъ, Меркъ, я не мѣшалъ тебѣ и больной не просыпался, а было бы отъ чего.

— Вѣчно сердится... пойдемъ чудакъ. Хозяйка ушла, хозяинъ спитъ, что жъ намъ тутъ дѣлать? Ты не на балѣ нынче?

— Нѣтъ не на балъ, а въ маскарадѣ.

— Гдѣ?

— Во дворцѣ.

— Какой же тамъ маскарадъ, тамъ балъ.

— Ну, ты ступай на балъ, а я въ маскарадъ.

И Ленцъ, какъ бы вспомнилъ что-то вдругъ, засуетился, схватилъ шляпу и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Постой! постой! чудакъ... остановись, какъ же... А вы, господинъ докторъ. остаетесь?

— Подожду хозяйки, можетъ быть усилится жаръ у больнаго, начнется бредъ, такъ предупрежу ее, чтобы не безпокоилась.

— Останусь-же и я, пока во дворецъ еще рано... Я помогу вамъ успокоивать, господинъ докторъ.

Глядя на предосторожности, съ которыми Меркъ усаживался въ погахъ больнаго, подумали бы, что онъ родился больничной сидѣлкой. Меркъ страстно любитъ навѣщать и покоить больныхъ, чуть-ли не больше чѣмъ безпокоить и тревожить здоровыхъ.

—

Далеко уже за полночь возвращался Ленцъ съ придворнаго бала, гдѣ насмѣшилъ всѣхъ своимъ маскарадвымъ платьемъ и сбилъ съ толку камергера Эйдзиделя, церемоніймейстера придворнаго. Онъ обслышался на капунѣ и въ полной увѣренности, что при дворѣ маскарадъ, а не балъ, не согласившись съ убѣжденіями Мерка, нацѣпилъ красное домино, шляпу съ перомъ, и какъ вѣтухъ вскочилъ въ кружокъ чинно одѣтыхъ штатсъ-дамъ и камеръ-фрейлинъ. Градъ шутокъ и добрыхъ насмѣшекъ встрѣтилъ и проводилъ Ленца; говорятъ, будто бы герцогъ сердился и далъ нагоняй Ленцу, ну да этому можно невѣрить: снисходительность Карла-Августа шла много дальше разсѣянности чудака-поэта.

Сконфуженный однако же нѣсколько, шелъ Ленцъ по той самой улицѣ, гдѣ была квартира Фердинанда Роа, вдругъ мелкнулъ свѣтъ въ окнѣ и именно въ кабинетѣ больнаго; Ленцъ увидѣлъ, подумалъ не сдѣлалось-ли хуже Фердинанду и позабывъ все, не исключая и шутовскаго своего наряда стоялъ уже на порогѣ комнаты Фердинанда—но не шелъ дальше, потому что былъ изумленъ.

Передъ письменнымъ столомъ въ колпакѣ и рубашкѣ сидѣлъ Фердинандъ и не то чтобы писалъ, а пачкалъ и маралъ бумагу и тотчасъ-же рвалъ измаранные листы.

Появленіе Ленца, котораго онъ замѣтилъ какъ бы мелькомъ, нисколько не нарушило его занятія.

«Странная вещь, подумалъ Ленцъ, не литераторъ кажется и боленъ, а пи-

шеть...» И продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ.

Фердинандъ намаралъ что-то, разорвалъ, бросилъ, потомъ вдругъ ударилъ себя по лбу, нагнулся, началъ искать брошеннаго листка, суетился, стоналъ, метался во всѣ стороны; но все было тщетно. Въ это время Лепцъ сжалившись какъ бы надъ тщетными поисками и страданіями Фердинанда сдвинулся съ порога, подошелъ къ столу и замѣтивъ прежде куда упалъ листокъ, поднялъ его и подалъ больному.

— Нашелъ! вскрикнулъ торжественно Фердинандъ.

— Кажется... отвѣчалъ хладнокровно Лепцъ.

— Ахъ! онъ, онъ... благодарю, Лепцъ! какъ ты равнодушенъ, Лепцъ... вѣдь это точно онъ... Посмотри, Лепцъ... ну куда ты смотришь?.. ничего непоймешь... это только первый планъ, а послѣ что будетъ... Послушай, Лепцъ: я написалъ было Прокиду... драму... да! да! драму! что ты вытаращилъ глаза; не вѣришь?

И Фердинандъ выдвинулъ ящикъ, гдѣ лежалъ ворохъ лоскутковъ тетради.

— Вотъ она!.. Не понравилась; слабо. не выдержаны характеры, а главное: нѣтъ этой стальной ковки, ну знаешь этого дивнаго мастерства съ которымъ Гете выковалъ свой рыцарскій мечъ, своего Геца... Хотя надобно тебѣ сказать я и неотдѣлывалъ еще моей драмы и писалъ ее почти на заказъ, для сцены—не вышло, ну! что дѣлать, разорвалъ, бросилъ и началъ писать романъ, я покажу тебѣ и его. И Фердинандъ выдвинулъ другой ящикъ съ такимъ же ворохомъ лоскутковъ.

— Смотри сюда...Это романъ...«Клеопатра...» Идея была славная: Актійская битва рѣшила судьбу Рима и міра—громко сказано, но какую судьбу, какъ рѣшила она?... И я хотѣлъ раскинуть широкою кистью картину борьбы Востока съ Римомъ за будущую судьбу человѣчества, его образованности, движенья умственнаго и нравственнаго совершенствованія, его жизни, обычаевъ, языковъ, привычекъ, вѣрованій, искуствъ... Востокъ вступался за свои права, права колыбельной няньки человѣчества, если не лесть и не мечта восточное происхожденіе послѣдняго. Востокъ порывался, пробовалъ всѣ средства, двигалъ всѣми силами, рождалъ великихъ людей, поднималъ Аннибаловъ, Митридатовъ на Римъ —все тщетно, наконецъ испыталъ послѣднее—создалъ чародѣйку, надѣлилъ ее всѣми прелестями ума и красоты, окружилъ роскошнѣйшимъ міромъ обольщеній, сокровищницами Сиріи и Египта, назвалъ ее чудомъ изъ чудесъ, «*роковымъ чудомъ*», вмѣстѣ съ Гораціемъ, назвалъ ее Клеопатрой... А функція, а назначенье Клеопатры?—изнѣжить, соблазнить, отуманить Римъ,—въ лицѣ его Тріумвировъ, оковать цѣпями изъ розъ этихъ желѣзныхъ стражей величія и могущества владыки міра и смѣвить во время эти цѣпи на цѣпи рабства, которыми они же научили приковывать такихъ же не законныхъ, не сильныхъ властелиновъ къ ихъ торжественнымъ колесницамъ .. И Клеопатра сильна, пока вѣрна своей функціи... Она лелѣетъ уже Цезаріона, будущаго распорядителя судебъ Рима, судьбы міра, дорогой плодъ любви къ Цезарю... Я въ Римѣ, въ Римѣ, Лепцъ, въ Римѣ Брута и Кассія... Закрывъ лицо тогой, пронзенный тридцатью кинжалами—Цезарь упалъ къ подножію статуи Помпея... Помпея, Лепцъ! Помпея... врага своего, кровнаго врага... Но онъ никогда не могъ простить Птоломею, брату любовницы, брату Клеопатры—предательской смерти этого врага... Пойми-же этого человѣка, все величіе души его, пойми этотъ характеръ; Лепцъ... Цезарь погибъ, а Клеопатра... Я фаталистъ, нашъ романъ—античная драма, широкое поле для предопредѣленья. Клеопатра еще вѣрна своему назначенію Маркъ-Антоній у ногъ ея... Здѣсь вопросъ: какъ дѣйствуетъ судьба на чело-

вѣка, котораго избрала она орудіемъ своихъ велѣній? съ сознаньемъ, или безъ сознанья? Отнимаетъ-ли у него его собственную волю, уничтожаетъ-ли тѣ страсти, чувства, душу, сердце, тѣ слабости, которыя туманятъ предвидѣнье избраннаго человѣка?—О! онъ часто глухъ къ призывному гласу судьбы, тщетно она зоветъ его, напоминаетъ ему его таинственное высокое предназначеніе, всѣми средствами, всѣми путями, и какая роскошь, Ленцъ, какой богатый, могучій проводникъ вдохновеній свыше моей избранницѣ: жрецы и таинства Египта у меня подъ руками... Но ты молчишь, статуя Мемнона, напрасно лучи солнца бьютъ въ тебя—далеко заутро Клеопатра млѣетъ еще въ объятьяхъ Антонія.

— Превосходно, превосходно! перебилъ увлеченный Ленцъ: но какъ же ты развяжешь?

— Ясно какъ: положимъ ты Клеопатра, я Антоній... Ты утратилъ силу характера, твердость воли надъ самимъ собою, увлекся, измѣнилъ своему предназначенью, ты болѣе уже не всесильная, хитрая, съ расчетомъ чародѣйка-Клеопатра — нѣтъ... ты изнѣженная, ослѣпленная, въ свою очередь очарованная сластолюбица... А я... Антоній, отъявленный и прежде развратникъ, красавецъ, умница съ мѣдовою рѣчью на устахъ, искатель любви и приключеній, скорѣе рыцарь павшаго рыцарства, чѣмъ тріумвиръ Римскій,—я весь твой... «Герой толпы неизмѣнныхъ друзей, поклявшихся жить, наслаждаться и умереть вмѣстѣ...» До смутъ ли Рима мнѣ, что мнѣ жена моя Октавія, братъ ея Октавій —конечно важный соперникъ, но неболѣе какъ товарищъ мой въ управленіи судьбою Рима... Я не боюсь его, я позабылъ о немъ; въ стѣнахъ дворцовъ Александрійскихъ раздаются клики пиршествъ Клеопатры и Антонія, жрецы благословляютъ ихъ, дѣвы Египта слагаютъ про нихъ пѣсни... Цѣлый томъ посвятилъ я картинамъ «*жизни безпримѣрной*» какъ называли жизнь Антонія и Клеопатры, всѣ орудія, всѣ торжества, роскошнѣйшія затѣи древняго и новаго міра были бы блѣдны передъ ними... Длинно скажешь ты, но снисходительность судебъ еще продолжительнѣе, долго щадятъ онѣ своихъ ослушниковъ, за то карающъ—молніею... Ослѣпленные еще разъ заснули сладко, упоительно, а проснулись... «Съ разныхъ сторонъ, въ разныя пристани залива Амвракійскаго вплывали корабли Антонія и Октавія; много было ихъ, все море покрылось ими, гдѣ-же разойдутся, гдѣ встрѣтятся, гдѣ уничтожать они другъ друга?»

Такъ начиналъ я первую главу четвертаго тома, такъ начиналась битва Актійская—битва силъ міровыхъ, какъ говоритъ Проперцій... Застонали волны, раздались крики истребленья, клики побѣдителей, гдѣ сладить торгашамъ Финикійскимъ *съ дѣтками Дуилія*... Антоній разбитъ и торжествующій Октавій роетъ улицы Александріи, ломаетъ углы и портики домовъ, которые мѣшаютъ стройности вступленія въ городъ и порядку шествія его побѣдоносныхъ легіоновъ... Развѣнчанная Клеопатра обратилась было снова къ своему назначенью —взялась соблазнять Октавія, но поздно: чары уже не дѣйствительны, утратили силу, судьба отступилась отъ нея и выбросила ослушницу изъ путей своихъ опредѣленій. Конецъ знаетъ міръ, конецъ самый романическій, конецъ исторіи, конецъ моего романа.

— И ты кончишь его, Фердинандъ?

— Разорвалъ, разорвалъ его, Ленцъ, и вотъ остатки, вотъ кровь и тѣло моего убитаго дѣтища... надобно было пожертвовать... Не время... не того хотятъ, хотятъ своего, роднаго, понятнаго и моя Клеопатра былабы самымъ безтолковымъ анохронизмомъ, который насмѣшилъ бы всѣхъ, а можетъ быть даже и вооружилъ противъ меня... Но я не унываю, взялся за новый трудъ: хочу по образцу Вертера написать что нибудь, изъ современ-

ной нашей жизни; но не изъ мечтательнаго нѣмецкаго міра, безъ трагедій, безъ самоубійствъ... Нѣтъ! нѣтъ! куда тянутся за Гете, а такъ, знаешь, изъ семейнаго, тихаго нашего быта, самую простую вещь, дружбу напримѣръ: дружбу двухъ знакомыхъ мнѣ булочниковъ... претрогательный и преправоучительный романъ и вотъ планъ его.

Фердинандъ подалъ лоскутокъ бумаги.

— Понимаешь-ли теперь въ чемъ дѣло, прочти, прочти-самъ и скажи мнѣ свое мнѣніе.

Ленцъ взялъ машинально листокъ, повертѣлъ его въ рукахъ и вмѣсто мнѣнья и отвѣта спросилъ: гдѣ Маргарита?

— Кто?

— Маргарита, жена твоя?

Фердинандъ наморщилъ брови, вырвалъ листокъ изъ рукъ Ленца, схватилъ перо, началъ снова марать бумагу и неотвѣчалъ ни слова. Ленцъ повторилъ вопросъ. Фердинандъ вскочилъ и ударивъ по столу кулакомъ закричалъ въ сердцахъ:

— Отвяжись отъ меня... гдѣ, гдѣ Маргарита?.. Присталъ... не знаю гдѣ... чортъ ее знаетъ гдѣ... извѣстно гдѣ, цѣлуется съ Меркомъ... Бросила мужа, взяла въ любовники и кого же?.. Урода, негодяя, Мерка... А тебѣ что надобно?.. Зачѣмъ ее?..И ты хочешь попасть въ прислужники... И какъ разфрантился... такъ и смотритъ въ чичисбеи... мерзавецъ этакой... Вонъ отсюда, вонъ соблазнитель... Доберусь я и до твоего профессора... Онъ здѣсь, демонское навожденье, любезничаетъ, ухаживаетъ... Постой же, я покажу ему, какъ сбивать съ толку честную женщину, разрушать мое счастье... Гдѣ онъ? гдѣ демонъ?..

И Фердинандъ бросился въ спальню жены.

Свѣча догарала, Маргарита читая, заснула, сидя на стулѣ. Шумъ и крикъ Фердинанда разбудили ее.

— Опять съ нимъ, съ любовникомъ... Записки... письма въ книгахъ... Подай... подай сюда.

И Фердинандъ схватилъ книгу. Что это!.. Вертеръ.

Книга выпала изъ рукъ, горячечный лежалъ пластомъ въ постели.

III.

ГЕРМАНЪ И ДОРОТЕЯ.

Фердинандъ выздоровѣлъ.

— Можно видѣть жену?

А, здравствуй Меркъ.

Одѣвается, сейчасъ выйдетъ.

— Что ты дѣлаешь, Фердинандъ?

— Ничего.... свожу счеты.

И Фердинандъ спряталъ бумаги въ столъ.

— Мы не вмѣстѣ нынче?

— А ты гдѣ?

— На обѣдѣ у Кальба. Пойдемъ.

— Съ какой же статьѣ, я незнакомъ съ нимъ.

— Вздоръ, пойдемъ со мною и я увѣренъ, что и ты и президентъ Палаты будутъ очень довольны рекомендаціею Мерка. Кальбъ человѣкъ чудесный, умный, добрый, страненъ не много съ своей вѣчной замашкой мирить службу съ литературой, поэзію съ совѣтничествомъ, и напримѣръ нынѣшній обѣдъ—это не болѣе, какъ новая затѣя, придуманный случай свести нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей и подчиненныхъ съ нашею братьею литераторами, показать этимъ писарямъ писателей, показать имъ какого нибудь Гёте.

—Все это прекрасно, любезный Меркъ, но мнѣ то нѣтъ никакого повода итти къ Кальбу: я не служу и не пишу, я ни совѣтникъ, ни литераторъ, а главное, повторяю, незнакомъ съ нимъ.

— А главное-то и вздоръ.... пойдемъ.

— Куда это? куда?... спросила входившая Маргарита:—вы вѣчно, господинъ Меркъ, являетесь съ вашими приглаше-

піями, сбиваете съ толку семейнаго человѣка, — подманиваете, вытаскиваете, уводите моего Фердинанда.

— Помилуйте, Маргарита.... За что этотъ градъ не заслуженныхъ упрековъ? Кто сманиваетъ, кто уводитъ? Развѣ онъ ребенокъ?

— Знаю, знаю, что онъ не ре....

— Перестань, Маргарита, ты говоришь вздоръ, перебилъ Фердинандъ и взглянулъ сердито на жену. Маргарита покраснѣла и замолчала. Меркъ продолжалъ:

— Я только совѣтую ему для его же пользы не терять иногда случая сближаться съ людьми. Можно ли вѣкъ свой бѣгать отъ общества?... Зная не много ваши отношенія, обстоятельства, я полагаю необходимымъ для Фердинанда не только знакомство, даже покровительство какого нибудь важнаго человѣка. Нельзя же всегда оставаться въ этомъ некрасивомъ положеніи, въ этой черной кожѣ, которая приросла, кажется, къ Фердинанду, и въ которой онъ болѣе чѣмъ жалокъ для каждаго изъ насъ, его добрыхъ друзей и пріятелей.... Простите за искренность, Маргарита. Ваши же упреки заставили меня хвастать вслухъ и мою дружбою и моимъ участіемъ. Посудите сами, имѣетъ ли онъ возможность уединиться и сосредоточиваться въ своемъ семейномъ кругу въ той степени, въ какой хотѣлось бы вамъ—не бывать нигдѣ и невидать никого, кромѣ васъ?—самый эгоизмъ этотъ, хотя весьма естественный, и болѣе чѣмъ по праву законный въ женщинѣ съ такими достоинствами, какъ вы—вишовать. по обстоятельствамъ нашимъ совершенно неумѣстенъ: Фердинандъ долженъ бѣгать и искать.... вы это знаете, я знаю также.... долженъ оставлять тотъ счастливый, семейный бытъ, съ которымъ онъ хотѣлъ бы можетъ слиться на всегда и не разлучно, да и кто наконецъ не хотѣлъ бы на его мѣстѣ.... Долженъ пользоваться каждымъ случаемъ, который какимъ бы то ни было образомъ ведетъ къ улучшенію судьбы его. Президентъ человѣкъ извѣстный, съ вѣсомъ, узнаетъ его, полюбитъ и сдѣлаетъ все, потому что можетъ сдѣлать.—Захочетъ служить Фердинандъ, покровительство Кальба не будетъ лишнимъ, за это я вамъ ручаюсь... Кромѣ того—я «ташу», какъ вы говорите, Фердинанда именно нынче на обѣдъ, потому, что тамъ будетъ Гете, а Гете, не зная его почти, любитъ также, какъ меня, а этого достаточно, скажу вамъ искренно и отъ души! Надобно же, чтобы онъ сошелся съ нимъ, заслужилъ и оправдалъ эту любовь.... Гете звалъ его къ себѣ, онъ пойдетъ вѣроятно оттого, что вы же не позволите ... Но Гете позоветъ опять, повторитъ свое приглашеніе и тогда, не смотря уже ни на какіе деспотическіе вырманы не жены, а какой-то султанши, виноватъ еще разъ,—вопреки всѣмъ вашимъ запрещеньямъ, я потащу его, а что будетъ, то будетъ, а можетъ быть многое—Гете сдѣлалъ же директоромъ театра Шиллера.

—Бѣлый галстухъ.... жилетъ пике... Фердинандъ! слышишь, слышишь, что говоритъ г-нъ Меркъ?... Сейчасъ, сейчасъ.... успѣю еще приготовить.

И Маргарита бросилась опрометью на кухню. Крохмалъ и утюги въ рукахъ жены-мастерицы сдѣлали свое дѣло. Маргарита прислуживала, Фердинандъ одѣвался, но не хотя, и какъ бы по заказу.

— Что же ты скученъ, Фердинандъ? какъ будто бы тебя ведутъ насильно.... Англійской розеткой завяжи галстухъ... тебѣ надо сблизиться съ Гете.... Не такъ, не такъ, Фердинандъ, дай сюда концы.... Гете далъ мѣсто директора Шиллеру.... Фердинандъ грустно улыбался и машинально передавалъ концы галстука Маргаритѣ.

— А намъ, хоть бы мѣсто режиссера, продолжала Маргарита.

— А замѣню-ли я Фонса.... Эхъ,

Маргарита, Маргарита! мы съ тобой негодимся и въ бутафоры.

— Къ чему же это уныніе, да и что же такое, развѣ только и свѣту, что театръ?... Гете силенъ везлѣ, можетъ пристроить тебя и ко двору, пожалуй, если хочешь.

— Слышишь, Маргарита, благодари Мерка, ты какъ разъ попадешь въ придворныя дамы.... Пойду, пойду знакомиться съ Гете.

— Постой, постой, дай почистить фракъ прежде, будущій камергеръ.

Маргарита взяла щетку, Фердинандъ, отвернувшись отъ нея и отъ Мерка, заплакалъ.

—

— Ты себѣ представить не можешь, Меркъ, всѣхъ достоинствъ этой женщины, говорилъ Фердинандъ, простившись съ Маргаритой и выходя изъ дому: не можешь, потому что незнаешь ея, какъ незналъ я, когда бралси и думалъ устроить ея судьбу и счатье. О! сколько есть полу-мужей полу-женщинъ въ золотыхъ и жемчужныхъ окладахъ мірскаго обожанія, которыя не стоятъ всѣ вмѣстѣ одного волоса Маргариты. Странно быть восторженникомъ достоинствъ и совершенствъ жены, говорить о нихъ съ страстью любовника, но было бы еще странѣе въ этомъ случаѣ удерживаться, насиловать себя, боясь насмѣшки можетъ быть не далѣе, какъ отъ человѣка, съ которымъ идешь подъ руку. Да! да, Меркъ! никакіе сарказмы, опытомъ выведенныя, разочаровывающія истины не остановятъ меня—я въ ударѣ восхищаться женою... И вотъ, что ты видѣлъ сейчасъ, эту борьбу слѣпой привязанности ко мнѣ съ горькою необходимостью, естественной прихотливости женщины съ безпрерывными лишеніями и пожертвованіями, разсудительности съ позывами чувствъ, веселости, наконецъ, съ слезами стѣсненнаго тоскою сердца — это каждый день, милый мой Меркъ, каждую минуту.

— Отъ чего же, Фердинандъ?

— Отъ чего... отъ чего... Какъ же ты споришь съ нею, говоришь что знаешь наше положеніе, обстоятельства, заставилъ ее молчать и уступить тебѣ, намекнувъ только на участіе и помощь .. Отъ чего... эхъ, Меркъ, видно говорить легче, чѣмъ страдать.... Въ другой разъ по крайней мѣрѣ, прошу тебя не обманывай этаго прекраснаго созданія, ветронь надеждъ, которыхъ ты не можешь исполнить, не утѣшай, не зная какъ и отъ чего.

— Почему же нѣтъ: можетъ быть нужда, горе—какое нибудь и есть средство пособить имъ.

— Нужда, горе.... да это очень легко сказано.... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе знакомиться, сближаться съ Гете, заслуживать его любовь .. можетъ быть, онъ и пособитъ нуждѣ и горю.

—

— Рекомендую вамъ — Фердинандъ Роръ, мой добрый пріятель.

— Очень пріятно, милости просимъ, вы также литераторъ, господинъ Роръ?

— Нѣтъ.

— Другъ литератора, другъ литературы по крайней мѣрѣ, стало быть мой другъ—прошу...

Фердинандъ и Меркъ отправились въ гостиную.

— Еще кувертъ... шепнулъ Кальбъ оффиціанту и пошелъ на встрѣчу къ новымъ гостямъ.

—Да, еще кувертъ, подумалъ оффиціантъ, а чѣмъ накормить нежданнаго.

—Въ этомъ: «еще кувертъ», въ этомъ приказаніи хозяина и разсужденіи оффиціанта отозвалась вся роспись обѣда нѣмецкаго президента палаты.

Фердинанду довелось сидѣть во время стола между двухъ совѣтниковъ. Сначала это сосѣдство не по шерсти и праву затрудняло его, но послѣ нѣсколькихъ рюмокъ гогхеймy, какъ-то и вкусы, и знанія, и прозванія сравнялись, Фердинандъ, не принимая участья въ общемъ

разговоръ, былъ очень доволенъ сентенціями изъ римскаго права одного изъ сосѣдей и шуточками другаго надъ затѣею президента Кальба, сблизить чиновниковъ съ литераторами.

—Да, да, молодой человѣкъ, мы здѣсь ex officio.... Вотъ который нибудь изъ этихъ черныхъ фраковъ вздумаетъ спросить: изъ чего эта тарелка?... Такъ ужъ у меня есть отвѣтъ по наставленію Кабьба: auf Leht gebrannt — изъ Шиллера....

— Послушайте, милостивый государь, и ваши отвѣты подготовленные и неподготовленные и ваши замѣчанія отзываются рѣзкою насмѣшкою надъ литераторами; позвольте спросить, за что это гоненіе?

— Позвольте васъ спросить прежде: вы въ числѣ этой касты?

Фердинандъ смѣшался.

— Нѣтъ.

— Такъ нѣтъ и насмѣшки, потому что я понимаю войну только между противными силами. Да и странно было бы смѣятся и шутить надъ тѣмъ, что было святыней для каждаго можетъ быть изъ насъ, за десятокъ лѣтъ. Всѣ мы учились, всѣ мы мечтали, были поэтами—не поэзіи, не литературы, такъ исторіи, философіи, права, природы, политики, медицины—превиллегированными восторженниками одного изъ предметовъ четырехъ факультетовъ любаго университета, — жаль только, что есть пятый факультетъ, факультетъ нужды и потребности жить, а жить не чѣмъ.

Фердинандъ нахмурился.

— Да, да, не чѣмъ... и этотъ факультетъ, не существующій ни въ одномъ проспектѣ университетскихъ лекцій, къ несчастью черезъ чуръ чувствителенъ въ проспектѣ жизни каждаго изъ насъ. Оттуда рядъ этихъ кандидатовъ, людей очень ученыхъ и талантливыхъ не болѣе и не далѣе, можетъ быть, какъ въ дядьки къ какому нибудь русскому барину. И Шлецеръ, и вотъ этотъ Герлеръ—они всѣ за самую умѣренную плату порывались на кандидію... А кому Богъ приведетъ, не трогаясь изъ своей родной земли, да попасть хоть въ совѣтники—такъ право странно бы жалѣть, что не остался нуждающимся кандидатомъ на великаго генія, а смѣяться все-таки нечего, и было бы глупо... Литература мѣрило образованности общества; поэзія—жемчужина души человѣка, благодарственный гимнъ Богу за то, что онъ создалъ насъ людьми, далъ намъ умъ и сердце, мысли и чувства... смѣяться не надъ чѣмъ, не надъ чѣмъ, молодой человѣкъ.

— Странно-же вы смотрите какъ-то, милостивый государь, на призванье людей: развѣ это такъ легко—нынче я литераторъ, завтра совѣтникъ.

— Да помилуйте, молодой человѣкъ, кто же это вамъ говоритъ?.. Да Боже сохрани! Вы сейчасъ сказали, что вы не литераторъ, но будьте вы имъ, пусть судьба назначила васъ къ этому подвигу, Богъ заронилъ въ душу искру творчества, далъ вамъ талантъ, далъ всѣ средства быть писателемъ и вы промѣняли бы это предназначенье, по капризу, по соблазну, по дурному наущенью, на совѣтничество, да я и васъ бы и того кто вамъ совѣтовалъ быть совѣтникомъ подъ какими бы то ни было условіями,—я бы назвалъ обоихъ негодяями и усомнился бы какъ въ вашей даровитости, такъ и въ честности намѣреній вашего соблазнителя-чиновника.

— А кандидатство, о которомъ вы только-что говорили?

—Смотрите, можно-ли вѣкъ свой оставаться гувернеромъ, когда вы рождены быть геніемъ... И совѣтникъ показалъ на Виланда.

— А необходимость, а вашъ факультетъ нужды?...

— Терпите пока силы есть и не мѣняйте вашего святаго треножника на столъ приказный.

— А если нѣтъ силъ?..

— Умрите съ голоду, сытые вдохновеніемъ.

— Вы себѣ противорѣчите.

— Нисколько, если есть призваніе и сознаніе собственнаго достоинства, убѣжденіе въ своихъ дарованіяхъ.

— А если нѣтъ этого убѣжденія?..

— Ну-съ, такъ о чѣмъ же мы споримъ... Вотъ этотъ уголъ, посмотрите сюда—вѣрно неиспугается нужды и умретъ вѣрный призванью литературныхъ геніевъ.

Совѣтникъ показалъ пальцемъ на лѣвый конецъ стола, гдѣ сидѣли рядомъ Гердеръ, Виландъ, Шиллеръ и Гете...

Фердинандъ поблѣднѣлъ, смутился при взглядѣ на этихъ четырехъ колоссовъ ума и геніальной дѣятельности литературной, и грустно опустивъ голову на грудь, не отвѣчалъ ни слова.

Стулья зашумѣли, обѣдъ кончился. Фердинандъ отошелъ къ окну.

— Какъ ваше здоровье? спросилъ тихо Гете, подойдя къ Фердинанду: —другъ по сердцу, продолжалъ онъ еще тише, не горячитесь и не рискуйте въ другой разъ жизнью за мнѣнье о человѣкѣ, который только-что создаетъ еще свою славу литературную, а для нея, какъ хотите, плохія подмостки—скрестившіяся шпаги двухъ противниковъ.

— Я то же самое слышалъ отъ пріятеля вашего Мерка...

— И...

— И отвѣчалъ ему... Я не помню, что я отвѣчалъ... Я былъ въ горячкѣ ..

Гете улыбнулся и пожалъ дружески руку Фердинанду.

— Вы, господинъ Роръ, удивительно какъ спѣсивы, зовешь васъ и не дозовешься къ себѣ, приходите хоть въ пятницу запросто вечеромъ—я прочту моимъ добрымъ друзьямъ моего Германа и Доротею...

— И вы читаете ваши вещи пріятелямъ прежде печати?

— И нѣсколько разъ—онѣ дѣлаются лучше, и если это не тусклое стекло, то полируется и ограняется—и сколько граней—столько каратовъ цѣнности въ алмазѣ... Приходите... Но объ одномъ еще разъ прошу: не спорьте съ Вольфгангомъ Тренцелемъ за Вольфганга Гете, у насъ только и есть съ нимъ общаго, что имя, да и то дали намъ бабушки, неспросясь другъ у друга—моя была смышленая... Да изъ чего вы-то хлопочите—добро бы литераторъ, такъ ужъ глупить кстатѣ, а то...

— Господинъ совѣтникъ! господинъ совѣтникъ!..

— Гете! Гете!

— Васъ проситъ герцогъ.

— Герцогиня Амалія, прибавилъ вошедшій камергеръ и вышелъ, какъ скоро исполнилъ свое порученіе.

— А то... а то, повторялъ Фердинандъ, сходя съ лѣстницы вслѣдъ за Гете и камергеромъ:—такъ я не литераторъ, господинъ Гете?... у меня на лбу не написано, что я литераторъ... Узокъ черезъ чуръ этотъ лобъ... не гдѣ помѣститься творческому мозгу... Громъ, молнія!

И Фердинандъ, какъ сумасшедшій, бѣжалъ по улицѣ, которая вела къ его дому.

—

Маргарита поджидала Фердинанда и не одна, Ленцъ былъ съ нею.

Скажите ва милость, зачѣмъ вы отпустили мужа и еще на обѣдъ — давно-ли выздоровѣлъ человѣкъ; онъ объѣстся...

Маргарита улыбнулась.

— Вы шутите; право объѣстся — онъ очень невоздержанъ и въ словѣ и въ дѣлѣ, а что до котлетъ, такъ лалу пѣтъ—я его знаю, и зачѣмъ? и что ему дѣлать у Кальба?..

— Ни я, ни онъ не виноваты въ томъ...

— Кто же?

— Меркъ потащилъ...

— Это все равно, какъ бы вы сказали — его потащило... Меркъ нечистая сила...

— Отчего же?.. вотъ странное пред-

убѣжденіе противъ Мерка и не у васъ однихъ, а у всѣхъ, за исключеніемъ развѣ только Гете.

— А Гете-то за что же его любитъ, какъ не за чертовскія эти замашки, повѣрьте...

— Странный поводъ любви и я скорѣе понимаю человѣка, который имѣетъ какіе-нибудь недостатки, чѣмъ того, кто одобряетъ ихъ. Но все-таки, какъ хотите Ленцъ, я вижу скорѣе добраго, чѣмъ дурнаго человѣка въ Меркѣ, конечно тутъ не безъ эгоизма, и не задерживая, скажу вамъ, что его участіе къ Фердинанду миритъ меня и съ его Гетевскими добродѣтелями...

— Да въ чемъ же это участіе?

— Какъ въ чемъ, да хоть бы выпче, онъ послалъ его къ Кальбу, чтобы познакомить ихъ, сблизить, расположить Кальба въ его пользу, сдѣлать изъ него современемъ покровителя для Фердинанда.

— Такъ, все это наговорилъ, насулилъ Меркъ, а къ чему это покровительство желалъ бы я знать? Нужно ли оно?

—Очень нужно, господинъ Ленцъ, если Фердинандъ захочетъ служить...

— Фердинандъ, служить?... Эта горячая, восторженная голова можетъ служить? Фердинандъ-литераторъ можетъ быть Фердинандомъ-чиновникомъ!...

— Фердинандъ-литераторъ... вскрикнула Маргарита и остановилась въ смущеніи, но потомъ поправясь, продолжала: Фердинандъ-литераторъ, это что-то новенькое для меня...

— Прекрасно, прекрасно... Это дѣлаетъ честь вашей скромности... Жаль только, что горячка болтливѣе женщины...

— Онъ вамъ сказалъ все въ бреду... Онъ бредилъ, господинъ Ленцъ, право бредилъ... Я желала бы наконецъ знать, что произвелъ, что написалъ этотъ миѣмый горячечный литераторъ... гдѣ плоды пера его, гдѣ они?..

—Гдѣ?.. повторилъ значительно Ленцъ: гдѣ?.. вотъ они... и Ленцъ выдвинулъ ящикъ стола, гдѣ лежали лоскутки Процилы.

— Это Процила...

— Разорванъ!...

Ленцъ выдвинулъ другой ящикъ.

— Это Клеопатра...

— Разорвана!..

Ленцъ молчалъ, Маргарита съ ужасомъ смотря на лоскутки, молчала также. Дверь растворилась, вошелъ Фердинандъ.

—

«Рынокъ и улицы—все будто вымерло, такъ опустѣли;
«Въ городѣ нашемъ теперь, хоть шаромъ покати, ни души нѣтъ;
«Кажется жителей всѣхъ едва ли съ полсотни осталось.

Такъ миннезенгеръ германскій, временъ новѣйшихъ, запѣвалъ свою нибелунгу, такъ Гете начиналъ своего Германа и Доротею. Всѣ слушали и въ числѣ всѣхъ былъ Карлъ-Августъ и герцогиня Амалія—коронованные слушатели, потомъ десятокъ литературныхъ знаменитостей, увѣнчанныхъ геніемъ... Всѣ слушали съ жадностью, а миннезенгеръ пѣлъ, Гете продолжалъ свое чтенье:

«Вотъ любопытные люди, вѣдь всякій бѣжитъ безъ оглядки,
«Всякій хочетъ взглянуть на бѣдныхъ изгнанниковъ этихъ;
«Часъ пути до плотины, а имъ на плотину дорога,
«Чтожъ, бѣгутъ и туда по жаркой, полуденной пыли.»

Куда бѣгутъ и кто бѣжитъ?.. Жители маленькаго городка на Рейнѣ смотрѣть на толпы угнѣтенныхъ эмигрантовъ, несчастныхъ жертвъ бѣснующейся Франціи, которыя проходятъ черезъ ихъ городъ.

Вотъ рама въ которую вставилъ Гете свою драматическую картину одного изъ случаевъ семейнаго не германскаго, а человѣческаго быта. Ни Германъ, ни Доротея не нѣмцы,—выбросьте аптекаря,

купца и Минхенъ съ ея фортепіано и аріею Тамино и Памелы, передъ вами раскроется жизнь первобытнаго человѣка во всей простотѣ своей, не гомерической, скорѣе библейской.

Интересъ поэмы достигъ своей крайности, слушатели неожиданно увлеклись имъ, и какъ было ожидать? кто могъ подумать, что первые стихи этой поэмы, легкіе, черезъ чуръ простые, даже шуточные, какъ плодовитыя творческія зерна, разовьются мастистымъ лубомъ сказанья о любви, дружбѣ и семейномъ бытѣ человѣка — первыхъ основахъ его призванья къ жизни?... Но гекзаметры текли тихой струею, какъ волны широкой, раздольной рѣки; величаво звучала пѣснь юнаго пѣвца и при мастерскомъ чтеніи Гете каждый очарованный слушатель ждалъ съ жалостью конца. Фердинандъ, сжавъ руку сосѣда своего Ленца, въ отдаленномъ углу комнаты не дышалъ почти. Но не конецъ тревожилъ его. Всѣ были заняты чтеніемъ, не исключая и друга Ленца, а никому въ голову неприходило взглянуть на Фердинанда, а стоило бы... Что дѣлалось съ нимъ?... Существенныя ли достоинства поэмы поражали его? Да, онъ сочувствовалъ ихъ, онъ сознавалъ всю трудность задачи въ простотѣ предмета найти все относительное его величіе и въ облагороженномъ разсказѣ весьма обыкновенныхъ случаевъ жизни понималъ все мастерство развитія и лучшихъ сторонъ души и сердца человѣка, и лучшихъ моментовъ его общественнаго быта. Въ художественномъ отношеніи его отчетъ самому себѣ былъ не менѣе вѣренъ и онъ ясно видѣлъ весь подвигъ совершенный Гете, видѣлъ, что можетъ быть ни одного положенія, ни одного описанія, ни одного стиха не было подсказано—чувствомъ, но все придумано, разсчитано, придѣлано умомъ и такъ ловко, такъ мастерски, что легко ошибиться и принять этотъ умъ за сердце; но Фердинандъ не ошибался, за то уничтоженный палъ ницъ передъ золотымъ ковчегомъ хорошо развитаго мозга... Понятное дѣло и не въ больномъ душею человѣкѣ: въ чувствахъ—живетъ свобода, въ мысли — деспоты... чувство увлекаетъ насъ, мысль давитъ и уничтожаетъ... И Фердинандъ дрожа всѣмъ тѣломъ, сжимая крѣпче и крѣпче руку Ленца, едва переводилъ дыханіе. Болѣзненный, онъ едва переносилъ ощущенія волновавшія его; всѣ старыя раны открылись и открылись съ нестерпимою болью. И сомнѣніе въ его литературное призваніе, и убѣжденіе въ ничтожности его первыхъ опытовъ, и мысль, что его несчатіе было родиться въ эту геніальную эпоху, что всѣми правами на право играть въ ней не менѣе достойную роль, по недостатку воли и характера онъ самъ уничтожаетъ права свои, и наконецъ это обоятельное вліяніе чтенія на слушателей—все вмѣстѣ угнѣтало Фердинанда. Фердинандъ въ первый разъ присутствовалъ при чтеніи литературномъ, въ первый разъ видѣлъ торжество автора и не сравнилъ бы его съ тріумфовъ тріумира Римскаго... Фердинандъ былъ боленъ, былъ жертвой этаго торжества, а стоило бы только взглянуть на порядочныхъ слушателей и вылечиться: Гердеръ былъ спокоенъ и наженъ, какъ его проповѣди; Виландъ суетится, какъ французъ и восхищался, какъ грекъ, всего болѣе, кажется, правильностью гекзаметра; Шиллеръ слушалъ, и не слушалъ—Германъ и Доротея были для него фокусъ-покусъ... Но Фердинандъ ничего не видѣлъ, кромѣ Гете, ничего не слышалъ, кромѣ прекрасныхъ стиховъ его; слушалъ и страдалъ, пилъ отраву и не думалъ о смерти, а гекзаметры лились, Гете читалъ и дочиталъ наконецъ до знаменитой сцены своей поэмы, *умной* сцены любви, сцены объясненія у колодца Германа и Доротеи:

«И отражалась въ водѣ ихъ свѣтлыя встрѣтились лица
И головами они другъ другу кивнютъ и тихо,

Въ зеркалѣ ясномъ дарятъ другъ друга вѣжливымъ поклономъ.

— Германъ! Доротея! Исаакъ! Ревека!.. Вижу васъ, вижу, праотцы! Такъ зачиналась любовь ваша... закричалъ Фердинандъ, не выдержавъ наконецъ внутренняго волненія: — такъ любились вы... прибавилъ онъ еще громче и вскочивъ вдругъ съ своего мѣста, взглянулъ на собраніе, смутился, поблѣднѣлъ и выбѣжалъ изъ залы. Ленцъ за нимъ, чтеніе прекратилось.

—

— Вернись, братецъ, вернись! Что ты дѣлаешь!

— Не могу, Ленцъ, силъ не стало.

И Фердинандъ сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Что подумаютъ, Фердинандъ, что скажутъ герцогъ, герцогиня, общество.

— Что имъ угодно... Я боюсь этаго чародѣя, онъ и безъ того околдовалъ меня.

— Ты сумасшедшій, Фердинандъ, я страненъ, я чудакъ, но ужъ этакой вещи никогда и неподумалъ бы сдѣлать; какъ, въ присутствіи двадцати человѣкъ, въ первый разъ въ домѣ, вскочить, заорать, вовсе горло: «Исаакъ, праотцы наши... Ревека»... и потомъ выбѣжать изъ залы, Богъ знаетъ отъ чего и зачѣмъ. Нѣтъ братъ Фердинандъ, это ужъ почище всѣхъ штукъ чудака Ленца.

И Ленцъ безъ шапки, не смотря на зимнее время, разсуждая вполовину самъ съ собою, вполовину обращаясь къ Фердинанду, неотставалъ отъ друга и гнался за нимъ, какъ бы совершенно раздѣляя его ощущенія.

Фердинандъ остановился и Ленцъ тоже.

—Ну.

—Ну.

Фердинандъ сѣлъ на лавку около одного дома и Ленцъ съ нимъ рядомъ.

— Послушай, Фердинандъ, ты сумасшедшій, чего ты взбѣсился?

—Послушай, Ленцъ, я точно сумасшедшій, я немогу распоряжаться собою... Не могу дать отчета.

—Да что съ тобою сдѣлалось?

—Страшно, все перевернулось... все уничтожилось.

—Отъ чего?

—Ленцъ, я боленъ.

—Это видно.

— Я боленъ, Ленцъ.

— Вижу вижу.

—Я боленъ, но я ролился съ этой болѣзнію... Ахъ, Ленцъ, Ленцъ! Эта болѣзнь начало и будетъ концомъ моей жизни... Эта болѣзнь мое натуральное состояніе, она привилась ко мнѣ, только что проснулся я для дѣятельности умственной, только что забилось сознаніе въ груди моей, только что сказалъ я себѣ: «и я на что нибудь годенъ,..» Эта болѣзнь, Ленцъ—страшное дѣло по послѣдствіямъ, для меня же—это отвращеніе къ посредственности... Ненависть, предубѣжденіе, отсутствіе всякой пощады къ ней... Не отъявленное ничтожество возмущало меня, я необращалъ на него вниманія, но ничтожество въ благопристойной формѣ посредственности—вотъ что выводило меня изъ себя. И я преслѣдовалъ его... Гналъ, ненавидѣлъ... за что? за чѣмъ?.. Фердинандъ! Говори, говори признайся въ первый разъ и себѣ и твоему другу... Слушай, Ленцъ: самоувѣренность—двигала мною, другіе сказали бы сомнѣніе—вздоръ, я лучше знаю... Самоувѣренность, другъ мой... Я былъ убѣжденъ, что я недюжинное созданіе, не пошлый человѣкъ, что я наконецъ не посредственность—отъ того такъ смѣло я былъ ея гонителемъ, это ясно... Фердинандъ, Фердинандъ! будь же ея ненавистникомъ попрежнему, продолжай срывать павлиньи перья, въ которыя она иногда наряжается, ну преслѣдуй же посредственность... бейся съ нею, души, уничтожай... Пощади... Ее убилъ другой и безъ тебя... Гете убилъ Фердинанда.

— Ты нездоровъ, Фердинандъ, пой-

демъ домой... сказалъ Ленцъ, вставая съ лавки:—холодно, простудишься.

— О, другъ мой! продолжалъ Фердинандъ, повинуясь машинально:—тяжки были и первыя минуты разочарованія; моя самоувѣренность страдала и прежде,—чего перенесла она только въ эти три послѣдніе года, сколько блистательныхъ мыслей затускло, сколько цвѣтковъ души и сердца затоптано во прахъ, я лелѣялъ ихъ, отстаивалъ, защищалъ напрасно, какъ видно; одѣ печальныя развалины росли вокругъ меня, но я не уничтожался по крайней мѣрѣ совершенно и изъ каждой борьбы выносилъ надежду хоть со временемъ оправдать всѣ притязанія мои на человѣка съ талантомъ, а нынче, нынче, Ленцъ, проклятая надежда! Ты довела меня до могилы, которой я одинъ только знаю и вижу всю глубину ничтожества.

Фердинандъ схватилъ за руку Ленца и остановился съ нимъ:

—Посмотри, Ленцъ, посмотри... Вотъ они, идеалы прекраснаго въ полномъ блескѣ ихъ осуществленія — я былъ друженъ съ ними... Вотъ вереница мыслей; какъ тѣни Осіановскаго міра во всемъ величіи и простотѣ ихъ проявленія — они посѣщали меня... Вотъ чувства, какъ небо юга, палящія, какъ адъ Данта... они волновали меня... И все разрушила, все отняла, со всѣмъ поссорила меня судьба... Не эта незримая, неуловимая, мгновенно поражающая судьба — нѣтъ! судьба, которая приняла на себя образъ одного человѣка, одного генія, современнаго, близкаго, по призванію однородна го со мною, даже по зародышамъ творчества можетъ-быть ни чуть не превосходившаго меня; но во мнѣ недоставало только средствъ для ихъ развитія, силъ для ихъ питанія, случай не привелъ меня къ неистощимому роднику творческаго обновленія; ни дружба, ни привѣтъ, ни поощреніе не поддерживали моей художественной дѣятельности; не было даже несчастій, горя, препятствій, которыя раздражали бы труженика искусства, а кто знаетъ можетъ быть они и необходимы для него?.. Я не страдалъ, или мало страдалъ; мало плакалъ, мало увлажалъ слезами путь избранный мною, оттого мои цвѣтки завяли, чувства изсохли, мысли поблекли, первообразы прекраснаго, идеалы совершенства превратились... Ленцъ! посмотри, вотъ они превращенные — пугалы моего воображенія... вотъ грозныя тѣни, блещущія Эвмениды моего бѣднаго сердца... они возстали... Кто исказилъ васъ, мечты мои, дѣти мои?.. Явись и ты! явись, чародѣй, владѣющій губительнымъ жезломъ превращеній, преслѣдователь мой, судьба моя,—явись... и возвести мнѣ твой неумолимый приговоръ, твое роковое слово... Ленцъ! Ленцъ, слышишь!... «Фердинандъ ты ничтожнѣе посредственности»... слышишь?.. «Фердинандъ ты человѣкъ бездарный»... Адъ и демоны! Помогите мнѣ, помогите заглушить этотъ страшный говоръ... что, вы не въ силахъ?.. О! я это понимаю, за ничтожество, какъ за преступленіе пѣтъ заступниковъ... Замолчи же! Замолчи, зловѣщій духъ!..

Фердинандъ бросилъ руку Ленца и побѣжалъ безъ оглядки домой. Ленцъ съ трудомъ успѣвалъ слѣдовать за нимъ и видя уже не горячку, а совершенное помѣшательство своего друга, въ первый разъ въ жизни смутился и вошелъ въ спальню Маргариты, опередивъ Фердинанда, хуже чѣмъ бы вѣстникомъ смерти.

—

Прошлопѣсколько мѣсяцевъпослѣ описаннаго случая. Въодно октябрское утро, не смотря на сырость погоды, пронзительный, холодный вѣтръ и накрапывавшій дождикъ, по аллеѣ, которая примыкала къ главному парку, шла женщина молодыхъ лѣтъ, бѣдно одѣтая, блѣдная, взволнованная, и шла скоро. Поровнявшись съ привратникомъ парка, она спро-

сила его отрывисто:—Не гуляетъ ли въ саду г. совѣтникъ Гете?

— А можетъ-быть и гуляетъ, да кто же знаетъ. Ходитъ какой-то высокій, плотный молодецъ, и дождикъ ему, и погода, и вѣтеръ, и холодъ, все ни почемъ, ходитъ каждое утро...

— Это онъ! онъ!.. вскрикнула вдругъ женщина и не дослушавъ дальнѣйшихъ разсужденій привратника, побѣжала въ паркъ.

Передъ гипсовой группой Лаокоона, которая стояла на выходѣ изъ большой аллеи, сидѣлъ на скамейкѣ Гете и обращаясь къ Гердеру и Мерку, разсуждалъ въ слухъ о знаменитомъ произведеніи отличной скульптуры.

— Я бы хотѣлъ знать, Гердеръ, ваше мнѣніе относительно хода изящнаго міра, хотѣлъ бы знать какимъ образомъ и почему одно искусство живетъ на счетъ другаго? почему для одного есть всегда мѣсто и время, другое миновалось и миновалось не возвратно? Почему скульптуры и такой скульптуры, какъ эта, нѣтъ уже нынѣче и быть не можетъ, а для живописи и поэзіи — раздольное поле? Хотя творческія силы и элементы казались бы для всѣхъ искусствъ равны, если неодинаковы. Да не въ двухъ, трехъ словахъ хотѣлъ былъ слышать отзывъ Гердера, хотѣлъ бы долгаго обсужденія, хотѣлъ бы диссертаціи, хотѣлъ бы цѣлой книги...

— Пишу, пишу, совѣтникъ...

— Такъ ужъ напишите кстати, какъ и эти жрецы искусства,—художники не могутъ ужиться въ одну и ту же эпоху одинъ съ другимъ, хуже того, выживаютъ со свѣта одинъ другаго, какъ поэтъ, не въ ладу съ историкомъ, живописецъ съ архитекторомъ, проповѣдникъ съ философомъ, какъ Фидій убилъ Праксителя, Аретино Мости, Вольтеръ...

— Нѣтъ, не Вольтеръ, а такъ какъ Гете убилъ Рора... перебилъ голосъ изъ-за дерева и потревожилъ всѣхъ трехъ собесѣдниковъ.

— Да, да, г. совѣтникъ, продолжала Маргарита, скоро подходя къ Гете:—какъ Гете убилъ Рора, какъ вы убили моего мужа... Отдайте мнѣ его, отдайте... За чѣмъ вы написали Геца, Вертера, Германа? За чѣмъ вы довели его до отчаянья?.. Читая васъ, за чѣмъ онъ уничтожалъ свои созданья?.. За чѣмъ было вливать въ него по каплѣ ядъ безумія, ядъ губительнаго сознанья, что онъ не можетъ сравниться съ вами?.. Вамъ любо было очаровывать насъ, посмотрите же на плоды колдовства вашего... Пойдемте, пойдемте, я покажу вамъ ихъ...

И Маргарита потащила за руку Гете, онъ не противился и пошелъ куда вела его несчастная жена несчастнаго мужа. Меркъ и Гердеръ, встревоженные не меньше Гете, слѣдовали невольно за нимъ.

Тихо было въ комнатѣ Фердинанда Рора; онъ не дышалъ уже и лежалъ мертвымъ трупомъ на постели, заваленной лоскутками и обрывками тетрадей и бумагъ. Въ ногахъ стоялъ Ленцъ и плакалъ.

Отворилась дверь, вбѣжала Маргарита, за ней вошли Гете, Меркъ и Гердеръ. Маргарита остановилась у постели, взглянула на Гете, показала на покойника и мертвою упала на грудь мертвеца. Въ несчастной и достало только жизни на одинъ взглядъ и одно движенье руки.

— Что это такое? что все это значитъ? спросилъ взволнованный Гете, обращаясь къ Ленцу.

— Ничего... отвѣчалъ Ленцъ обыкновеннымъ своимъ тономъ и утеръ слезы, такъ что ихъ никто не видѣлъ:—онъ умеръ оттого, что не могъ ужиться съ вашей славой, а она-то ужъ не знаю отчего... Дайте на похороны, г. Гете...

— Но эти лоскутки, эти бумаги?

— Эти бумаги... гм... это разорванные патенты на литературное безсмертіе... Это были бы вещи не дурвыя, если бы вы не писали лучше ихъ... Дайте на похороны, г. Гете...

—Слышите ли, Гердеръ? слышите ли?.. сказалъ Гете отрывисто, и схвативъ за руку проповѣдника-философа, быстро вышелъ съ нимъ изъ дому...

— Дайте на похороны, г. Гете... раздавалось ему въ слѣдъ...

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

ЖНИЦА МАРІЯ.

СТАРИННАЯ БРЕТАНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Марія бѣдна, но проворна;
Въ селѣ нѣтъ Маріи милѣй.
Всѣ любятъ ее не притворно
Отъ старцевъ до малыхъ дѣтей.
Отца схоронила сначала,
За нимъ же и старую мать.
Иноша при смерти сказала:
«Дочь милая, хлѣбъ доставать
«Должна ты своими трудами;
«Нѣтъ хлѣба у насъ ни скирда,
«Трудись ты своими руками,—
«Работа честнѣе стыда».

II.

Марія взглянула на небо
И слезы бѣгутъ изъ очей;
Идетъ для насущнаго хлѣба
Трудиться въ гумнахъ богачей.
И лѣтомъ какъ ясной погодой
Вел молодость пляшетъ, поетъ,
Марія не знаетъ свободы
И хлѣбъ себѣ на зиму жнетъ,
Когда нѣтъ у бѣдныхъ работы,
А голодъ избу стережетъ.

III.

Марія, хотя и прекрасна,
Не знала своей красоты;
Но юноши всѣ не напрасно
Ея подмѣчали слѣды.
Идетъ ли она въ воскресенье
Съ поникнутымъ взоромъ во храмъ,
Ей смотрятъ по слѣдъ съ восхищеньемъ
И молвятъ: «Вотъ кладъ жнихамъ!
Она хоть бѣдна, но прилежна!
«Какъ скроменъ дѣвическій нравъ!
«И будетъ женой она нѣжной,
«Нѣжнѣе разряженныхъ нравъ».

IV.

Марія у Клоды богатой,
Траву покосить напялась;
У Клоды есть сынъ тороватый;
Не сводитъ съ него она глазъ.
Съ Самикомъ она говорила
И сердце узнала его,
Самика она полюбила,
А какъ — и не знала того.
Мать сыну сказала: «Что въ полѣ
«Со жницами жить ты привыкъ?
«Тебя ждетъ твой дядя въ Сенъ-Полѣ».
И къ дядѣ уѣхалъ Самикъ.

V.

Тогда у Маріи пропала
Охота къ работѣ: въ глазахъ
Слезинка тогда заблистала
Росою на свѣжихъ цвѣтахъ.
«Что ты пріумолкла, Марія?
Подруги ей молвятъ кругомъ;
Старушки, все сплетницы злыя,
Шушукаютъ Богъ вѣсть объ чемъ.
Марія замѣтно худѣетъ,
Какъ осенью свѣжій цвѣтокъ,
Марія замѣтно блѣднѣетъ,
Какъ мѣсяцъ въ послѣдній истокъ.

VI.

У Клоды душа помутилась;
Маріи сказала она:
«Въ Самика ты, жница, влюбилась,
«Но сынъ мой богатъ—ты бѣдна.
«Умна ты—объ этомъ ни слова,
«Но умъ вѣдь казнё не споякъ;
«А что? доказать ты готова,
«Что все твое благо въ рукахъ?
«Траву мнѣ ты съ этого луга
«Безъ отдыха нынче скоси,
«Да этого луга полъ-луга,
«Да треть половины скоси».

VII.

Зардѣлась красотка Марія,
Соломенкой пышетъ она,
Проснулись въ ней чувства былыя
И снова цвѣтетъ, какъ весна.
И молвитъ: «для милаго друга
«Я льготы себѣ не прошу,
«Скошу для него я два луга,
«И дарю̀ъ двѣ трети скошу.
—Скоси мнѣ одну половину,
Сказала ей Клода, тогда
Позволю я милому сыну
Тобою владѣть навсегда».

VIII.

Вотъ проснулись въ бѣдной Машѣ
Пять силъ женскихъ, двѣ мужскихъ;
Вотъ она косою машетъ;
Отъ размаховъ удалыхъ
Травка гнется да валится.
Коситъ день она: садится
Ясно солнце; ночь прошла
Маша коситъ; вотъ взошла
Ужъ и зоренька съ востока,
Маша коситъ.... вотъ и день —
Маша въ полѣ словно тѣнь;
И, какъ въ старости глубокой,
Надъ косой ея спина
Въ горбъ ужасный сведена.
Вотъ и полдень—Маша коситъ;
Но коса слаба въ рукѣ,
И, какъ песня на рѣкѣ,
Слабый слѣдъ она наноситъ.
Слезы блещутъ: сперся духъ;
Вотъ и солнце за долиной
Скрылось: «Больше половины»!
Шепчетъ Маша, и на лугъ
Вмѣстѣ съ травкою скошенной
Упадаетъ утомленной,
И съ косой стальной въ рукахъ
Умираетъ на цвѣтахъ.

IX.

Кто же въ наши времена,
Такъ полюбитъ, какъ она?

Н. Третьяковъ.

=

ПРЕДУБѢЖДЕНІЕ.

Крестъ деревянный надъ могилой,
Какой-то мирной простотой
Влечетъ къ себѣ мой духъ унылый,—
И вѣрю я: онъ другъ прямой.
Но съ эпитафіей слезливой —
На свѣтломъ мраморѣ вѣнецъ,
Изъ меди вылитъ корделивой,—
Мнѣ подозрителенъ, какъ льстецъ.

Д. Струйскій.

=

Я НЕ ПОДЛЕЦЪ.

СТАРИКЪ.

Умри, мой врагъ непримиримый!
Бой смертный! Ты или я—мертвецъ.
Бросаю вызовъ—какъ отецъ,
За гибель дочери любимой.

ЮНОША.

Ты не смутишь моей души.
На встрѣчу смерти—не спѣши!
Міръ свѣтскій—сплетникъ, онъ злословенъ,
Твою онъ дочь не пощадилъ,
Ни въ чей я смерти не виновенъ,
Ты старъ—а легковѣренъ былъ!

СТАРИКЪ.

Трусливъ какъ заяцъ, хоть и молодъ!
Беру мой вызовъ... ты подлецъ!

ЮНОША.

Въ твоей крови могильный холодъ,
А жизнь моя весны вѣнецъ,
Увитый брачными цвѣтами.
Старикъ, не ровенъ бой межъ нами,
Жизнь молодая дорога;
Пришли мнѣ юнаго врага,
И я, повѣрь мнѣ, не сробѣю!

СТАРИКЪ.

Подлецъ! Я сына не имѣю!
Одна была мнѣ радость—дочь,
И ту взяла могилы ночь.
Я старъ, но въ битвахъ посѣдѣлъ я,

Спроси ты родину мою!
Отъ ранъ до срока захилѣлъ я;
А ты дрожишь за жизнь свою,
И уклоняешся отъ бой.

ЮНОША.

Старикъ, я знаю, ты герой;
Но можетъ быть въ странѣ родной,
И я добуду лавръ героя!
Твоей перчатки не беру,
Но честь—мнѣ будетъ вѣкъ царицей;
Преступной смертью не умру,
Не буду дряхлому убійцей».

* * *

Прошло два года и старикъ,
Услышалъ снова ратный кликъ.
Идетъ воинственное знамя,
Взыграла сталь, взыграло пламя,
Кипитъ народная война,
И съ юностью отвагой споря,
Помолѣла старина:
Растутъ полки—какъ волны моря.

Кто жь этотъ ратникъ молодой?
Какъ онъ среди громовъ прекрасенъ?
Онъ мчится Божіей грозой,
Могучъ, величественъ, ужасенъ!—
О смерть, героя пощади,
Онъ лучшій цвѣтъ страны родимой;
Помедли!.. По въ его груди
Уже свинецъ не отразимый!
Шатнулся конь, упалъ боецъ!
Какъ врагъ, на пиръ свой погребальный,
Къ бойцу спѣшитъ *старикъ* печальный....
Но тамъ прелъ пимъ полумертвецъ...
Онъ мирно бросилъ взоръ прощальный,
И прошепталъ: *я не подлецъ!*

Д. Струйскій.

*

Что въ жизни, если мы не любимъ никого,
Когда и насъ въ замѣнъ, никто любить не можетъ,
Когда въ прошедшемъ мы не видимъ ничего,
И въ будущемъ ничто намъ сердца не тревожитъ—
Тоска, одна тоска! а между тѣмъ изъ насъ—
Изъ жертвъ, влекущихъ цѣпь дней сумрачныхъ и вялыхъ,
Никто съ отвагою на смерть не кинетъ глазъ,
Никто не сложитъ жизнь съ рамень своихъ усталыхъ.
Не такъ ли иногда вечернюю порой,
Занявшись чтеніемъ пустой и вялой сказки,
Зѣваемъ мы сто разъ надъ каждою строкой
И все таки идемъ, упорствуя, къ развязкѣ.

С. Д.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

ПАМЯТЬ О ЯКОВѢ ЕМЕЛЬЯНОВИЧѢ ШУШЕРИНѢ, ТРАГИКѢ МОСКОВСКАГО и С-П.-БУРГСКАГО ТЕАТРОВЪ.

Н. М. Макарова.

Это было въ 1811 году, именно въ тотъ самый день, когда мой добрый и незабвенный пріятель Борисъ Карловичъ *Бланкъ* (1) звалъ меня на щи и на *Шушерина*!

Признаться сказать: съ *Царицыной* улицы, или, какъ нынче ее называютъ: съ Большой *Никитской* (2); да еще и въ дурную осеннюю погоду, на дрожкахъ пускатся на полѣ *Гороховое*, жертва и для себя, и для кучера и для моей лошадки, которую я еще только завелъ себѣ. Дождичекъ сѣялъ и подсѣвалъ не рѣдкимъ рѣшетомъ, а прямо частымъ ситомъ; и время отъ времени, дулъ ужасный, что называется вѣтеръ — *сиверъ*. Но, какъ-бы то ни было, для милаго дружка и сережка изъ ушка: въ два часа, я пустился на *щи* и на *Шушерина*, къ незабвенному моему пріятелю Борису Карловичу. Я обнялъ любезнаго Бориса Карловича и потомъ *Шушерина*, который зналъ меня еще ребенкомъ.

Пошла тогдашняя *комплиментація*, въ нее же вмѣшались и другіе гости, князь Петръ Ивановичъ *Шаликовъ* и два брата князья *Ши-м-товы*, заѣзжіе изъ Петербурга

Кончилась исторія *комплиментацій*: и *Шушеринъ* сказалъ мнѣ: «вотъ и вы ужъ молодецъ *М. Н.*»—А я васъ бы и не узналъ, Яковъ Емельяновичъ! отвѣтилъ я поспѣшно *Шушерину*. «Да, кто родился въ самый разгулъ Бирона, тотъ, и по немногихъ лѣтахъ разставья, не покажется въ томъ быту, какъ его оставишь, тутъ старость ежеминутно ставитъ на него свои зарубки: смѣшастесь вольно. Вѣдь вы меня начали знать шестидесяти-лѣтнимъ; а теперь мнѣ почти *аще кто въ силахъ*.»—На эти слова замѣтилъ я Шушерину, что мы уже около восьми лѣтъ съ нимъ не видѣлись.

«По полноте о лѣтахъ! Стара штука, басня скучная!» возразилъ Борисъ Карловичъ. Лучше вы скажите-ка *М. Н.*, что нашъ почтенный другъ Яковъ Емельяновичъ и доселѣ еще прилетъ на вкусъ любой *Эльфридѣ* (1). Онъ *Фрицъ Бетхеръ* (2); онъ Баронъ *Цедерштремъ* (3),

(1) Замѣчательный поэтъ и баснописецъ, своего времени, сочинитель и переводчикъ многихъ драмъ, комедій, оперъ и сотрудникъ въ Московскомъ, *Драматическомъ* Журналѣ 1811 года. Вотъ нѣкоторыя изъ трудовъ Бланка: драма *Жидъ*, оперы *Красавица* и *Привидѣніе, Пльяница* и *Зелимъ, Фаниска* и проч. и проч. *М.*

(2) По Дому Царицы *Натальи Кириловны*, которой теперь занимаетъ *Арбатская* часть, эта половина Никитской прозвана *Царицыною* улицею. *М.*

(1) Трагедія г. *Бертуха*. *М.*

(2) Роль солдата изъ *Сына Любви*. *М.*

(3) Ролъ изъ *Бѣдность и Благородство души*. *М.*

какъ и былъ; тутъ у него не двинулись лѣта впередъ ни на волосокъ.»

«Особенно въ этой блестящей французской парѣ временъ Медоксовыхъ!» сказалъ улыбаясь нашъ трагикъ и началъ охарашиваться въ своемъ старомодномъ костюмѣ.

Пошли шуточки, наконецъ Шушеринъ самъ сознался, что онъ играя, *въ послѣдній разъ*, слѣпца *Эдипа* (1) чувствовалъ себя слабѣе и той слабости, которая прилична несчастному царю Эдипу! Дай Богъ здоровья Воробьевой, она меня мастерски поддерживала и публика намъ плескала до тѣхъ поръ, пока я изъ благодарности и къ публикѣ и къ Воробьевой (2) не заплакалъ, не позабылъ все и самаго себя.

За обѣдомъ пошла рѣчь о старинѣ глубокой. Шушеринъ разсказывалъ намъ, что директоръ Московскаго театра И. С. *Титовъ*, или, кто-то другой, никакъ не предугадывалъ въ немъ (въ Шушеринѣ) и малѣйшаго драматическаго таланта и потому-то сначала выпускалъ его въ *Мельниковомъ* Филимонѣ, въ роляхъ всякихъ подьячихъ и въ прочемъ тому подобнымъ «и я дурачился лихо и даже пѣлъ, дралъ мое горло, какъ безумецъ!» дополнилъ Яковъ Емельновичъ; но въ тоже время, въ антрактахъ, предъ *Залышкинымъ*, *Ожогинымъ* и предъ другими моими комическими товарищами—шутами я смѣло *форсировалъ* всѣ стихи изъ трагедій *Сумарокова*. Яковъ Борисовичъ *Княжнинъ* и Михаилъ Васильевичъ *Поповъ*, гости въ Москву заѣзжіе, первые меня разгадали не *Филимономъ* и я, первый понравился Княжнину въ начаткахъ его *Рослава*, еще неполнаго, не конченнаго, ходившаго по рукамъ, какъ литературная рѣдкость! Поповъ, не довольный мною въ своей *Анютѣ* (3), весьма серьезно однажды сказалъ мнѣ: «нѣтъ Шушеринъ ты *не мой Викторъ* (1); играй лучше, *душа-голубчикъ*, трагедіи.» Да именно *я имъ для* оперъ, подумалъ я самъ въ себѣ, и съ той поры я пустился въ трагическое и, вотъ слава Богу, жилъ и отжилъ хорошохонько! Предчувствуется однакожъ, что *волыность* Яковлева, впрочемъ достойнаго актера, какого у насъ не было, скоро побьетъ на поваль всѣхъ нашихъ заслуженныхъ трагиковъ! Моя современница трагедія жива, но жива жизнью, полъ искусною кистью на полотнѣ; тутъ она не натура, а только картина и, какъ говорятъ знатоки, картина славная, по расположенію тѣней въ краскахъ, но не сбыточная на дѣлѣ жизни, въ чемъ и я согласенъ. Нынѣче же *безъ натуры* все на пансіонъ, какъ и насъ грѣшныхъ!»

Я полюбопытствовалъ знать о родинѣ Шушерина.—«Москва» отвѣчалъ онъ, или почти Москва моя отчизна; она меня вскормила и докармливаетъ! Бѣдность и *маленькой толкъ въ нотъ*, выпудили меня искать хлѣба на театральной сценѣ, и вотъ, хвала Богу, я нашелъ его и даже съ излишкомъ; самъ ѣмъ, да и другихъ прокармливаю. Иванъ Аѳонасьевичъ *Дмитревскій* много помогалъ въ моихъ затѣяхъ; но виноватъ, милостивые государи! я не вовсемъ слушался Ивана Аѳонасьевича; у него бездна пружинъ и пружинъ премудреныхъ для декламатора-человѣка; мнѣ все хотѣлось самому собою перещеголять его; а притомъ, по сплетнямъ нашихъ актеровъ, онъ меня дразнилъ *Калиграфшею*! Признаюсь, господа! я любилъ и очень много люблю эту женщину!..»

Тутъ мы всѣ залпомъ выпили за здравіе влюбленныхъ, и потомъ пошла похвальная рѣчь *Ксури* (въ Понуграѣ), *Лиру* (въ тогдашнемъ прозаическомъ Лирѣ, или *Леарѣ*), и проч. проч. «Но Леаръ вредитъ мнѣ», замѣтилъ намъ Шушеринъ —онъ меня удаляетъ отъ моего роднаго, привычнаго; а вѣдь это не шутка? Не могу сварить и *драму* и *трагедію въ одну кучку*, я привыкъ къ полному

(1) Трагедія *В. А. Озерова*. Извѣстіе о послѣдней игрѣ *Шушерина* смотр. въ *Московскомъ драматическомъ журналѣ* и въ *Вѣстникѣ Европы* 1811 года. *М.*

(2) Матрена Семеновна *Воробьева* была первою и превосходною изъ драматическихъ актрисъ Русскихъ театровъ; но ее же заставляли работать и въ пѣлахъ *классики*! *М.*

(3) Опера *Анюта*, комедія *Отгадай нескажу* и многія другія, сочинены *М. В. Поповымъ*. *М.*

(1) Дѣйствующее лице (помѣщика) изъ оперы *Анюты*. *М.*

разгулу рюмъ; конечно я вѣчно старался не рубить ихъ дровами; но послѣ Расина Шекспиръ *трудъ*, а послѣ Шекспира Расинъ *непонятенъ*; о *Сумароковѣ же* и даже о нашемъ миломъ Владиславѣ Александровичѣ *Озеровѣ* почти и говорить нечего! Послѣ стиховъ, на языкѣ актера, *не компануется* проза, а свыкшись съ прозою, не скоро *скомпануешь* что нибудь стихотворное. При словѣ трагедія я все ищу стиховъ, мѣры, риемы и потому-то я, *Лиръ*, — часто пахну моей любезной, моей родной *Коцебятиной!*»

Всѣ засмѣялись.

Въ самомъ дѣлѣ Шушеринъ былъ вѣрнѣе всѣхъ другихъ актеровъ современной ему и опредѣлительно-мѣрной *классикѣ*: ему даже завидовали оба его славные товарища *Плавильщиковъ* и *Померанцевъ*.—Одна только Марія Степановна *Синявская* (1), иногда била меня наповалъ, говаривалъ Яковъ Емельяновичъ: «за то ужъ и ловко было играть съ нею! Въ Петербургѣ не было Синявской! *Семенова* молода, прелестна; но, право, она романъ, а не трагедія!»

—

Послѣ обѣда пріѣхалъ Василій Львовичъ *Пушкинъ* (2) и заговорилъ объ учености *Дмитревскаго* и *Плавильщикова*. Тутъ же одинъ изъ князей *Ш...м...выхъ*, спросилъ Шушерина: «а вы, Яковъ Емельяновичъ, гдѣ начально себя образовали?» *Иже вездѣ-сы*, отвѣчалъ нашъ актеръ.—Отецъ мой, по недостаткамъ, едва кое какъ научилъ меня букварю, приходской дьячокъ, показалъ мнѣ письмо не правильное, крючкотворное; но моему отцу этотъ почеркъ нравился: онъ самъ занимался приказнымъ порядкомъ, и не слушая выхолокъ покойнаго Александра Петровича Сумарокова противъ *подьячихъ*, (котораго онъ читывалъ однакожъ!) съ радостію бы отдалъ меня въ любую воеводскую канцелярію! И, какъ же онъ, бѣдняжечка, ошибся; не имѣя *прописей*, онъ заставлялъ меня копировать драматическіе опыты св. *Димитрія Ростовскаго;* не знаю гдѣ-то онъ пріобрѣлъ ихъ въ рукописи правильной, не крючкодѣйной, и вотъ эти-то святыя рукописи дали мнѣ первое понятіе о театрѣ: и я не подьячій, я не конторщикъ, не слуга боярской, куда меня также прочили, съ видами на прикащика: я актеръ! не дивитесь этому. И чудесный нашъ Василій Петровичъ *Померанцевъ*, не зная никакой систематической школы, учился грамотѣ на колокольнѣ и образовалъ свое чтеніе подъ колоколами. Онъ, тутъ, перезванивая во всѣ колокола, ораторствовалъ точно также, какъ Димосѳенъ при шумѣ морскихъ волнъ и согласитесь, что ученикъ колокольной, въ своемъ родѣ, по крайней мѣрѣ, на нашей московской сценѣ, былъ тотъ же Димосѳенъ?»

Такъ прошелъ одинъ изъ счастливыхъ дней моихъ. Я промокъ въ этотъ день; но какъ за то хорошо потомъ высушился отъ Шушерина и отъ всей пріятной нашей бесѣды; съ такою сушкою, *внутри души, сухимъ не будешь!*

—

Въ *Пантеонѣ Русскаго* и *всѣхъ Европейскихъ театровъ* (1) сказано уже было, что онъ въ трагедіяхъ всегда былъ на ходуляхъ и проч. За тѣмъ дополнено тѣмъ же Пантеономъ что: «Шушеринъ былъ *великій* артистъ!» Эти двѣ противуположности не всякимъ членомъ нашего новаго поколѣнія могутъ быть постигнуты; а вѣдь все это точно такъ и было, здѣсь ясность ни мало не потеряна. Шушерину *нужны были ходули только въ классѣ*—въ трагедіи; за то ужъ въ драмѣ и въ комедіи онъ былъ человѣкъ, самобытный человѣкъ—природа не подражаемая!

Весьма также справедливо и то (какъ напечатано въ сказанномъ нумерѣ *Пантеона*) что *любовь Шушерина и Калиграфовой была любовь—Абельярда и Элоизы*: ихъ вся жизнь сливалась въ одну жизнь. 1813 года въ мартѣ Яковъ Емельяновичъ, ослабленный и лѣтами и

(1) Послѣ *Сахарова*. *М.*

(2) Поэтъ замѣчательный, родной дядя славному А. С. *Пушкину*. Одно изъ не напечатанныхъ стихотвореній Василья Львовича *Опасный сосѣдъ*—довольно извѣстно многимъ! *М.*

(1) *№* 2-й, 1840 года. *М.*

разстроенный невозвратными потерями, не перенесъ ихъ и скончался; *Каллиграфова* взглянула на него, вскричала: «*его уже нѣтъ*!» и тутъ же умерла. Ихъ хоронили вмѣстѣ.

Кстати, или не кстати, но я поставлю здѣсь же одинъ изъ анекдотовъ любви Шушерина къ Каллиграфовой и наоборотъ: страсти Каллиграфовой къ Шушерину. На Петровскомъ театрѣ была нѣкогда хорошенькая и молоденькая актриса Елена Александровна *Носова*. Послѣ Сандуновой она была тутъ первою оперною актрисою и притомъ во всѣхъ драмахъ и комедіяхъ непремѣнно занимала всѣ роли jeune premiere, а потому-то и Шушеринъ игрывалъ съ нею частехонько, любовался ею, какъ понятымъ ребенкомъ, а наковецъ, отдавая ей должную справедливость во многихъ роляхъ, особенно хвалилъ се въ ролѣ *Амаліи* изъ «*Сына Любви*». Эту роль, говорилъ онъ, кромѣ *Леночки* Носовой никто неразыграетъ; она ее сотворила для себя; а Коцебу, какъ бы нарочно зналъ, что есть на свѣтѣ *Леночка*, для которой нужна *Амалія*! Сандуновъ изъ шутки перетолковалъ эту похвалу Каллиграфовой по своему, и совѣтовалъ ей построже наблюдать за *Францемъ-Бетхеромъ*—Шушеринымъ и за барышнею *Амаліею фонъ Нейгофъ*—Носовою. Каллиграфова, игравъ роль *Вильгельмины*, матери *Фрицъ-Бетхера*, однажды, предалась ревнивымъ наблюденіямъ; она страдала и за то играла, въ этихъ ревнивыхъ страданьяхъ была игрою чрезвычайною, неожиданно превосходною! Шушеринъ самъ удивлялся ей; но по-окончаніи пьесы, Каллиграфова не вынесла сильной борьбы въ своемъ сердцѣ и упала безъ чувствъ! *Фрицъ* и баронеса *Амалія*, какъ родные, бросились помогать ей, скоро привели ее въ чувство; но эти чувства, для больной ревностію, не были уже радостью новой жизни; Каллиграфова не могла произнести ни слова и только что благословляла Носову и Шушерина знаками. Догадался артистъ нашъ о взведенный на него сплетнѣ и съ большимъ трудомъ разувѣрилъ въ ней свою неизмѣнную любимицу; а потомъ уже когда только хотѣлъ, чтобъ Каллиграфова играла хорошо (и этого онъ всегда хотѣлъ), то весьма серьезно говаривалъ ей: «*ну, мой дружокъ! смотри же нынче не пожалѣй себя, и хорошенько поревнуй меня къ Леночкѣ Носовой.*»

Репертуаръ Шушерина, принадлежалъ къ числу самыхъ огромныхъ репертуаровъ. Въ *Беверлѣ* (на петербургской сценѣ) онъ игралъ *Беверлея*, въ Москвѣ въ той же трагедіи друга семейства *Беверлеева* и любовника сестры его *Генріетты*. Въ *Донскомъ* и *Пожарскомъ*, трагедіяхъ *Озерова* и *Крюковскаго*, онъ занималъ, съ отличнымъ успѣхомъ, роли *Димитрія* и *Пожарскаго*. Въ *Безбожномъ*, въ лицѣ благороднаго *Гранвиля*, онъ отличался въ сценахъ съ Плавильщиковымъ. То же можно сказать объ игрѣ его въ Озерова *Эдипѣ* и особенно въ Княжнина *Росславѣ*; кто не видалъ въ этихъ трагедіяхъ Шушерина, тому никакъ не растолкуешь, что такое значила наша Русская *классическая* трагедія.

Перейдемъ теперь къ драмѣ и скажемъ нѣсколько словъ о *чисто* драматической игрѣ Шушерина. Его торжествомъ были: *Бѣдность и благородство души* (роль *Цедерштрема*), *Эйлалія-Мейнау*, *Евгенія*, *Эмиліи Галлоти* (по переводу *Н. М. Карамзина*); *Клейнсбергъ*, *Лаперузъ*, *Душою правъ, а надѣлъ виноватъ*, *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, *Честный преступникъ*, *Велизарій*, *Генералъ Шлейнгеймъ*, *Отецъ семейства*, *и проч.* Во всѣхъ драмахъ, гдѣ только игралъ Шушеринъ (на московскомъ театрѣ) съ Плавильщиковымъ, съ Померанцевымъ и съ Сахоровымъ—наша драма русская шла неподражаемо. Въ *Попугаѣ*, занимая роль Негра *Ксури*, актеръ нашъ единодушно названъ былъ удивительнымъ!

Старинный репертуаръ, составленный изъ всѣхъ трагедій *Сумарокова*, но всѣхъ его главныхъ роляхъ, принадлежалъ собственно Шушерину и Плавильщикову; ими только онѣ держались слишкомъ долго на сценахъ нашихъ театровъ. Съ другими актерами давно бы этотъ сумароковскій репертуаръ опустили въ лету.

Отъ трагическаго и драматическаго репертуара Шушерина, обращаюсь къ безчисленному множеству игранныхъ имъ

комедій, вотъ имена ихъ: *Неслыханное диво, или честный секретарь* (Судовщикова). Тутъ секретарь бывалъ въ лицѣ Шушерина именно *неслыханнымъ* дивомъ. *Лебьдянская ярмарка* (Копьева); *Ошибки* (Муравьева); *Походъ подъ Шведа*. Чуленъ въ этой пьесѣ бывалъ Шушеринъ Екатерининскимъ гвардейцемъ-аристократомъ! Каждый разъ въ немъ угадавали *то того*, *то другаго* воина. Игрокъ въ піесѣ: *Братомъ проданная сестра* (Еонмьева), также представлялъ лице, составленное великимъ артистомъ именно по мѣркѣ своего вѣка; франтъ-негодяй тѣхъ дней, живопись необыкновенная, и особенно при добрыхъ достоинствахъ сердца этого франта-негодяя, при его *своемъ* аристократизмѣ, нынче, для насъ, почти нѣчто неуловимое; а безъ примѣровъ даже непонятное! За симъ слѣдуютъ по репертуару Шушерина: *Что наше, того намъ и непадо* (Копьева); какъ тутъ безподобенъ Шушеринъ-*Причудинъ*! Далѣе: *Сибирякъ*(Плавильщикова); *Только шесть блюдъ*, *Чудаки и хвастунъ* (Княжнина); но перескажешь ли все о достоинствахъ Шушерина?

Коцебу, весь безъ изъятія, былъ у насъ только въ двухъ рукахъ: у Померанцева и у Шушерина, они были причиною необыкновеннаго его успѣха и — Коцебу, довольный Шушеринымъ писалъ ему два или три раза благодарность. Померанцева же, хотѣлъ благодарить лично и— неимѣлъ къ свиданію случая. — Проѣзжая чрезъ Москву въ Сибирь, онъ вспоминалъ о Померанцевѣ; но тутъ уже *онъ былъ для него* совершенно невозможнымъ!

Кончаю мои воспоминанія о незабвенномъ моемъ знакомцѣ-артистѣ и сознаю ихъ все еще далеко неполными.

—

ЭОЛОВА АРФА.

большой пантомимный балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. графа Ѳ. П. Толстаго.

Мы видѣли этотъ балетъ еще въ программѣ, видѣли сотни группъ совершенно новыхъ, болѣе чѣмъ граціозныхъ и до безконечности разнообразныхъ, набросанныхъ мастерскимъ перомъ художника, которыя войдутъ въ составъ балета; видѣли также и костюмы составленные и расцвѣченные имъ самимъ, читали программу и надѣемся доставить удольствіе нашимъ читателямъ, познакомивъ ихъ съ содержаніемъ этаго новаго произведенія неистощимаго иллюстратора «Душеньки», произведенія въ своемъ родѣ превосходнѣйшаго, какого со временъ Дидло не бывало на нашей сценѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ древней Каледоніи, въ поэтической странѣ Оссіана. Барды, боги скандинавскаго міра, герои и военачальники клановъ, каледонскія игрища, освященные дубы, самый Валгала — все въ ходу, все на сценѣ. Главныя дѣйствующія лица: Орданъ— владѣтель Морвены, Мальвина дочь его, Арминій, бардъ, и другіе претенденты руки Мальвины. Но не смотря на противорѣчіе воли отца, не смотря на преслѣдованія другихъ искателей, не смотря на свое высокое происхожденіе, она любитъ, она предалась душею простому барду Арминію. Четыре дѣйствія проходятъ въ этой борьбѣ чувствъ бѣдной дѣвы Морвены и тяжкимъ опредѣленіемъ судьбы, проявляющейся въ неумолимомъ ея отцѣ и раздраженномъ преслѣдователѣ Гидалѣ, военачальникѣ другаго клана. Доля Арминія не лучше. Онъ также страдаетъ душею, также томится страстію, также преслѣдуется и отцемъ своей возлюбленной Орданомъ, и женихомъ Гиданомъ. Преслѣдованья эти оканчиваются тѣмъ, что несчастный бардъ обреченъ смерти. Арминій знаетъ объ этомъ, избѣгаетъ враговъ, или встрѣчаясь съ ними мужественно защищается, но все это невѣрно, не надолго; смерть нависла надъ нимъ; она преслѣдуетъ его и въ видимыхъ опасностяхъ и въ тайныхъ предчувствіяхъ сердца. Предчувствія эти не одинокіе: Мальвина раздѣляетъ ихъ. Разъ какъ-то они сходятся въ тѣни уединенной рощи, подъ священнымъ дубомъ и горюя о своей тяжкой долѣ, волнуясь тоскою и грустію, они даютъ слово не пережить одинъ другаго, гдѣ бы смерть не застиг-

ла ихъ, врозь, или вмѣстѣ, и вѣстникомъ ея назначена арфа, которою такъ часто Арминій услаждалъ слухъ Мальвины. Арфа виситъ на вѣтвяхъ священнаго дуба и ждетъ минуты своего предназначенія, но минута эта записана въ книгѣ судебъ, боговъ скандинавскаго міра. Жребій брошенъ, Арминій встрѣчается съ Гиданомъ и послѣ страшнаго боя падаетъ мертвымъ. Декорація мѣняется. Мальвина сидитъ подъ дубомъ, вдругъ прилетаетъ тѣнь Арминія, касается струнъ; слышны звуки, Мальвина умираетъ. Вбѣгаетъ Орданъ со всѣмъ своимъ кланомъ, видитъ трупъ дочери, тщетно призываетъ ее; она бездвижна. Въ порывѣ горести своей Орданъ обращаетъ къ тѣнямъ своихъ предковъ; задняя картина открывается и скандинавскій рай со всей своей величественной обстановкой, сходитъ, или вѣрнѣе, соединяется съ землею. Мальвина преобразуется тоже въ тѣнь, и рука съ рукой съ тѣнью Арминія отлѣтаетъ въ жилище боговъ и знаменитыхъ предковъ.

Балетъ составленъ классически, не смотря на романтическій въ полномъ смыслѣ сюжетъ. Это драма съ движеніемъ, съ интересомъ, который поддерживается собственнымъ ходомъ, а не вспомогательными френетическими танцами, какъ на примѣръ въ послѣднемъ знаменитомъ балетѣ французскомъ «*Вилли*», или однѣми только плясками, позами и группами, большею частію не относящимися къ дѣйствію.

Остается одно—поскорѣе увидѣть его на сценѣ.

—

ОТКУДА ШЕКСПИРЪ БРАЛЪ СЮЖЕТЫ ДЛЯ СВОИХЪ ДРАМЪ?

БУРЯ.

Есть много различныхъ предположеній на счетъ того, откуда Шекспиръ заимствовалъ сказку для этой драмы. Но безъ всякаго сомнѣнія онъ пользовался подробнымъ описаніемъ кораблекрушенія сэра *Георга Сомерса* въ 1609 году у Бермудскихъ острововъ. До этого времени всѣ полагали, что эти острова, заколдованныя скалы, на которыхъ живутъ духи и колдуньи; такъ что зрители шекспировыхъ драмъ, еще до появленія *Бури*, вполнѣ были убѣждены, что есть существа подобныя Калибану.

Много изъ современныхъ разказовъ о кораблекрушеніи Сомерса было напечатано, и можно было много почерпнуть о томъ происшествіи изъ устныхъ преданій. Въ 1610 году *Сильвестръ Журданъ*, очевидецъ, издалъ книгу подъ заглавіемъ: *Открытіе Бермудскихъ острововъ, или иначе называемыхъ островами духовъ, Сэръ Томасомъ Гейтомъ, Сэръ Георгіомъ Сомерсомъ, Капитаномъ Ньюпортомъ, со многими другими*; изъ которой мы узнаемъ, что эти острова никогда не были обитаемы, потому что были заколдованы. Но въ прибавленіи къ книгѣ Журдана сказано, что Бермуды не очарованы, и что корабль Сомерса былъ разбитъ между двумя скалами, самъ же онъ благополучно достигъ этихъ острововъ, гдѣ ему удалось вилѣть *морское чудовище похожее на человѣка*, названнаго такъ по ужаснымъ бурямъ, безпрестанно тамъ случающимся. *Стоу* въ своихъ запискахъ, упоминая объ этомъ кораблекрушеніи, говоритъ: «сэръ Георгъ Сомерсъ сидѣлъ на кормѣ, и въ то время, какъ неминуемая опасность угрожала кораблю, онъ увидѣлъ землю, которая, по догадкамъ его и капитана Ньюпорта, была берегъ страшныхъ Бермудъ. Эти острова, по мнѣнію всѣхъ народовъ, очарованы и обитаемы только духами и колдунами. Около ихъ береговъ находится столько скалъ, что корабль, плывя близь нихъ, никакъ не можетъ избѣгнуть кораблекрушенія». Все это можетъ быть подало мысль плодовитому воображенію Шекспира объ этой удивительной драмѣ; но эти матеріялы такъ незначительны, что ни въ какомъ случаѣ нельзя не признать «Бурю» оригинальною піесою.

ВЕНЕЦІЯНСКІЙ КУПЕЦЪ.

Сказка о странномъ обязательствѣ, заимствованная изъ восточныхъ преданій, появилась сперва въ Европѣ, въ одномъ изъ сочиненій *Джіовани*, Фло-

рентинскаго романиста, откуда можетъ быть и Шекспиръ заимствовалъ матеріялы для своего венеціянскаго купца.

«*Джіалетто* получаетъ позволеніе отъ своего крестнаго отца *Анзалдо*, отправиться въ Александрію, но перемѣняетъ свое намѣреніе, въ надеждѣ получить руку одной богатой и прекрасной дѣвицы въ Белмонтѣ, обѣщанной тому, кто прежде брака насладится правами супруга. Побѣжденный сномъ, отъ усыпительнаго порошка, даннаго ему въ винѣ, Джіалетто не устаетъ въ своемъ предпріятіи, и жертвуетъ кораблемъ и всѣмъ грузомъ. Онъ снаряжаетъ другой корабль и также теряетъ его при второй попыткѣ. Наконецъ строятъ третій корабль на счетъ Анзалдо, который занимаетъ десять тысячъ дукатовъ у одного еврея, съ условіемъ, если онъ не заплатитъ ихъ къ извѣстному сроку, то заимодавецъ имѣетъ право вырѣзать у должника одинъ фунтъ мяса изъ какой ему угодно части тѣла.

Джіанетто получаетъ руку Белмонтской красавицы, но въ своемъ восторгѣ забываетъ объ обязательствѣ своего крестнаго отца, до послѣдняго дня назначеннаго срока. Онъ спѣшитъ въ Венецію, но уже поздно, ростовщикъ не принимаетъ свой долгъ; Джіанетто дастъ ему въ десять разъ болѣе—еврей остается непреклоннымъ. Въ эту критическую минуту приходитъ переодѣтая жена Джіанетто, и требуетъ возвѣстить о себѣ, что она умѣетъ рѣшать запутанныя пункты въ судопроизводствахъ. Ее допускаютъ. Рѣшеніе ея: еврей долженъ получить фунтъ желаемаго мяса, но если онъ срѣжетъ болѣе или менѣе фунта, или прольетъ хоть одну каплю крови, то самъ лишается головы. Еврей отказывается отъ своего требованія и Анзалдо освобождается. Наряженный адвокатъ, давшій такой оборотъ дѣлу, не беретъ денегъ въ награжденіе, но проситъ у Джіанетто его обручальнаго кольца,—и получаетъ его. Джіанетто приходитъ домой, жена, опередившая его, тотчасъ требуетъ отданнаго имъ кольца. Джіанетто разсказываетъ ей о случившемся; она не вѣритъ ему, и укоряетъ въ измѣнѣ. Наконецъ, тронутая его печалью, объявляетъ ему о своемъ путешествіи и о томъ, какъ ей удалось спасти Анзалдо».

Шекспиръ близко придерживался этаго разсказа; но невѣроятность, чтобъ женщина могла обладать такимъ тонкимъ знаніемъ законовъ, онъ уничтожаетъ тѣмъ, что заставляетъ ее совѣтоваться съ знаменитымъ адвокатомъ и поступать по его совѣту; и наконецъ *Порція* представлена непричастною тѣмъ порокамъ, которыя приписываются ей въ романѣ.

Выборъ ящиковъ, заимствовать изъ *Gesta Romanorum* — собранія сказокъ, бывшихъ въ большой чести въ древнія времена у англичанъ.

«Три сосуда были поставлены на выборъ предъ дочерью короля Анумія. Первой былъ изъ чистаго золота, наполненный человѣческими костями, на немъ была надпись: *Кто выберетъ меня, найдетъ чего достоинъ.* Второй сосудъ былъ изъ серебра съ надписью: *Кто выберетъ меня, узнаетъ желаніе природы.* Онъ былъ наполненъ землею. Третій сосудъ былъ свинцовый, но съ драгоцѣнными камнями, на немъ была надпись: *Кто выберетъ меня, узнаетъ, что Богъ назначилъ.* Принцесса, призвавъ на помощь Бога, выбираетъ свинцовый сосудъ; императоръ хвалитъ выборъ и провозглашаетъ ее супругой своего сына».

Въ самой драмѣ надписи перемѣнены, но та же аналогія очевидна. Любовь *Джессики* и *Лорензо* имѣетъ большое сходство съ одною повѣстью *Массарія-ди-Салерно*, жившаго въ 1470 году; но это второстепенное обстоятельство, не такъ важно, чтобы требовало особеннаго изслѣдованія.

Въ *Ораторѣ*, сочиненіи напечатанномъ въ 1599 году, упоминается объ одномъ евреѣ, который требуетъ за незаплаченный ему долгъ, фунтъ человѣческаго мяса. Это происшествіе, кажется, подало Шекспиру мысль представить таковымъ повеленіе Шейлока предъ судилищемъ. «Невозможно, говоритъ еврей:—нарушить кредитъ торговыхъ людей, не нанеся вреда республикѣ. За

долгъ мы подвергаемъ свое тѣло ужасной темницѣ или рабству. Можетъ быть, спросятъ меня, отчего я лучше соглашусь взять отъ этаго человѣка мясо, нежели серебро? Я отвѣчу только, что онъ мнѣ долженъ отдать это, по обязательству».

Есть еще старинная баллада, которою пользовался можетъ быть Шекспиръ, если она только попадалась ему въ руки; достовѣрно извѣстно, что она написана была до его времени. Слѣдующее мѣсто въ балладѣ довольно замѣчательно.

«Кровожадный еврей, имѣя въ рукѣ острый ножъ, готовъ пролить невинную кровь, въ слѣдствіе даннаго ему обязательства».

Граціано и *Лонселотъ*, по видимому, не заимствованы изъ этихъ источниковъ; но піеса, основанная на этомъ же сюжетѣ, существовала еще прежде; и очевь можетъ быть, что эти характеры взяты оттуда. Весьма жалко, что эта піеса пропала, потому что въ ней заключались всѣ подробности объ обязательствѣ и объ ящикахъ. Имѣя теперь эту піесу, мы могли бы судить о томъ, какъ Шекспиръ сочинялъ.

Если бы не встрѣчалось многихъ разказовъ о вырѣзываніи мяса, то можно было бы подумать, что эта мысль была внушена однимъ изъ законовъ децемвировъ, по которому заимодавецъ имѣлъ право уроловать тѣло должника, не боясь наказанія, за то что онъ вырѣзалъ болѣе или менѣе позволеннаго ему судьею. Къ чести римскаго закона, нигдѣ не упоминается, что этотъ законъ приведенъ былъ когда либо въ исполненіе.

ЦИМБЕЛИНЪ.

Шекспиръ пользовался для этой драмы тремя источниками; во первыхъ: сухимъ повѣствованіемъ *Голиншеда*, объ какомъ то Кибелинѣ, жившемъ при Августѣ; во вторыхъ, книгою напечатанною въ 1603 году, подъ заглавіемъ *Westward for Smelts*, и въ третьихъ: невѣрнымъ переводомъ одной изъ повѣстей Декамерона. Мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ разсказа Боккачіо.

«При случайной встрѣчѣ нѣсколькихъ итальянскихъ купцовъ, рѣчь зашла объ ихъ женахъ.

Всѣ они, кромѣ одного, согласились въ томъ, что вѣроятно жены ихъ, во время ихъ отсутствія, подобно имъ самимъ, заводили различныя любовныя интриги. Женевецъ *Бернабо Ломеллинъ*, объявляетъ, что жена его такъ непорочна, что онъ готовъ положиться на ея вѣрность, хоть на десять лѣтъ. *Амброджіуло* изъ Піаченцы, начинаетъ смѣяться надъ этимъ, и утверждаетъ, что онъ соблазнитъ эту новую Лукрецію, если ему будетъ дано на это время. Бернабо бьется съ нимъ объ закладъ и соглашается даже оставаться въ Парижѣ, въ то время, какъ Амброджіуло будетъ въ Женевѣ. Амброджіуло отправляется и прибывъ въ Женеву, напрасно старается поколебать добродѣтельную *Джиневру*. Рѣшившись однако, во чтобы ни стало, выиграть закладъ, онъ подкупаетъ повѣренную Джиневры, чтобы она уговорила свою госпожу, взять себѣ сундукъ на сохраненіе. Въ этомъ сундукѣ прячется Амброджіуло; и его относятъ въ спальню Джиневры. — Когда она легла спать, злодѣй выходитъ изъ своего убѣжища, и съ большимъ вниманіемъ разсматриваетъ картины и мебель въ комнатѣ; приблизившись къ постелѣ онъ старается замѣтить что нибуть особенное въ самой Джиневрѣ, и вдругъ видитъ на лѣвой груди ея родимое пятно. Послѣ этого онъ береть кольцо, кошелекъ, нѣкоторыя другія бездѣлки и тотчасъ прячется въ сундукъ, откуда его освобождаютъ не ранѣе, какъ на третій день.

Возвратившись въ Парижъ, Амброджіуло приглашаетъ всѣхъ присутствовавшихъ при закладѣ; и въ доказательство своего успѣха, подробно описываетъ комнату Джиневры и показываетъ вещи, взятыя имъ. Бернабо соглашается въ томъ, что вещи точно принадлежатъ его женѣ, и что комната описана имъ совершенно правильно, но, прибавляетъ онъ, Амброджіуло могъ получить вещи и узнать о подробностяхъ комнаты, отъ какого нибудь слуги. Тогда, говоритъ Амброджіуло, я разомъ заставлю васъ молчать: Джиневра имѣетъ родимое пят-

по на лѣвой груди. Бернабо какъ громомъ пораженный, отдаетъ проигранное золото, и тотчасъ возвращается въ Италію. Приближаясь уже къ своему дому, онъ отлаетъ приказаніе умертвить свою жену. Слуга, которому отдано было это приказаніе, спасаетъ Джиневру; возвращается потомъ къ Бернабо съ ея одеждою, и утверждаетъ, что убилъ свою госпожу и бросилъ ея тѣло дикимъ звѣрямъ. Между тѣмъ Джиневра, переодѣвшись мужчиною, опредѣлилась въ службу къ одному Каталонцу, который увезъ ее въ Александрію. Здѣсь она обратила на себя вниманіе Султана, и подъ именемъ *Сикурано*, сдѣлалась капитаномъ гвардіи.

Для безопасности иностранцевъ во время ярмарки въ Акрѣ, Султанъ ежегодно посылалъ туда по нѣскольку солдатъ. Случилось, что Сикурано также назначена была въ Акру, и проходя мимо лавки одного венеціянца, вдругъ узнаетъ свой собственный кошелекъ и поясъ. Она тотчасъ спрашиваетъ кому они принадлежатъ, пропаются ли они? Амброджіуло, прибывшій на эту ярмарку съ товарами, объявляетъ ей съ улыбкой, что они принадлежатъ ему. Сикурано хочетъ звать причину его смѣха, на это Амброджіуло говоритъ, что онъ получилъ этотъ поясъ и кошелекъ въ Женевѣ отъ одной замужней женщины, благосклонностью которой онъ пользовался; и что онъ смѣется надъ ея мужемъ, который прозакладовалъ огромную сумму денегъ, утверждая, что вѣрность его жены непоколебима. Теперь объяснилась и ревность, и мщеніе Бернабо: и злодѣй, погубившій Джиневру, стоитъ передъ ней самой. Она обнаруживаетъ притворную веселость, услышавъ этотъ разсказъ, и объявляетъ желаніе покороче познакомиться съ нимъ. Амброджіуло чрезвычайно радъ, и слѣдуетъ за ней въ Александрію. Между тѣмъ Джиневра приказываетъ привести въ этотъ же городъ Бернабо, находившагося тогда въ большой бѣдности. При первомъ удобномъ случаѣ, она упрашиваетъ султана заставить Амброджіуло торжественно признаться въ своемъ преступленіи. Бернабо сознается, что, подозрѣвая свою жену въ невѣрности, онъ велѣлъ умертвить ее. Вы видите, говоритъ Сикурано, что этой дамѣ нечего гордиться ни своимъ мужемъ, ни своимъ обожателемъ; но если вы накажете виновника и простите обвиняемаго, то она явится предъ вами. — Султанъ согласился; Сикурано бросается къ его ногамъ и объявляетъ, что она сама Джиневра. Чтобы болѣе подтвердить это, она показываетъ родимое пятно на лѣвой груди. Амброджіуло былъ казненъ, и все имѣніе его отдано Джиневрѣ. Бернабо прощенъ и счастливая чета, получивъ множество драгоцѣнныхъ каменьевъ и денегъ отъ султана, возвращается въ Женеву».

Шекспиръ чуднымъ образомъ воспользовался этимъ разсказомъ, характеръ его *Имогены* превосходно обдуманъ и вся слава обрисовки этаго лица вполнѣ принадлежитъ одному ему, потому что у самаго Боккачіо Джиневра представлена безъ всякихъ отличительныхъ достоинствъ. Можно то же сказать, что его *Постумъ*, есть почти идеалъ благороднаго человѣка. И наконецъ даже *Іахимо*, какъ не гнуснымъ кажется намъ его поведеніе, не какой нибудь обыкновенный злодѣй.

—

АНЕКДОТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ТАЛЬМЫ.

Много спорятъ о томъ, какъ должны играть актеры: одни говорятъ, что актеръ долженъ непремѣнно сохранить хладнокровіе, чтобъ выразить вѣрно страсть; но большая часть напротивъ утверждаетъ, что онъ долженъ увлечься ролей, позабыть все окружающее, и тогда только можетъ произвесть сильное впечатлѣніе на зрителей.

Вотъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ жизни Тальмы, которыя говорятъ рѣшительно въ пользу перваго мнѣнія.

Тальма жилъ всегда на дачѣ въ Брюма и обыкновенно ѣздилъ самъ въ городъ каждую субботу справляться о репертуарѣ слѣдующей недѣли.

— Когда вамъ будетъ угодно играть? спрашивалъ его режиссеръ.

— Я буду играть въ понедѣльникъ.

середу и пятницу, отвѣчалъ онъ и тотчасъ же уѣзжалъ опять къ себѣ на дачу, не зная даже изъ какихъ пьесъ будетъ состоять его репетуаръ. Въ понедѣльникъ въ половинѣ пятаго онъ являлся въ театрѣ; спрашивалъ у режисера въ какой пьесѣ назначено ему играть, и отправлялся къ себѣ въ уборную, одѣвался тамъ и выходилъ на сцену безъ всякихъ приготовленій.

Другой фактъ еще болѣе утверждаетъ наше мнѣніе: Тальма очень любилъ цвѣты. Однажды онъ игралъ *Гамлета*, и въ ожиданіи своего выхода, разговаривалъ за кулисами о тюльпанахъ, которые выписалъ себѣ изъ Голландіи; со всѣмъ жаромъ тюльпаномана семнадцатаго столѣтія описывалъ онъ роскошныя колера sempergnqustus; въ эту самую минуту собесѣдникъ замѣчаетъ ему, что ужъ ему пора выходить и онъ, ни мало не сконфузясь, тутъ же выбѣгаетъ на сцену заклинаетъ призракъ и срываетъ самый неистовый аплодисментъ. Никогда еще онъ не былъ такъ ужасенъ въ этой сценѣ; а между тѣмъ за минуту онъ былъ самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ, не думалъ нисколько о своей роли, очень мирно разговаривалъ о тюльпанахъ. Тальма даже самъ утверждалъ, что онъ до того входилъ въ свою ролю, что позабывалъ себя и дѣлался Орестомъ. Монліемъ, Гамлетомъ. Однажды онъ защищалъ это мнѣніе въ обществѣ.

— И вы до того освоеваетесь, мой другъ, съ вашею ролью? спросилъ его одинъ знатный баронъ.

— Да, отвѣчалъ ему Тальма.

— Ну такъ позвольте вамъ сказать, что вы меня никогда въ этомъ не увѣрите, и я вамъ докажу всю справедливость моего мнѣнія.

Они разошлись. Въ этотъ вечеръ давали Андромаху; знатный баронъ отправился на сцену, здѣсь можно ему было подсмотрѣть движенія великаго трагика. Тальма игралъ Ореста, и въ этотъ день показалъ весь свой громадный талантъ. Пьеса уже приходила къ концу, ничто еще не обличало Тальму и противникъ его приходилъ въ отчаяніе, какъ вдругъ въ послѣдней сценѣ въ минуту самаго ужаснаго эфекта Орестъ-Тальма сказалъ въ пол-голоса своему вѣрному Пиладу:

— Подержи меня, я падаю.

— Закладъ выиграно, вскричалъ противникъ.

Занавѣсъ опустился, онъ побѣжалъ въ уборную Тальмы, гдѣ уже толпа адмираторовъ окружала великаго трагика.

— У васъ были нынче чудесные мѣста, сказалъ онъ ему.

— Да, отвѣчалъ актеръ, я вошелъ нынче въ ролѣ, неправда ли?

— О вы были настоящій Орестъ.

— Я усвоилъ и душу и всѣ страданія этаго греческаго принца вмѣстѣ съ его костюмомъ.

— Да вы позабыли, что вы на сценѣ, вамъ представлялась Грецiя, Эпиръ!... Бѣдный Орестъ, прибавилъ онъ ему на ухо, позабылъ все, только зачѣмъ въ минуту безумія, гонимый фуріями, онъ просилъ Дюмилатра поддержать его. Тальма видѣлъ, что его поймали, но онъ зналъ, что ему не измѣнятъ и уѣзжая, протянулъ руку такому вѣрному поборнику искусства и сказалъ:

— Вы большой хитрецъ, я этаго не ожидалъ отъ васъ.

—

ДРАМАТИЧЕСКІЕ СИЛУЭТЫ.

ЛАБЛАШЪ.

Лаблашъ родился въ 1794 г. въ Неаполѣ отъ француза и ирландки, которые жили сначала въ Марсели, но бѣжали въ Неаполь отъ ужасовъ революціи. Новая революція застала отца Лаблаша въ его новомъ отечествѣ и привела его ко гробу: онъ умеръ съ горя. Іосифъ Наполеонъ взялъ несчастное семейство подъ свою защиту и помѣстилъ молодаго Луи въ Консерваторіумъ *della pieto dè turchini*, нынѣ *San Sebastiano*.

Луи Лаблашъ учился вмѣстѣ инструментальной и вокальной музыкѣ и еслибъ не имѣлъ драгоцѣннаго дара богатаго голоса, все же занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ между виртуозами нынѣшняго вѣка. Въ ранней молодости былъ уже онъ отличнымъ віолончелистомъ, но чувство-

валъ непреодолимое влеченіе къ театру. Пять разъ убѣгалъ онъ изъ консерваторіи, чтобъ вступить на сценическую арену. Въ Салерно нанялся онъ за 15 червонцевъ въ мѣсяцъ, получилъ впередъ мѣсячное жалованье, пробылъ два дня въ Неаполѣ и истратилъ всѣ деньги. Такъ какъ всѣ вещи его оставались въ консерваторіи, а между тѣмъ неловко было явиться въ Салерно вовсе безъ поклажи,—Лаблашъ купилъ на послѣднія деньги старый чемоданъ, который набилъ пескомъ. Два дня спустя, въ слѣдствіе поисковъ начальника консерваторіи, явились сбирры и схватили бѣглеца; а между тѣмъ директоръ Салернскаго театра поспѣшилъ завладѣть чемоданомъ, чтобы вознаградить себя за свои червонцы. Чемоданъ былъ вскрытъ при свидѣтеляхъ, но песокъ былъ единственнымъ вознагражденіемъ предусмотрительнаго директора. Теперь Лаблашъ первый пѣвецъ въ свѣтѣ. Голосъ его доходитъ отъ низкаго баса *d* до высокаго *e*. Этотъ объемъ очень обыкновенъ и заключаетъ въ себѣ только тринадцать тоновъ, но удивительна чистота, сила и звучность этихъ тоновъ. Надобно слышать его въ большихъ пьесахъ, когда вокругъ него всѣ голоса въ полномъ развитіи и оркестръ гремитъ во всей силѣ. Голосъ Лаблаша покрываетъ все: и голоса актеровъ и оркестръ. Дѣйствіе этого богатаго органа при вокальныхъ и инструментальныхъ массахъ, не выразимо: оно похоже на пушечный выстрѣлъ среди ружейнаго огня; на громъ среди бури. Но какъ умѣетъ онъ обуздывать этотъ богатый голосъ, какую нѣжность, пріятность, прелесть, даже кокетство сообщаетъ ему.—Знаменитая Малибранъ хотѣла разъ привести его въ замѣшательство и на пробѣ одной оперы въ дуэтѣ, прибавила отъ себя совсѣмъ особенныя, трудно-выполнимыя прикрасы, которыя Лаблашъ долженъ былъ повторять за нею; но эта раскинутая геркулесовскому голосу пѣвца сѣть выставила только въ большомъ свѣтѣ его гибкость и легкость; онъ вторилъ потой въ ноту, оттѣнкомъ въ оттѣнокъ. За кулисами, Малибранъ изъявила удивленіе легкости съ какою онъ преодолѣлъ въ дуэтѣ всѣ затрудненія, на что Лаблашъ, съ свойственнымъ ему прямодушіемъ, отвѣчалъ, что онъ и не замѣтилъ трудностей.

Отличными качествами пѣвца и актера одаренъ Лаблашъ такому глубокому изученію своего дѣла, какое рѣдко встрѣчается въ сценическихъ артистахъ; онъ такъ горячо любитъ свое искусство, что никогда не рѣшится явиться передъ публикою, не убѣдившись, что и костюмомъ и видомъ онъ вѣрный списокъ съ лица, которое долженъ осуществить на сценѣ. Въ Лондонѣ доселѣ не забыли его перваго появленія въ роли Генриха VIII въ *Anna Bollena*: сходство его съ историческимъ лицомъ, которое онъ представлялъ, было такъ поразительно, что зрители думали видѣть передъ собою самого Генриха.

—

ДЖУЛІЯ ГРИЗИ.

Джулія Гризи, родилась въ 1812 году, въ Миланѣ, отъ Гаетано Гризи, офицера корпуса топографовъ и сестры знаменитой Грассини. Съ 12-лѣтняго возраста отличалась она особенною чистотою голоса и счастливыми музыкальными способностями. Живая, острая, она съ удивительною легкостію представляла замѣченныя ею смѣшныя сцены. Впослѣдствіи она училась музыкѣ, живя у дяди, въ Болоньи. На шестнадцамъ году, Джулія дебютировала на *Teatro Communale* въ *Зельмирѣ*, Россини. Граціозность, вѣрность звуковъ, чувство и тактъ ознаменовали ея вступленіе на сцену. Знаменитый поэтъ написалъ забытую оперу, но она сдѣлала извѣстными блестящія способности Гризи. Въ 1828 она пріобрѣла большіе успѣхи во Флоренціи, на театрѣ и въ обществѣ: рѣдко видѣли тамъ такую привлекательную особу. — Городъ, наполненный богатыми иностранцами, дворъ, самые просвѣщенные и самые страстные любители музыки съ восторгомъ аплодировали милой пѣвицѣ.—Она была отлично принята въ Россиневой *Riccardo e Zoraide*, и столько же успѣла въ Пизѣ на праздникахъ въ честь святаго Раміери. — Манера ея особенно блеснула

въ роляхъ *Семирамиды* и *Дездемоны*. Она возвратилась во Флоренцію, гдѣ ея ангажировали въ третій разъ. Потомъ Гризи отправилась по зову въ Миланъ и возбудила тамъ весь энтузіазмъ, который можетъ пробудить въ толпѣ вѣжный, пріятный талантъ, въ соединеніи съ рѣдкою красотою. Послѣ блестящихъ успѣховъ, перемѣшанныхъ къ несчастію съ непріятностями отъ интригъ нѣсколькихъ устарѣлыхъ пѣвицъ, молодая Гризи оставила Италію и удалилась къ сестрѣ, жившей въ темномъ мѣстечкѣ Корсики. Тамъ слабое здоровье ея возставовилось, и она была найдена послѣднимъ директоромъ италіянской оперы въ Парижѣ. Не безъ живыхъ опасеній явилась Гризи предъ просвѣщенною, избранною публикою Фавара. Ея первое смущеніе было такъ велико, что актриса чуть не пала на пробахъ. Робкая при мысли о великихъ образцахъ, съ которыми необходимо она должна была выдержать сравненіе, она была въ расположеніи предвѣщавшемъ паленіе; во она дебютировала и успѣла. Никогда аплодисманы не были живѣе; никогда волшебство красоты не сливалось съ игрою болѣе нѣжною, съ органомъ болѣе музыкальнымъ, съ исполненіемъ болѣе отчетливымъ и легкимъ. Этотъ дебютъ былъ 13 октября, 1832 года.

Побѣды французовъ. Одинъ французъ, любитель отечественной славы, сосчиталъ на досугѣ что съ 1789 по 1811 годъ французы одержали неменѣе 614 побѣдъ; честь этихъ побѣдъ принадлежитъ 220 полководцамъ. Въ особенности отличились: *Журданъ* съ 27 побѣдами, *Дезе* съ 19; *Моро* съ 18; *Периньонъ* съ 13; *Дюмурье* съ 12; *Евгеній* то же; *Пишегрю* съ 10; *Брюнъ* съ 9; *Келлерманъ и Делатръ* каждый съ 8; *Сугамъ*, *Дюмербіонъ*, *Гошъ* и *Даву* каждый съ 7; *Ласалль*, *Лемарльеръ Клеберъ*, *Сюше*, *Мюратъ*, *Массена*, каждый съ 6, *Ней*, *Бессьеръ*, *Кюстинъ*, *Лабурдонне*, *Миранда*, *Делюажъ*, *Вестерманъ*, *Сагюго*, *Дюгомье*, *Шампіонне*, *Лефебьръ* и *Сультъ*, каждый съ 5. Слава Наполеона превосходитъ подвиги всѣхъ его генераловъ: *Бонапарте* одержалъ 27, а *Наполеонъ* 40 побѣдъ.

ТЕКУЩІЙ

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6. Іюнь. 1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРИ

ПАНТЕОНѢ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ, *статья* **Ѳ. А. КОНИ**, *которая содержитъ въ себѣ разборы слѣдующихъ піесъ:*

1. Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ и прозѣ. Соч. *П. В. Кукольника.*
2. Костромскіе лѣса, русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и *танцами*, соч. *П. А. Полеваго.*
3. Двѣ жизни или не все то золото, что блеститъ, комедія г-жи Ансело, переводъ съ французскаго *П. С. Ѳедорова.*
4. Шкуна Пюкарлеби, историческій анекдотъ временъ Петра Великаго, соч. *Ѳ. В. Булгарина.*
5. Князь Серебряный или отчизна и любовь. Оригинальная драма въ четырехъ отдѣленіяхъ, въ стихахъ. *П. Филимонова.*
6. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису! Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго *П. А. Перепельскаго.*
7. Комедія съ дядюшкой, или новые портреты съ натуры. Водевиль соч. ***. Первый дебютъ г-жи Самойловой 3-й.
8. Аскольдова могила, большая романическая опера, въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка сочиненія А. Н. *Верстовскаго.*
9. Тоска по родинѣ, *большая* (?!) опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ *хорами* (?) и танцами, соч. *А. Н. Верстовскаго.*

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, февраля 25 дня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

Примѣчаніе. Пантеонъ запоздалъ, самымъ непростительнымъ образомъ. Какъ, почемъ? Причины его неисправности, къ *счастію редакціи*, кажется хорошо извѣстны публикѣ. Не того ждала, не того надѣялась редакція «Пантеона» отъ этого изданія, не такъ думала она кончить свое предпріятіе, которое начала и продолжала, пока обстоятельства сколько нибудь позволяли, съ любовью, рвеніемъ и постояннымъ усердіемъ. Но что дѣлать! «*И книги имѣютъ свою участь!*» сказалъ какой-то латинскій писатель, и мы вполнѣ сознаемъ справедливость его мудраго аѳоризма. Очевидно, что поздно было бы уже догонять «Пантеону» всѣ многолетныя явленія театральнаго міра, съ которыми онъ бывало знакомилъ своихъ добрыхъ читателей... Не станемъ разбирать, разлагать, сортировать то безчисленное количество водевилей, драмъ и комедій, которыя по обыкновенію въ 1841 году *своевременно* скончались на сценѣ самою естественною смертію. Труда много, а пользы рѣшительно никакой! О тѣхъ же явленіяхъ, которыя почему либо хотя нѣсколько замѣчательны, редакторъ «Пантеона» въ свое время изложилъ уже свои мнѣнія въ «Литературной Газетѣ», откуда мы и заимствуемъ ихъ. «Пантеонъ» съ нимъ совершенно согласенъ.

—

Князь Даніилъ Дмитріевичъ Холмскій. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ и (въ) прозѣ. Соч. *П. В. Кукольника.*

Г. Кукольникъ долго трудится надъ своими драматическими произведеніями, или лучше сказать, *фантазіями*, какъ онъ самъ ихъ очень справедливо называетъ, и рѣдко дарить ими русскій театръ. Вотъ скоро два года, какъ онъ явился на сценѣ и исчезъ съ своимъ: *Иваномъ Рябовымъ*. Съ тѣхъ поръ почтеннѣйшій Несторъ Васильевичъ трудился надъ сочиненіемъ *Князя Холмскаго*—и мы недавно наслаждались представленіемъ этого произведенія. Изумительная драма! Изумительная во всѣхъ отношеніяхъ: по ея пестротѣ, длинноте, темнотѣ, множеству лицъ и разнородности—ее должно рѣшительно отнести къ роду сценическихъ произведеній, именуемыхъ *разнохарактерными дивертисментами*. Это не драма, и не комедія, и не опера, и не водевиль, и не балетъ, но здѣсь есть всего понемногу, кромѣ драмы, словомъ, это *дивертиссементъ*. А какъ въ немъ участвуютъ и нѣмцы, и татары, и жиды, настоящіе и мнимые, и русскіе, такъ-же настоящіе и мнимые и амазонки — то это дивертиссементъ *разнохарактерный*, т. е. не такой, въ которомъ разные характеры, но такой, въ которомъ разные костюмы и притомъ очень хорошіе и богатые. Вотъ опредѣленіе драмы «*Холмскій*». Теперь слѣдуетъ отчетъ о содержаніи ея... О! это подвигъ! Гораздо труднѣйшій, чѣмъ прослушать ее на сценѣ, начиная съ семи часовъ до половины двѣнадцатаго, чѣмъ уразумѣть ее, начиная съ первой сцены и до послѣдней! Но дѣлать нечего: попробуемъ. Съ чего бы начать? Начнемъ съ исторіи... потому что въ этой драмѣ и всѣхъ наукъ разныхъ-прочихъ очень много, не исключая даже хиромантіи, черной магіи и астрологіи... въ ней гадаютъ и на бобахъ и по звѣздамъ. И такъ начнемъ съ исторіи. Дѣло, кажется, вотъ въ чемъ. Въ 1472 году Ливонскій орденъ не ладилъ съ царемъ Іоанномъ Великимъ, и угрожалъ Пскову. Царь послалъ противъ рыцарей войско. Эта эпоха выбрана г. Кукольникомъ для драмы. Начинается съ того, что сидятъ два

пьяные нѣмца, въ полномъ вооруженіи, хотя они дома, тянутъ вино и говорятъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Оба люди темные, безграмотные, а одинъ изъ нихъ, рыцарь фонъ-Кульмгаусборденау, даже тупоуменъ. Пріѣзжаетъ Ливонскій магистръ и выбираетъ этого молодца въ послы къ московскому двору, какъ будто въ хитромъ управленіи ордена не нашлось человѣка подѣльнѣе. Ему и барону Шлуммермаусу вручена судьба Ливоніи. Одинъ изъ нихъ, запинающійся на каждомъ словѣ, долженъ быть представителемъ ума и дипломатики, другой, едва стоящій на ногахъ, представителемъ силы и мужества ордена: хороши представители! Можно ожидать успѣха отъ посольства. Вотъ мы въ Псковѣ. Выходитъ *московскій воевода* Даніилъ Холмскій, начинаетъ чинить судъ и расправу надъ боярами, купцами, и ратными людьми, что, впрочемъ, было исключительнымъ правомъ царя и вѣча. Подходятъ къ нему лица разнаго званія: и русскіе воеводы, и послы ганзейскіе и посадскіе и думные люди, — онъ ихъ всѣхъ порядкомъ отдѣлываетъ. Вдругъ вбѣгаетъ амазонка, въ мужскомъ платьѣ и въ латахъ: это баронесса Адельгайда фонъ-Шлуммермаусъ. Она исключеніе изъ общихъ правилъ; вамъ извѣстно, что въ это время нѣмецкія женщины отличались своею скромностію и домашними добродѣтелями; что онѣ вели жизнь почти затворническую, въ высокихъ рыцарскихъ замкахъ за расписными окнами. Эти оранжерейные цвѣтки выставлялись на воздухъ только въ свѣтлые дни: на блестящихъ турнирахъ и рыцарскихъ праздникахъ: Адельгайда составляетъ совершенный контрастъ съ нравами своего вѣка и жизнью своего пола. Она ѣздитъ верхомъ, какъ купецъ-берейторъ, вмѣсто веретена, носитъ шпагу; вмѣсто вышиванія въ пяльцахъ фамильныхъ гербовъ, ломаетъ съ русскими копья. Словомъ, это какъ говорили предки, настоящая *бой-баба!* Она даже разбила какое-то войско и овладѣла какимъ-то островомъ! Ай, молодецъ наѣздница! Теперь ей пришла фантазія отдаться въ плѣнъ русскимъ для того, чтобы вскружить голову русскому князю и повидаться съ своимъ любовникомъ, псковскимъ купцомъ, Александромъ Михайловичемъ! Гордая ливонская *баронесса* и русскій *купецъ* любятъ другъ друга въ XV вѣкѣ? Чтожъ, это очень просто и правдоподобно. Итакъ новая Боболина начинаетъ кружить голову *московскому воеводѣ* Холмскому, бушуетъ и распоряжается въ его палатахъ, какъ у себя дома, и наконецъ достигаетъ своей цѣли. Холмскій отъ нея безъ ума: — и съ этой минуты всѣ его дѣйствія, въ продолженіе цѣлой піесы, рядъ безумствъ, самыхъ непростительныхъ. Во первыхъ, онъ бѣжитъ изъ своихъ палатъ и ложится спать въ палаткѣ, не смотря на жестокій морозъ, онъ не запасся не только шубою, даже теплымъ одѣяломъ, но русская натура все выноситъ! Ужъ мы на томъ стоимъ. Потомъ онъ, самымъ нѣжнымъ и страстнымъ образомъ, склонивъ одно колѣно, изъясняется въ любви баронессѣ. И еслибъ вы знали, какъ это пастушеское селадонство идетъ къ русской боярской шапкѣ XV вѣка! Прелесть! Потомъ онъ, изъ любви, рѣшается измѣнить своему царю, хочетъ созлать какую-то прибалтійскую державу изъ ганзейскихъ городовъ, Ливоніи, Литвы и русскаго Поморья, хочетъ сдѣлаться *королемъ* подъ названіемъ *протектора*, хочетъ Новгородъ и Псковъ соединить, уничтожить вѣчё, обрить, остричь Русь и нарядить ее по *нѣмецкому*. Потомъ заключаетъ пренелѣпый договоръ по этому случаю съ Ливонскимъ орденомъ, никого не спросясь. Потомъ идетъ къ жиду гадать по звѣздамъ и разсматривать свой гороскопъ; потомъ, на основаніи *сего* гороскопа и жидовской кабалистики, наряжается въ нѣмецкое платьѣ и съ обнаженной головой, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ является на псковское вѣче въ 25 градусовъ морозу. Галантерейное, чортъ возьми, обращеніе! Потомъ говоритъ такую безумную рѣчь псковитянамъ, что тѣ сгоняютъ его съ княжаго мѣста и сажаютъ подъ замокъ въ земскую клѣть. Наконецъ, въ сумасшествіи своемъ, онъ хочетъ зарѣзать купца Александра Михайловича, зачѣмъ онъ любимъ баронессою и *мнимый* жилъ. Это самый сильный припадокъ безумія

Холмскаго: онъ забываетъ даже, что за такіе героическіе подвиги, по закону царскому, въ Москвѣ, *весьма лишаютъ живота*. Но это крайній предѣлъ его бѣсованія и конецъ драмы. Вся піеса преисполнена эпизодами, побочными лицами, лишними разговорами, неправдоподобіями, анахронизмами и эффектами безъ числа. На примѣръ, въ Псковѣ, въ половинѣ XV вѣка, когда еретиковъ, волхвовъ жгли на кострахъ, живетъ жидовская семья — явно, открыто! Мало этого, жидъ выдаетъ себя за русскаго купца, Захара Моисеевича Ознобина, и ему вѣрятъ на слово и не узнаютъ даже по выговору, такъ онъ навострился россійскому діалекту. А дочь его прямо называется не христіанскимъ именемъ, *Рахилью*, и одѣвается по жидовски. Но никому и въ голову не приходитъ по этому подозрѣвать ея отца. Мало этого: она влюблена въ Князя Холмскаго и въ концѣ піесы, какъ Офелія, сходитъ съ ума и топится отъ любви. И этого еще мало, жидъ Захаръ, или Захарій, промышляетъ волхвованіемъ, хозяйка его русская, простая женщина, Ильинишна, знаетъ и про колдовство его, и про то, что онъ жидъ, и братается съ нимъ, и пляшетъ и поетъ съ его дочерью, и держитъ ихъ у себя въ домѣ, гдѣ есть святыя иконы, и не доноситъ на нихъ вѣчу и посаднику. Не правда ли, какъ это вѣрно характеризуетъ псковскую мѣщанку XV столѣтія. Но и этого все еще мало: самъ Холмскій ходитъ гадать къ жиду и не предаетъ его суду православія! Не наливши чудесамъ, которыя бываютъ на свѣтѣ вообще и въ драмахъ г. Кукольника въ особенности. Но когда начнешь вникать въ эти чудеса, такъ предстанутся множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. На примѣръ, какимъ образомъ послы Ревельскаго магистрата попали въ станъ Холмскаго, а не ко двору Іоанна, или не въ Нарву и Новгородъ, гдѣ имъ царемъ были назначены переговоры? Развѣ они не знали, что безъудѣльный холопъ Холмскій, безъ воли государевой ничего рѣшить не можетъ? Почему князь Холмскій называетъ своимъ родоначальникомъ короля Галицкаго, Даніила Романовича, коронованнаго папою Иннокентіемъ III, и принадлежащаго къ роду князей Волынскихъ, тогда, какъ онъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ князьями Микулинскими, Телятевскими, Пуниковыми, происходитъ отъ потомковъ Ярослава III-го, князей Переяславскихъ? — Отчего онъ самоуправствуетъ во Псковѣ, управляемомъ въ то время вѣчемъ и (съ 1473 года) Іоанновымъ намѣстникомъ, княземъ Ярославомъ Стригою, тогда, какъ онъ былъ посланъ туда просто воеводою съ дружинами противъ Ливонскихъ меченосцевъ? И что это за договоръ онъ заключилъ съ Ливонцами? То ли это условіе, которое подлинными словами передано исторіею? — Непонятно! Намъ кажется, если драматургу дозволено для своего созданія брать историческіе факты, то въ тоже время ему воспрещено искажать ихъ. Онъ можетъ обставить происшествія и историческія лица вымыслами своей фантазіи, можетъ приплесть къ нимъ побочныя интриги, но основаніе и ходъ событій должны оставаться вѣрными истинѣ. Хоть бы главное лицо: въ какомъ видѣ представилъ намъ г. Кукольникъ характеръ Даніила Дмитріевича! Неужли этотъ безумный, вѣтстовый, безбородый юноша тотъ самый Холмскій, который завоевалъ Казань, побѣдилъ буйный Новгородъ, захватилъ въ плѣнъ Борецкаго, который поражалъ Крымскихъ татаръ и котораго за храбрость и смѣтливый умъ царь посылалъ противъ хитрыхъ остзейцевъ? Могъ ли Великій Іоаннъ поручить такое важное дѣло легкомысленному вождю, котораго здравый смыслъ можно поколебать быстрыми глазками женщины и что еще хуже — ворожбою на бобахъ! Воля ваша, а что-то неловко! Такая измѣна, въ какой виновенъ Холмскій въ драмѣ г. Кукольника, такіе поступки противъ видовъ политики и противъ здраваго ума, не обошлись бы ему даромъ въ дѣйствительности и кончились бы не опалою, а чѣмъ нибудь гораздо болѣе драматическимъ. Но въ дѣйствительности все было иначе: миръ съ Ливоніею былъ заключенъ на условіи, «чтобъ нѣмцамъ не ходить въ земли ниже псковскія, торговымъ людямъ русскимъ всюду путь чинить свободенъ, и на Русь изъ орденской земли ни меда, ни браги, ниже иныхъ нѣ-

мецкихъ напитковъ не впускати». На князя Даніилу, Іоаннъ дѣйствительно прогнѣвался не извѣстно за что, но ужъ вѣрно не за нѣжные вздохи къ Ревельской наѣздницѣ и не за гаданіе на бобахъ, а за вину, болѣе основательную, за какую нибудь ошибку политическую. Псковская лѣтопись объ этомъ умолчала, хотя и приводитъ граммату покаянія князя Холмскаго. Для чего г. Кукольникъ, который сюжетъ своей драмы вѣроятно заимствовалъ изъ статьи, помѣщенной во II-мъ томѣ «*Древней Россійской Вивліовики*», не остался исторически вѣрнымъ хоть этой статьѣ. Отъ этого піеса его много выиграла бы въ основномъ своемъ смыслѣ. Когда говорить о неправдоподобіяхъ въ піесѣ г. Кукольника, то замѣчаніямъ не будетъ конца, ихъ будемъ ровно столько же, сколько сценъ въ драмѣ. Вѣроятно ли, напримѣръ, чтобъ князь Холмскій, отправляясь въ ратное поле, бралъ съ собою всю дворовую челядь, и карликовъ, и шутовъ, и *пажей* (?!?), и врачей, и служекъ, которыхъ онъ, впрочемъ, и не имѣлъ? Вѣроятно ли, чтобъ онъ безпрестанно переодѣвался въ разныя платья? Похоже ли на дѣло, чтобъ Ливонскіе рыцари, облеченные въ званіе главныхъ пословъ, бражничали съ псковскими гостями и жилыми людьми въ винныхъ погребкахъ и рѣшились просить мира — почему бы вы думали? Потому, что русскій парень голымъ *кулакомъ* вышибъ дно изъ бочки! Охъ, ужъ этотъ *русскій кулакъ!* Дался онъ намъ! Безъ него, видно, нѣтъ житья нашимъ драмамъ, операмъ и водевилямъ! Даже историческіе факты наши драматурги основываютъ теперь на *кулакѣ*. Бѣдная драма! бѣдная исторія! Правдоподобно ли, что шутъ князя Холмскаго, Середа, былъ одной изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ пружинъ, что онъ все развѣдываетъ, узнаетъ, доноситъ, совѣтуетъ князю Даніилу и даже сочиняетъ договоръ Россіи съ Ливоніею? Есть ли хоть искра правды въ томъ, что русской воевода онѣмечился, надѣлъ общипанное платье и дружина и бояры молча терпятъ это? И наконецъ, что онъ четверть часа замахивается ножемъ на бѣднаго княжича Александра и пять человѣкъ смотрятъ на это и не спѣшатъ помѣшать убійству и что даже самъ княжичъ не показываетъ ни малѣйшаго чувства самосохраненія, чувства самаго естественнаго? Это ужъ рѣшительно вонъ изъ природы! Князь обвиняетъ его въ томъ, что онъ жидъ, а у княжича языкъ отнялся сказать, что это не правда, и Середа, который такъ-же знаетъ, что это вздоръ, не спѣшитъ остановить Даніилу. А для чего? Для того, чтобъ дать ему проговорить длинный монологъ, полный риторическихъ красотъ. Но довольно! Чтобъ пересчитать всѣ противорѣчія, у насъ не хватитъ терпѣнія и не достанетъ мѣста. За то сколько эффектовъ въ драмѣ г. Кукольника! И какихъ эффектовъ! самыхъ раздирательныхъ, самыхъ романическихъ. Тутъ притянуты за волосы русская пляска и за уши вечевой колоколъ; тутъ дѣйствуетъ и магическій фонарь и привидѣнія; тутъ есть и дѣвушка-каналеристъ въ мужскомъ платьи, и таинственный жидъ, и пьяный Донъ-Кихотъ, и Еврейка, поющая романсы, и шутъ, въ соломенной бронѣ и деревянномъ шлемѣ! Тутъ есть все, кромѣ мысли, кромѣ единства дѣйствія, кромѣ внутренняго движенія драмы, кромѣ всего того, что интересуетъ зрителя, завлекаетъ вниманіе, возбуждаетъ участіе, словомъ, кромѣ главнаго основанія каждаго хорошаго драматическаго созданія. Стихи хороши, звучны, легки, но все это, по большей части пышный наборъ словъ! Здѣсь, какъ и во всѣхъ фантазіяхъ г. Кукольника, есть пророчества о томъ, что уже давно сбылось, эти торжественныя фигуры *умолчанія*, которыя даютъ г. Каратыгину возможность выказать во всемъ блескѣ свой декламаторскій даръ и сорвать нѣсколько невольныхъ рукоплесканій. Впрочемъ эта піеса отличается отъ прочихъ произведеній г. Кукольника, въ томъ же родѣ, хоть тѣмъ, что здѣсь уже, изъ патріотизма, не бранятъ нѣмцевъ: здѣсь они только выведены нелѣпыми въ натурѣ. Одинъ изъ нихъ глупый хитрецъ, другой горькой пьяница. И замѣтьте, это еще отборные люди — послы: каковы же должны быть остальные? Славный народъ! Ни въ одномъ лицѣ, въ цѣлой драмѣ, не обрисованъ характеръ,

какъ слѣдуетъ, и не выдержалъ до конца. Середа, шутъ, благодаря г. Брянскому, лицо самое рельефное. Но оно такъже не вѣрно. Середа болѣе смахиваетъ на юродиваго, чѣмъ на шута. Это повтореніе нищаго изъ «Скопина Шуйскаго», только въ другомъ костюмѣ: Главный недостатокъ драмы, что въ ней нѣтъ русской жизни ни на волосъ. Мы рѣшительно не узнаемъ Кукольника! Тотъ ли это авторъ, который еще недавно написалъ прекрасную повѣсть «Иванъ Ивановичъ Ивановъ», проникнутую неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ, гдѣ русскій бытъ начала XVIII столѣтія выставленъ такою яркою, мастерскою кистію? Намъ кажется, почтенный Несторъ Васильевичъ въ новомъ своемъ произведеніи увлекся драматическою школою юной Франціи, ему хотѣлось создать что нибудь поразительное, пестрое, ультра-романтическое, что нибудь à la Гюго, и притомъ остаться вѣрнымъ народности. Но жизнь нашихъ предковъ, особливо въ XV вѣкѣ, слишкомъ самобытна, слишкомъ ограничена извѣстными формами, чтобъ приспособиться къ такому эксцентризму. Притомъ, тутъ возникаетъ другой вопросъ: можетъ ли это насильственное напряженіе всѣхъ пружинъ драматизма—увлечь насъ—въ русской, народной драмѣ? Не есть ли такая попытка самое рѣзкое противорѣчіе гражданскому и семейному направленію нашей жизни, *до-Петровой* жизни нашихъ предковъ? — Кажется, справедливости такого сомнѣнія служитъ лучшимъ доказательствомъ драма г. Кукольника — «Князь Холмскій», которая, вѣроятно, не смотря на разительную, истинно великолѣпную обстановку декораціями и костюмами, не удержится долго на русской сценѣ. Нѣтъ! какъ ужолно, а надо отдать справедливость Н. А. Полевому, онъ одинъ въ народныхъ своихъ драмахъ умѣетъ, какъ должно, касаться нашей русской жизни и выставлять ее въ надлежащемъ свѣтѣ! Скорбимъ душой, что должны были высказать все это почтенному Нестору Васильевичу. Что дѣлать: *на ротокъ платка не накинешь, правды письмомъ не утаишь.*

—

Костромскіе лѣса, русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ и *танцами*, соч. Н. А. *Полеваго*.

Эта небольшая драма выходитъ изряда *вседневныхъ* піесъ нашего театра и мы рѣшились поговорить объ ней отдѣльно. Иванъ Сусанинъ, неоспоримо, одинъ изъ величайшихъ русскихъ народныхъ характеровъ. Его подвигъ, спасеніе Михаила Ѳеодоровича Романова отъ польскихъ убійцъ — полонъ энергіи, рѣдкаго самоотверженія и драматизма. Вотъ истинный патріотизмъ, чистая черта русской души, основанная не на словахъ; не на поэгласахъ и пышныхъ фразахъ, а на дѣлѣ, высокомъ—до героизма, прекрасномъ—до поэзіи. Сусанинъ самъ такъ и просится въ драму. За то наши драматурги и не заставляли долго просить себя. У насъ была драма «Сусанинъ», опера «Иванъ Сусанинъ», опера «Жизнь за Царя»—и вотъ наконецъ теперь является быль «Костромскіе лѣса», гдѣ опять Сусанинъ главное лицо. Г. Полевому предстояло много трудностей, чтобы создать что нибудь новое изъ сюжета, столь обыкновеннаго уже на сценѣ. Ему надлежало взглянуть съ новой точки на вашего русскаго Регула и на его геройскій поступокъ. Этого мы ожидали отъ г. Полеваго. Сусанинъ лице высокой добродѣтели: подвигъ его былъ слѣдствіемъ русскаго склада его ума и сердца. Чѣмъ простѣе умъ, чѣмъ неухищреннѣе сердце такого человѣка, тѣмъ поступокъ его выше и благороднѣе. Онъ пожертвовалъ собою безсознательно, изъ одной преданности къ своему боярину, изъ слѣпаго чувства честности, безъ всякихъ видовъ политическихъ, которые могли бы рисовать ему въ будущемъ великія милости и *царскія* награды. Такъ представляли мы себѣ всегда это лице, хотя оно иначе выставлено въ нашихъ драмахъ; такимъ надѣялись его встрѣтить въ драмѣ г. Полеваго. Но мы обманулись. Въ «Костромскихъ лѣсахъ» Сусанинъ выставленъ стратигомъ, какимъ-то деревенскимъ патріархомъ и тонкимъ политикомъ въ сермягѣ. Это не простой, русскій, безыскусственный мужичокъ, у котораго душа на распашку и умъ на голо, нѣтъ! Онъ здѣсь герой,

и притомъ герой на ходуляхъ: онъ видитъ поэтическіе, пророческіе сны объ орленкѣ, *царственной птицѣ, съ короною на головѣ*, которую преслѣдуетъ жадный коршунъ; онъ грамотѣй въ высшей степени и знаетъ кабинетныя тайны боярской думы, тогда-какъ въ смутное время 1612 года сами бояре ихъ плохо знали. Онъ между простыми людьми своего села настоящій апостолъ вѣры, говорящій не иначе, какъ текстами изъ священнаго писанія и дипломатъ, которому родословная и права престолонаслѣдія русскихъ царей извѣстны, какъ дважды—два—четыре. Онъ спасаетъ въ особѣ Михаила Романова — не боярина своего, а послѣднюю отрасть рода Мономахова. Простота характера придаетъ много выпуклости великому дѣлу и въ той-же драмѣ г. Полеваго, Сусанинъ былъ-бы превосходнымъ лицемъ, еслибъ онъ былъ попростѣе. Всѣ обстоятельства, которыми авторъ обставилъ его въ своей драмѣ, превосходны. Ходъ дѣйствія веденъ съ большимъ искусствомъ. Напр., сцена, гдѣ къ Сусанину врываются поляки, и онъ старается выѣдать у пьянаго хоружія, зачѣмъ они идутъ въ село Домнино и притворяется неголяемъ, за деньги готовымъ на все, и потомъ другая, гдѣ, потѣшая гостя пѣснью и пляскою, онъ даетъ пріятелю своему Тарутину порученіе спасти боярина Михаила,—написаны съ такой истиной, съ такимъ мастерствомъ, что возбуждаютъ невольное чувство и участіе.—А этотъ полякъ, хоружій, низенькій и низкій, толстый и надутый, который говоритъ: *что ему тамъ и отечество, гдѣ больше платятъ; что вѣра его — деньги, а честь въ кошелькѣ*; который задоренъ какъ пѣтухъ; и трусливъ до подлости, и крестьянской бабѣ, надъ которой храбровалъ за минуту предъ тѣмъ, готовъ сказать: «падачъ до ногъ, исповельможная панна!» когда она хочетъ вязать ему руки,—настоящій типъ, это лицо точно выхваченное изъ дѣйствительности. Весь второй актъ веденъ прекрасно, кромѣ заказной осѣчки пистолета у польскаго офицера, когда онъ хочетъ выстрѣлить по Сусанину, и комической защиты Сусанина *дубинкою* противъ мечей и пистолетовъ десяти поляковъ. Но за то здѣсь подслушаны многія тайны человѣческаго сердца и вѣрно переданы. Напримѣръ, чувство самосохраненія въ Сусанинѣ, который хочетъ бѣжать при близкомъ кликѣ русскихъ голосовъ; его ироническіе отвѣты и покорность полякамъ, пока онъ еще не увѣренъ въ своемъ дѣлѣ; и гордая насмѣшка и презрѣніе, когда онъ слышитъ костромской набатъ, слѣдствіе его извѣщенія о прибытіи нежданыхъ гостей. Все это вѣрно, просто и сильно, именно потому и сильно, что вѣрно и просто. Г. Полевой обработалъ этотъ сюжетъ, какъ человѣкъ съ истиннымъ талантомъ, и упрости онъ немножко характеръ Сусанина въ первомъ актѣ, «Костромскіе лѣса» были бы, безспорно, лучшею его піесою. При истинно мастерской игрѣ Каратыгина 1, Сосницкаго, (въ роли хоружія) и г-жи Гусевой въ роли Соломониды, эта піеса прозвела сильное впечатлѣніе и будетъ его производить всегда, потому что основана на драматическомъ интересѣ прекрасно развитомъ. Мы находимъ, что эта піеса много выше «Параши Сибирячки», въ которой накоплены всѣ возможные внѣшніе эффекты и *театральные хлопушки* (coups de théatre) и «Дѣдушки русскаго флота». Г. Полевой подарилъ въ одинъ вечеръ русскій театръ двумя піесами, которыя рѣшительно выкупаютъ весь неудачный оригинальный репертуаръ нынѣшняго карнавала. Честь ему и слава!

—

1. Двѣ жизни или не все то золото, что блеститъ, комедія г-жи Анселло, переводъ съ французскаго *П. С. Ѳедорова*.

2. Шкуна Юкарлеби, историческій анекдотъ временъ Петра Великаго, соч. *Ѳ. В. Булгарина*.

Двѣ жизни суть двѣ чрезвычайно длинныя, отмѣнно скучныя и совершенно безполезныя жизни. Онѣ доказываютъ только, что не *все то золото, что блеститъ*. Французскіе журналы окружили имя г-жи Анселло литературнымъ блескомъ, но когда познакомишься съ ея созданіемъ поближе, то видишь, что этотъ

ческъ—мишура, а не золото. Видите-ли, вся мораль этой піесы состоитъ въ томъ, что на свѣтѣ есть чёстные люди, которые трудомъ, благороднымъ стремленіемъ къ полезному и честностью стараются свискать себѣ доброе имя, и есть такъ-же и мошенники, которые при всякой удобной оказіи стараются пустить почтеннѣйшей публикѣ пыль въ глаза пышными фразами о добродѣтели, о чести, о безпристрастіи, о своихъ заслугахъ, а между тѣмъ промышляютъ позорными спекуляціями ко вреду другихъ, подымаются на всякаго рода мелочныя аферы и барышничества; торгуютъ своимъ мнѣніемъ и совѣстью, и готовы даже продать свое отечество за нѣсколько лишнихъ франковъ жалованья, когда оно находится въ опасности. Первые бѣдны, остаются въ неизвѣстности и страдаютъ; вторые тучнѣютъ, продаютъ, покупаютъ, закупаютъ и перекупаютъ все, что имъ нужно, и пользуются покровительствомъ и извѣстностію, по латинской пословицѣ: dat veniam corvis, vexat censura columbas, что значитъ по русски: *милые щадятъ воронов и преслѣдуетъ голубей.* Къ первымъ принадлежитъ Эрнестъ Беланкуръ, ко вторымъ Альбертъ Шамильи. Онъ пользуется каждымъ полезнымъ предпріятіемъ, замышленнымъ другими, вездѣ вотрется съ преступной цѣлію надуть другихъ и извлечь свои выгоды, будучи твердо убѣжденъ, что деньги главная цѣль жизни, а честность и добросовѣстность такая монета, которая годна только для журнальныхъ фразъ и фельетонныхъ статеекъ. Такихъ людей много. Кончается дѣло тѣмъ, что мошенничества его наконецъ разоблачены и невѣста его (на которой онъ хотѣлъ жениться, также изъ спекуляцій) выходитъ за честнаго человѣка Беланкура. Но для мошенника позоръ—какъ съ гуся вода; онъ утѣшается очень скоро, и посмотрите, вѣроятно, въ будущемъ году, въ новой комедіи г-жи Анселю, опять пустится на новыя предпріятія, съ тою-же благородною цѣлію. Sapienti sat! Больше мы объ этой комедіи распространяться не будемъ. Жалѣемъ отъ души, что почтенный П. С. Ѳедоровъ потратилъ на нее свой трудъ.

«Шкуна Іюкарлеби» или «не все то золото, что блеститъ»... Ахъ! виноватъ! Я такъ занялся предъидущею комедіей, что кличка ея невольно сорвалась у меня съ пера! Но такъ-какъ она уже сюда попала, то пусть и остается. Ей здѣсь не совсѣмъ дурно между громкимъ именемъ г. Булгарина и мелочнымъ произведеніемъ, названнымъ «Шкуна Іюркарлеби». Г. Булгаринъ романистъ, историкъ, статистикъ, сатирикъ, словесникъ, нравоучитель, журналистъ, путешественникъ, повѣствователь и—словомъ, русскій Гёте, чтобъ не исчислять долго всѣхъ его достоинствъ, наконецъ, для увѣнчанія трудовъ своихъ, пустился — въ водевиль! Такой развязки многосторонникъ дарованій г. Булгарина вѣрно никто не ожидалъ. Всѣ поклонники нравственно-сатирическихъ сочиненій, въ томъ значеніи, какъ понимаетъ ихъ г. Булгаринъ, заранѣе рукоплещутъ! Репертуаръ заранѣе радуется ряду великихъ произведеній! Водевиль. Булгарина! Шутка! Это подвинетъ впередъ и русскую литературу, и русскій театръ,—бѣдную русскую литературу! Паруса подняты, шкуна пущева, услужливая «Сѣв. Пчела» упросила уже публику о попутныхъ вѣтрахъ:

Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду!

Произведеніе не можетъ быть сухо— потому что г. Булгаринъ на водѣ основалъ свою драматическую славу: піеса дѣйствуетъ на морѣ. Какъ историкъ, г. Булгаринъ изукрасилъ ее историческими именами, какъ сатирикъ, онъ далъ ей форму водевиля, какъ моралистъ, онъ наполнилъ ее нравственными изреченіями. Намъ предстоитъ слѣдовательно разобрать этотъ водевиль съ трехъ сторонъ: съ исторической, нравственной и юмористической. Попытаемся. Русскіе въ плѣну у Шведовъ. Главное лицо между ними кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій. На шкунѣ Іюкарлеби Шведы везутъ ихъ въ Стокгольмъ. Дѣйствіе въ 1711 году, вскорѣ послѣ полтавской баталіи. Судномъ командуютъ двое: лейтенантъ Левенштирна и коммиссаръ Кнакеръ. По общему закону всѣхъ нравственныхъ сочиненій, начиная отъ комедіи г-жи Анселю до водевиля г. Булгарина включительно, (гдѣ

только дѣло идетъ о борьбѣ добродѣтели съ порокомъ), и здѣсь—первый изъ нихъ честнѣйшій человѣкъ, весь составленный изъ моральныхъ сентенцій, ни дать ни взять газетная статья, второй негодяй, полный духа тьмы и пороковъ, воръ, взяточникъ, скряга и трусъ. Кромѣ плѣнныхъ русскихъ на суднѣ есть и двѣ женщины, старуха, которой и чепчикъ пышенъ правоученіемъ, и молодая дѣвушка, Надежда Васильевна, которая, какъ оказывается, для русскихъ—русская, а для шведовъ—чухонка, словомъ, дѣвица такъ себѣ—ничего, хорошенькая, молоденькая, одѣтая по швейцарки. На этой-то дѣвушкѣ завязанъ узелъ *исторической* драмы—и вотъ въ чемъ вся исторія. На кораблѣ, гдѣ всего только двѣ женщины, или лучше сказать только одна женщина, потому что другая старуха, поневолѣ всѣ должны влюбиться въ одну. На основаніи этого натуральнаго парадокса, г. Булгаринъ влюбилъ въ Надежду трехъ разомъ: лейтенанта, коммиссара и бомбардира капрала (*). Василья Васильевича, котораго Богъ вѣдаетъ почему, называютъ *Алешей*. Для Надежды, по видимому, выборъ такъ труденъ, что она готова выйти замужъ за каждаго изъ нихъ. На первый случай она выбираетъ Алешу, опускаетъ ему кушанье въ люкъ, а онъ по веревкѣ, на которой спущено кушанье, взбирается на палубу за закуской, т. е. за поцѣлуемъ. Дѣло въ порядкѣ, какъ изволите видѣть, только вотъ что не ладно: ихъ застаетъ влюбленный коммиссаръ и хочетъ разстрѣлять Алешу. Не ужели за поцѣлуй? спросите вы.—Да, за поцѣлуй! Ужъ видно у шведовъ такой обычай. Про это авторъ лучше знаетъ, онъ за шведскими правами нарочно ѣздилъ въ Стокгольмъ, въ 1838 году. Но Алеша тоже малой не промахъ; не говоря дурнаго слова, онъ шведа, по русски, схватилъ въ охапку да и въ воду... *бултыхъ!* и первому дѣйствію конецъ. Начанается второе: сидитъ какой-то человѣкъ, и говоритъ длинную рѣчь о томъ, «что *добродѣтель* хороша, а порокъ—*гнусенъ*; что *человѣкъ, который клевещетъ на другаго по одному подозрѣнію, недостоинъ имени честнаго человѣка*; что кто служитъ отечеству вѣрой и правдой—тотъ доблестный гражданинъ, а кто перебѣгаетъ къ непріятелю и дѣйствуетъ противъ своихъ—тотъ подлецъ;» и проч. и проч., все такое важное, разумное, назидательное, нравственное—только ужасно скучное... Кто же это лицо?—угадайте. Держу пари тысячу противъ десяти, что вамъ не угадать. Это князь Яковъ Долгорукій! Да, да, Долгорукій! Пылкій, смѣлый, доблестный Долгорукій, любимецъ Петра, который господствовалъ на польскихъ сеймахъ, который изорвалъ указъ въ сенатѣ, который былъ честенъ, какъ Регулъ, и твердъ, какъ самъ Петръ! На шкунѣ Нюкарлеби, въ плѣну у шведовъ, онъ холячал сентенція! Вотъ чѣмъ гѣлается иногда и великій человѣкъ, когда попадется въ руки иныхъ людей. Но вотъ онъ кончилъ свою нравственную рѣчь и уходитъ. Является опять коммиссаръ — онъ вышелъ сухъ изъ воды и теперь хочетъ только разстрѣлять Алешу, а прочихъ русскихъ приковать къ койкамъ. Лейтенантъ корабля очень справедливо замѣчаетъ ему, что такія вещи съ военнопленными нигдѣ не дѣлаются, куда тебѣ! Коммиссаръ и знать ничего не хочетъ: разстрѣлять, заковать, да и только! Лейтенантъ вызываетъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ на палубу, беретъ афишку бенефиса г. Самойлова, по ней читаетъ дѣйствующихъ лицъ шкуны Нюкарлеби, и какъ добрый режиссеръ повѣряетъ, всѣ ли они на лицо. Потомъ онъ спрашиваетъ Долгорукова: «если я вамъ дамъ полную свободу на кораблѣ, если я облегчу вашу участь, даете ли мнѣ слово, что вы не предпримете ничего ко вреду нашему? Долгорукій говоритъ: Нѣтъ! мы при первомъ удобномъ случаѣ васъ уничтожимъ! Но подивитесь, каковъ лейтенантъ! Зная, что Долгорукій говоритъ словами г. Булгарина, онъ все-таки оставляетъ его на свободѣ и даже отводитъ ему свою каюту. Прекрасный, добрый молодой человѣкъ, но, какъ видите, очень неопытный! Теперь дѣло доходитъ до Алеши: его падлежитъ раз-

(*) Вѣроятно, капрала бомбардирской роты, а *бомбардирскій капралъ* такой чинъ, какого на Руси никогда не бывало.

стрѣлять—и по дѣломъ, не дѣлай глупостей. Тутъ Алеша снимаетъ крестъ и отдаетъ его Надеждѣ. За чѣмъ? спросите вы; православные люди не разстаются съ крестомъ въ смертный часъ. А вотъ за чѣмъ, чтобъ по этому кресту произошло узнаніе, обниманіе и слезная сцена; сцена, современная дѣдушкѣ Коцебу и избитая. По кресту узнаютъ, что Алеша братъ Надежды, и племянникъ старухи, и сынъ такой-то, и внукъ такого-то... словомъ, цѣлую родословную. На основаніи того, что онъ братъ Надежды, его не разстрѣливаютъ и онъ на ней не женится, а по случаю того, что онъ на ней не женится, коммиссаръ требуетъ, чтобъ она пришла въ его каюту, *одна*—безъ тетки, побесѣдовать съ нимъ, такъ, кой о чемъ другомъ, прочемъ... И Надежда идетъ!!! Что за добрая душа эта Надежда, подумаешь! И тетка и братъ этому не противятся. Что за милыя люди, эта тетка и братъ! А коммиссаръ даетъ Надеждѣ цѣлую связку ключей, изъясняя ей, что вотъ этотъ ключь отъ провіантной камеры, а вотъ этотъ отъ арсенала, гдѣ лежитъ оружіе, а *сей* отъ крютскамеры, гдѣ порохъ и свинецъ, а вотъ *оный* отъ каюты. На что бы ей все это знать? А на то, чтобъ кончить піесу трескучимъ эффектомъ. Она отдаетъ ключи русскимъ, а тѣ, подъ начальствомъ Долгорукаго (!!?!), отпираютъ арсеналъ и пороховую камеру, забираютъ оружіе и убиваютъ всѣхъ шведовъ, за исключеніемъ лейтенанта и коммиссара, потому что онъ большой острякъ, и на русскую пословицу: *лежачаго не бьютъ*, растягивается во весь ростъ на полъ и говоритъ: *я лежу!* Не правда ли, какъ находчивъ?— Но вы скажите, пожалуй, какъ же стража и часовые допустили русскихъ до арсенала и пороха? Очень просто! Всѣ шведы, на шкунѣ Нюкарлеби, какъ водится въ подобныхъ піесахъ, колѣки, уроды, хромые, слѣпые. Потому-то ихъ и убиваютъ, не смотря на то, что самъ Долгорукій говоритъ: русскіе лежачаго не бьютъ! Ну, да одинъ разъ, для эффекта, куда не шло!

Вотъ вамъ содержаніе этой піесы: судите о немъ сами. Всякій авторъ заслуживаетъ любовь и уваженіе публики не лестью, не угодничествомъ ея прихотямъ и заблужденіямъ, а силою и чистотою мыслей, разсѣянныхъ въ его сочиненіяхъ. Только тотъ истинный литераторъ, кто служитъ истинѣ и распространяетъ благодѣтельный свѣтъ. Посмотримъ же теперь, какими новыми мыслями украсилъ г. Булгаринъ свое сценическое произведеніе; а мыслей мы должны искать въ его произведеніи, ибо онъ самъ говоритъ въ 198 № *Сѣв. Пчелы*, что онъ двадцатилѣтній любимецъ публики. Ихъ немного въ Шкунѣ Нюкарлеби. Вотъ самыя выпуклыя изъ нихъ: «Богъ создалъ Карла XII-го для того, чтобъ сдѣлать Петра *великимъ*!» Не правда ли, это очень ново? Доселѣ мы думали, что Петръ былъ великъ по своему уму, по своей волѣ, по великимъ преобразованіямъ, которыя онъ сдѣлалъ въ государствѣ, по любви своей къ Россіи,—а теперь выходитъ, что онъ великъ только тѣмъ, что одержалъ полтавскую побѣду надъ капризнымъ и непостоянымъ Карломъ!—Другая мысль еще оригинальнѣе; она гласитъ: «русскому человѣку не нужно оружіе, потому что у него есть *русскій кулакъ*!» Эта мысль не такъ нова: ее употребилъ первый Загоскинъ въ «Аскольдовой могилѣ», заставя говорить *Невзвестнаго*, что онъ *стоитъ на томъ*,

Чтобы заморскихъ всѣхъ нахаловъ
Знакомить съ *русскимъ кулакомъ*.

За нимъ повторилъ то-же самое Кукольникъ въ своемъ «Ляпуновѣ»:

И безъ меча умѣетъ драться русскій!

Наконецъ г. Булгаринъ повторитъ это въ третій разъ. Господи, Боже мой! Неужели же намъ, бѣднымъ русскимъ, ужъ и похвалиться то не чѣмъ, кромѣ *кулака*! Неужели всѣ успѣхи, которые мы сдѣлали на поприщѣ мысли, наукъ, искусствъ, въ быту политическомъ и гражданственномъ, довели насъ только до этого *кулачнаго* права? Неужели русская рука неспособна владѣть мечемъ, перомъ, жезломъ полководца, а только тѣмъ и славна, что сжимается плотно въ *кулакъ*? Слава Богу! мы слишкомъ далеко ушли отъ варварства, которымъ,

въ XIX столѣтіи, едва-ли похвастается и готентотъ! Жаль, что наши авторы такъ сильно отстали отъ нашей жизни! Далѣе, въ «Шкунѣ Нюкарлеби» есть разсказъ, въ которомъ простонародымъ языкомъ повѣствуется, что *Петръ былъ огромнѣйшаго роста, что онъ, коли хватитъ кого, такъ съ ногъ свалитъ; что русскіе такой народъ, по которому хоть картечью хвати, такъ ему ничего, его де и ядро не беретъ*!—Неужели это патріотизмъ! Мнѣ кажется, что это святое чувство плохо понято нашими авторами! Это профанація искусства.

Чтобъ дать понятіе о *юмористической* и *правоописательной* сторонѣ водевиля «Шкуна Нюкарлеби», мы выпишемъ куплетъ, который поетъ коммиссаръ:

Мундиръ военный
Во всей вселенной
Сидки, сидки.
Красны дѣвицы
Летятъ, какъ птицы,
Въ полки, въ полки!
Много примѣровъ
Отъ офицеровъ
Бѣда, бѣда!
Прельщать умѣютъ,
Въ любви *успѣютъ*
Всегда, всегда!

Что мудренаго успѣть въ любви у такихъ дѣвицъ, которыя, какъ птицы, летаютъ въ казармы! Впрочемъ, это, видно, въ шведскихъ нравахъ, и хотя, можетъ быть, такіе нравы и встрѣчаются *во всей вселенной*, но у насъ пока еще, благодаря Бога, порядочныя дѣвушки такихъ штукъ не дѣлаютъ.—Характеровъ, какъ вы сами изволите усмотрѣть изъ содержанія, въ піесѣ г. Булгарина нѣтъ. Это все образы безъ лицъ; историческія же лица существуютъ только на афишкѣ, на сценѣ они не говорятъ и не дѣйствуютъ. Одинъ только и есть очеркъ, похожій немножко на характеръ: это коммиссаръ Кнакеръ, негодяй, который въ водѣ не тонетъ, и въ непріятельскомъ огнѣ не горитъ.

Но піеса «Шкуна Нюкарлеби» не столько замѣчательна по своему созданію, по своему представленію на сценѣ, какъ по статьямъ, которыя она вызвала изъ-подъ пера самого автора и достопочтеннаго его сотрудника г. Л. Л. Ихъ было три въ N N° 192, 198 и 206 Сѣверн. Пчелы, и каждая отличается чѣмъ нибудь особеннымъ. Мы не можемъ перейти ихъ молчаніемъ, ибо въ нихъ равно страдаютъ и русская публика и русскіе литераторы.

Въ первой изъ этихъ статей г. Булгаринъ проситъ публику о попутныхъ вѣтрахъ для своей шкуны (См. N 192. С. П.) Подъ словомъ попутныхъ вѣтровъ здѣсь надо разумѣть аплодисманы. Это довольно ново и оригинально: этого еще ни одинъ авторъ не дѣлалъ. Во второй, между прилично-мъ количествомъ похвалы самому себѣ, авторъ Шкуны объявляетъ о своемъ успѣхѣ и торжествѣ, о любви и уваженіи къ нему почтеннѣйшей публики, и сознавая ничтожность своего творенія, говоритъ «что публика наградила автора за его вѣрную двадцатилѣтнюю ей службу!» Это для насъ порядочная загадка! До сихъ поръ всѣ думали, что каждый авторъ, слѣдуя своему призванію, служитъ наукѣ или искусству, и если онъ создастъ что нибудь, то его твореніе есть результатъ глубокихъ убѣжденій, есть слѣдствіе его сознаній и идей, клонящихся къ пользѣ и даже, если онъ вздумаетъ потѣшить читателей, то и тутъ главная цѣль его, *потѣшая — научать*. Теперь мы видимъ, что ошибались. Но что-же значитъ служить публикѣ? Ужели потворствовать ея прихотямъ и часто ложному направленію взгляда на искусство, неужели эта служба можетъ состоять въ указаніяхъ не на новыя истины, не на новые успѣхи ума, а напримѣръ, хоть на лучшія кандитерскія и табачныя лавки? И какъ взяться истолковать любовь къ себѣ и уваженіе публики! Публика!—вѣдь это цѣлый народъ, а не горсть пріятелей, собравшихся посмотрѣть на наши затѣи. Изъ русскихъ авторовъ одинъ только И. А. Крыловъ въ правѣ сказать, что онъ заслужилъ любовь и уваженіе народныя, потому что онъ удостоился *юбилея*, въ которомъ участвовали всѣ, начиная отъ Высокаго Повелителя русскаго народа до послѣдняго изъ насъ, учившихся по его баснямъ. Если успѣхъ перваго представленія піесы г. Булга-

ринъ почитаетъ народною овацією, то онъ вѣрно очень сокрушенъ, что та-же публика такъ скоро его развѣнчала, потому что со втораго уже представленія *Шкуна Нюкарлеби* прошла безъ вниманія и безъ всякихъ вѣтровъ, какъ это называетъ г. Булгаринъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется весьма нескромнымъ, если самъ авторъ берется истолковать ея уваженіе, любовь, награды и чувства. Къ тому же, г. Булгаринъ самъ сознается—«что написалъ свою піесу такъ-же какъ пишетъ всѣ свои журнальныя статьи, *тяпъ да ляпъ*, на скорую руку. Такого рода творчество показываетъ слишкомъ мало уваженія къ публикѣ, чтобъ ожидать за это награды.»

Въ третьей статьѣ (N 206 Сѣв. Пчелы) г. Л. Л. принимается продолжать филиппику *Шкунъ Нюкарлеби*. Онъ говоритъ, что въ театръ набралось множество извѣстныхъ литераторовъ и драматическихъ писателей, чтобы посмотрѣть на рѣшительное паденіе Булгарина, что

Для иныхъ, какъ словно торжество,
Другіе будто сожалѣютъ.

Что Булгаринъ готовился слышать свистъ и шиканье!» Весьма сожалѣемъ о г. Л. Л., (имени и отчества знать чести не имѣемъ!) Онъ имѣетъ совершенно ложное понятіе объ истинныхъ русскихъ литераторахъ, иначе онъ понялъ бы, что это все люди благородные, неспособные на такіе подвиги. И едвали бы кто изъ нихъ принялъ на себя трудъ ронять піесу, которая сама по себѣ слишкомъ слаба и рѣшительно для всѣхъ безопасна. Такія подозрѣнія слишкомъ смѣлы. Откуда почерпнулъ г. Л. Л. свои свѣдѣнія о комплотѣ, и съ какого права такъ явно объявляетъ свои подозрѣнія. Что литераторы, можетъ быть, пожалѣли, посмотрѣвъ піесу Шкуна Нюкарлеби, за это мы не ручаемся. —Булгарина вызвали. «И такъ, восклицаетъ г. Л. Л. вотъ чѣмъ кончился предъ судомъ публики процессъ Булгарина съ русскими журналами!» Но какой же процессъ? До сихъ поръ еще ни одинъ журналъ даже не упоминалъ о піесѣ Булгарина! Только Сѣв. Пчела три раза прочла ему панегирику!—Чудная вещь, странная вещь! Въ заключеніе всего этого повторимъ слова г. Л. Л: «Въ журналахъ можно взводить небылицы на авторовъ, клеветы на публику: не публика пишетъ критическія статьи, не она высказываетъ свои мнѣнія въ журналахъ: у насъ пошлинъ не берутъ со словъ, а языкъ, по русской пословицѣ, безъ костей, и мелетъ, что хочетъ.»—Правда, истинная правда!

—

1. Князь Серебряный или отчизна и любовь. Оригинальная драма въ четырехъ отдѣленіяхъ, въ стихахъ. *И. Филимонова.*

2. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису! Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго *Н. А. Перепельскаго.*

3. Комедія съ дядюшкой, или новые портреты съ натуры. Водевиль соч. ***. Первый дебютъ г-жи Самойловой 3-й.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ новыхъ спектаклей, въ которомъ сидишь и изъ котораго выходишь съ удовольствіемъ. Это рѣдкость не маловажная въ нашемъ русскомъ театрѣ. Очень скромно и безъ предварительныхъ частыхъ и громкихъ извѣщеній явилась на сцену драма «Князь Серебряный». Авторъ ея даже скрылъ свое имя на афишѣ, не смотря на то, что піеса его много выше *многихъ*, объ которыхъ публикуютъ цѣлые полгода до ихъ представленія и сочинителей которыхъ печатаютъ на афишахъ устричными буквами. Разсказывать содержаніе «Князя Серебряного» излишнее. Оно извѣстно всѣмъ и каждому, кто хотя мало слѣдитъ за русскою литературою, изъ повѣсти Марлинскаго—*Наѣзды*. Авторъ очень хорошо воспользовался главными лицами повѣсти и прекрасно нарисовалъ, сколько дозволялъ объемъ его драмы, характеры кн. Серебряного, стрѣлецкаго головы, польскаго магната Станислава Колоптая, сына его, пламеннаго юноши Льва, Варвары Прозоровской, и легкими очерками мастерски означилъ фигуры, на второмъ планѣ, паны Ласской и шляхтича, котораго играетъ г. Аѳонасьевъ. Правда, видно, что это первый опытъ автора, еще незнакомаго съ элевзинскими таинствами сцены, съ этой трудной грамотой, которая изу-

чается только съ годами; но не менѣе того это опытъ, обличающій дарованіе и прекрасное, прямое, художественное направленіе, которое въ наше время стало такъ рѣдко на сценѣ. Онъ не прибѣгаетъ къ средствамъ, не принадлежащимъ ни поэзіи, ни искусству, для возбужденія криковъ и рукоплесканій; онъ не накопляетъ эффектовъ, принадлежащихъ прямо жизни гражданской, а не творчеству; но выводитъ сцены свои, проникнутыя часто умомъ, часто теплотою чувства, изъ самаго хода событій драмы. Ничего посторонняго, декораціоннаго въ его драмѣ нѣтъ: ни вѣчевыхъ колоколовъ, ни соборовъ, ни завѣтныхъ русскихъ площадей, ни завѣтныхъ народныхъ чувствъ, ни даже завѣтныхъ именъ въ его піесѣ вы не встрѣтите. За то въ ней есть—настоящая драма, съ идеею, съ развитіемъ этой идеи и съ прекрасными, звучными, часто весьма сильными стихами. Драма обставлена и сыграна прекрасно. Объ Каратыгинѣ 1 (кн. Серебряный) нечего и говорить: онъ вездѣ хорошъ. Это артистъ, съ которымъ критику пріятно говорить, потому что его игра есть слѣдствіе его сознанія и обдуманности, а не случая или самолюбиваго разсчета. Въ мелкихъ роляхъ о г. Каратыгинѣ и судить не должно, онъ созданъ для сильныхъ, высокихъ, шекспировскихъ характеровъ, гдѣ есть работа уму и творчеству художника. Въ такихъ роляхъ мы рады иногда съ нимъ поспорить и даже желали бы вступить въ критическую полемику. Мы увѣрены, такой споръ принесъ бы добрый плодъ русскому сценическому искусству и показалъ бы нашего артиста въ новомъ блескѣ, какъ художника-мыслителя. Г. Сосницкій, въ роли Станислава Колонтая—прекрасенъ. Сколько патуры и силы придалъ онъ этому характеру! А какъ прекрасно ведена имъ забавная сцена танцевъ,—и потомъ сильная сцена надъ трупомъ убитаго сына! Мы давно не смотрѣли на Сосницкаго съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ этой роли. Г. Максимовъ 1, въ роли Льва Колонтая, показалъ новую сторону своего таланта: много увлеченія и неподдѣльнаго чувства. Намъ кажется, что это именно лицевая сторона его дарованія, и мы совѣтуемъ г. Максимову не пренебрегать ею, потому что комизмъ—его изнанка. Г-жа Ѳедорова совершенствуется съ каждой ролью. Это еще юный шипокъ, который обѣщаетъ со временемъ роскошный цвѣтокъ для нашей сцены. Только, чтобы талантъ вполнѣ расцвѣлъ, надо за нимъ ухаживать: разнообразіе и обработка выговора, вотъ двѣ необходимыя стихіи для этого. Нѣтъ въ мірѣ трудностей, которыя не преодолѣвало бы прилежаніе и рѣшительная воля итти къ совершенству. Демосѳенъ прежде говорилъ такъ, что его съ трудомъ понимали, а потомъ сдѣлался первымъ ораторомъ, который двигалъ душами согражданъ. Но теперь намъ предстоитъ говорить о главномъ дѣйствующемъ лицѣ въ драмѣ, о Варварѣ Прозоровской, т. е. о г-жѣ Самойловой 3-й, новой дебютанткѣ. Когда мы встрѣчаемся съ новымъ лицемъ на сценѣ, мы чувствуемъ что-то въ родѣ лихорадочнаго припадка. Намъ кажется въ эту минуту, что мы похожи на медика, котораго призываютъ къ прекрасному, юному существу, борющемуся съ природою и смертью. Взоръ, улыбка, послѣдній пылъ молодости—все умоляетъ его о помощи! И вотъ онъ приближается съ своимъ убійственнымъ скальпетомъ, съ холоднымъ желѣзомъ, котораго одинъ ударъ можетъ угасить огонь этого взора, судорожно прервать улыбку, проколоть радужные, мыльные пузыри надеждъ и мечтаній, которые вьются и сверкаютъ привѣтно надъ молодой головкой! И однимъ же ударомъ онъ можетъ дать всему этому новую жизнь, новый блескъ, который впослѣдствіи, можетъ быть, разростется ауреолою славы. О, это положеніе ужасно, чувство убійственно! Врачующій страдаетъ болѣе больнаго! Рецензентъ бываетъ въ томъ же положеніи въ отношеніи къ дебютанту. Онъ между двухъ огней: между публикой и полусудимымъ. Онъ хвалитъ—публика назоветъ его лгуномъ; онъ порицаетъ—дебютантъ называетъ жестокимъ! Быть лгуномъ и жестокимъ ровно непріятно. И можетъ ли онъ узнать истинное дарованіе съ перваго знакомства, какъ медикъ угадаетъ болѣзнь съ перваго взгля-

да? Одна ошибка и онъ или лжепророкъ, котораго предсказанія такъ-же вѣрны, какъ лунныя ночи въ календарѣ, или убійца — будущаго таланта, будущаго счастія, можетъ быть будущей славы. А между тѣмъ, строгая публика требуетъ правды, безъ лицепріятія, безъ утайки! Какое ей дѣло, этой строгой публикѣ, до того, что̀ можетъ создать или разрушить горькая правда! Она платитъ наличными деньгами за *настоящее* и знать не хочетъ *будущаго!* Она требуетъ минутнаго совершенства и не вѣритъ въ многолѣтній трудъ, въ дары навыка и опыта. Дебютантъ, по ея мнѣнію, долженъ быть артистъ, вооруженный съ ногъ до головы успѣхомъ и талантомъ, когда удостоивается чести забавлять ее; а не младенецъ искусства, только вступающій въ жизнь и котораго каждый шагъ ведетъ къ совершенству, къ созрѣванію и творчеству. Она забываетъ, что лепетъ этого младенца—можетъ образоваться въ сильную рѣчь, что порывъ его увлеченія—можетъ разгорѣться въ страсть; она забываетъ, что Тальма, когда онъ дебютировалъ, не былъ еще тѣмъ Тальмою, котораго уважалъ Наполеонъ; что Кинъ не вышелъ на бѣлый свѣтъ прямо въ роли Гамлета. Она хочетъ видѣть въ начинающемъ талантъ, въ азбучникѣ—витію. Но что такое талантъ? Первоначальное значеніе этого слова—богатство, деньги. Богатство пріобрѣтается трудомъ и стараніемъ. Въ наше время слово талантъ вошло въ первобытное свое значеніе: имѣть талантъ значитъ имѣть деньги, и на оборотъ имѣть деньги значитъ имѣть—талантъ пріобрѣтать ихъ. Въ искусствѣ вообще и въ сценическомъ въ особенности талантъ или деньги достаются со временемъ. Талантъ въ этомъ отношеніи есть ничто иное, какъ ловкое приложеніе природныхъ способностей или усовершенствованіе ихъ въ дѣлѣ, могущемъ сперва доставить успѣхъ, потомъ обдать славою и наконецъ осыпать деньгами.

Стало-быть, въ дебютанткѣ прежде всего и преимущественно надо отыскивать природныхъ способностей; талантъ придетъ съ опытомъ. Но въ этихъ-то природныхъ способностяхъ легко ошибиться: природа человѣческая очень обманчива. она не всегда развертывается съ казоваго конца. Вотъ почему мы часто, когда встрѣчаемся лицемъ къ лицу съ дебютанткомъ, обходимъ эту сфинксову загадку на сто саженъ, и обтираемъ перо, когда новое имя попадетъ на остріе его. Сказать слово безъ значенія — очень легко, высказать приговоръ — трудно. Но г-жа Самойлова 3-я со всѣмъ другое дѣло: это дебютантка, съ которой мы рады очень часто встрѣчаться, чѣмъ чаще, тѣмъ лучше, и о которой можемъ говорить смѣло, ничего не рискуя, ни со стороны публики, ни съ ея собственной. Она одарена природою прекрасными способностями, и умѣла, съ перваго шага на сцену, выставить ихъ всѣ на лицо. Что касается до пластической стороны, т. е. до наружныхъ качествъ актрисы, то у г-жи Самойловой 3-й въ нихъ богатство до роскоши. Прекрасный ростъ, прекрасные глаза, выразительное лицо, благородный турнюръ и пріятный звукъ голоса—вотъ ея отличительныя качества. Но въ ней есть тотъ кладъ сценическій, который обѣщаетъ талантъ, именно—*теплота и неподдѣльное чувство*. Не смотря на робость и не увѣренность въ себѣ, она выполнила первую роль свою съ рѣдкой ловкостью и энергіей. Многія мѣста были высказаны ею истинно мастерски. При стараніи и совѣтливомъ изученіи своего искусства, мы увѣрены, г-жа Самойлова 3-я пріобрѣтетъ себѣ скоро вниманіе публики.

Знаете ли вы, *что значитъ влюбиться въ актрису?* Это значитъ, потерять умъ—для того, кто его имѣетъ; сунуться головой въ омутъ, откуда нѣтъ спасенія; каждой вечеръ разжигать свою страсть, свое воображеніе, и каждое утро разочаровываться; любить красоту—въ видѣ румянъ, бѣлилъ и ватки; обожать умъ—въ видѣ заученыхъ фразъ и заучныхъ стиховъ, надъ которыми потѣлъ другой; увлекаться улыбкой, подъ которой часто скрывается злоба къ суфлеру; трогаться слезами, которыя иногда выжимаетъ узкій башмачекъ или крѣпко затянутый корсетъ; быть упоеннымъ пыломъ страсти, который разжигаетъ одно—опасеніе поплатиться за холодность

—штрафными деньгами; вздыхать, сохнуть, хулѣть, тратить деньги, тратить время на негодные спектакли и дурные стихи, мозолить пальцы—апплодисманами; писать записки въ стихахъ и прозѣ—безъ смысла, провожать театральныя кареты, дрогнуть у подъѣзда и словомъ, дѣлать тысячи глупостей—*вотъ что значитъ влюбиться въ актрису!* Актриса — не есть обыкновенная женщина: ея день начинается съ вечера, ея красота всегда ослѣпительнѣе, потому-что дѣйствуетъ на насъ при коварномъ свѣтѣ лампъ; ея салонъ — сцена; она бесѣдуетъ съ вами не просто; она говоритъ и поетъ и декламируетъ попеременно; въ сообщеніи съ вами она имѣетъ большое преимущество; она говоритъ безпрестанно одна, а вы только слушаете: она развертываетъ передъ вами, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, всѣ свои способности, всѣ дарованія, всю ловкость и кокетство, все, чѣмъ ее надѣлила природа, и что она пріобрѣла въ модныхъ лавкахъ и галантерейныхъ магазинахъ. О! бой съ такою женщиной—опасный бой, неровный бой! Берегитесь, чтобъ не влюбиться въ актрису! Иначе, съ вами будетъ то-же, что было съ бѣднымъ Адріаномъ, который пріѣхалъ въ Парижъ, чтобъ сдѣлаться адвокатомъ, и влюбясь въ г-жу Дюменилъ, сдѣлался поэтомъ и началъ писать классическія трагедіи. Еслибъ вы знали, какихъ трудовъ стоило его отцу и самой г-жѣ Дюменилъ, чтобъ его образумить и привесть на путь истинный! Она должна была притворяться, читать тирады изъ трагедій и наконецъ пожертвовать собою и выйти за него замужъ, единственно, чтобъ спасти его отъ любви къ актрисѣ. Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису! Но нѣтъ худа безъ добра: этотъ случай подарилъ русскую сцену премилепькимъ, преумнымъ водевилемъ, за который мы опять обязаны Н. А. Перепельскому. Впрочемъ, вы не бойтесь ходить въ русскій театръ, изъ опасенія влюбиться въ актрису: такихъ актрисъ, какъ А. М. Каратыгина, у насъ немного; а въ нее вы непремѣнно влюбитесь, если посмотрите ее въ этомъ водевилѣ. Въ этомъ случаѣ ваша любовь не кончится такъ счастливо, какъ Адріанова,—вы найдете себѣ сильнаго соперника—цѣлую русскую публику. Лучше ужъ смотрите:

Комедію съ Дядюшкой или новые портреты съ натуры. Эта комедія самая безвредная, самая невинная, безъ всякихъ замысловъ на остроту, безъ всѣхъ претензій на умъ! Въ этихъ новыхъ портретахъ съ натуры, вы рѣшительно не найдете никакой натуры или сходства съ кѣмъ бы то ни было: они просто—ни на что не похожи. Карпъ Савичъ Кубаревъ, пріѣзжій помѣщикъ изъ Полтавы, рѣшительно не похожъ ни на какого помѣщика; слуга его, *Хилька*, похожъ скорѣй на чучелу, чѣмъ на человѣка, а г. Самойловъ въ этой піесѣ похожъ на всѣ тѣ роли, въ которыхъ онъ по нѣсколько разъ переодѣвается и дразнитъ жидовъ, татаръ, грековъ, италіянцевъ, нѣмцевъ и проч, и проч. Г-жа Самойлова 2-я здѣсь очень мило поетъ и танцуетъ и похожа на всѣхъ молоденькихъ актрисъ, которымъ очень пріятно переряжаться изъ одного платья въ другое и притомъ такъ, чтобъ подъ видомъ старухи быть похожею на молодую. Самый же водевиль весьма похожъ на фарсъ, который, на масляницѣ, можетъ приводить въ восторгъ почтеннѣйшую публику, послѣ гулянья подъ качелями.—Но авторъ онаго водевиля весьма похожъ на смѣтливаго человѣка, потому что скрылъ свое имя подъ фирмою трехъ звѣздочекъ. Вотъ, для образчика, куплетъ изъ этого водевиля, который былъ повторенъ.

(На голосъ: *Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ!*)

Ну, ужъ Питеръ, ой, ой, ой!
И къ чему такой большой?
Шныряетъ всѣ изъ дома въ домъ,
То на дрожкахъ, то пѣшкомъ...
Каждый бѣгаетъ, спѣшитъ,
Точно гдѣ нибудь горитъ.
Шумъ и гамъ, и плачь и смѣхъ,
Чертобѣсіе во всѣхъ!
Гдѣ гуляютъ господа,
Тамъ ползетъ и борода..
На *Обуховскомъ* шоссе
Грязью брызгаются всѣ!
На *Сѣнной*-же — вой и стонъ,
Точно буйный Вавилонъ.
Я здѣсь въ жизни въ первый разъ
И ужъ сразу просто — *пасъ!*

Здѣсь какой-то дурандасъ
Осмѣлъ мой тарантасъ.
И куда не повернешь,
Все для насъ обманъ и ложь:
По *Садовой*, по большой,
Нѣтъ березки ни одной;
По *Гороховой* я шелъ,
А гороху не нашелъ;
Море видѣть я хотѣлъ,
И въ *Морскую* полетѣлъ:
Но и въ Малой и въ Большой,
Капли нѣтъ воды морской.
Городъ ярко освѣщенъ,
И, какъ видно, просвѣщенъ:
Здѣсь трактировъ, погребковъ—
Хватитъ на сто городковъ.

—

Аскольдова могила, большая романическая опера, въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка соч. *А. Н. Верстовскаго.*

Наконецъ Петербургъ познакомился съ этимъ музыкальнымъ произведеніемъ русскаго композиста черезъ семь лѣтъ послѣ его созданія и перваго представленія въ Москвѣ. Пора! Мы имѣемъ такъ мало композиторовъ музыки, трудящихся надъ созданіями болѣе обширными, пишущихъ *для* сцены, что всякимъ произведеніемъ такого рода должны дорожить и обобщать его сколько возможно, не смотря на всѣ его недостатки. Музыка не имѣетъ тѣхъ выгодъ, которыми пользуются другія искусства. Произведенія литературы читаются въ печати, картина, изваяніе могутъ быть выставлены на судъ публики. Музыкальное произведеніе должно быть исполнено, чтобъ сдѣлаться общимъ достояніемъ. По этому, повторяемъ, русская опера, какъ-бы несовершенна она ни была, должна быть непремѣнно поставлена и сыграна на сценѣ. Въ этомъ дѣлѣ выбора быть не можетъ: у насъ слишкомъ мало дѣятелей на музыкальномъ поприщѣ. Всякая попытка въ этомъ родѣ есть уже успѣхъ въ искусствѣ, ибо она пролагаетъ дорогу другимъ композиторамъ, которые, можетъ быть, лучше поймутъ требованія искусства, глубже постигнутъ свое назначеніе и создадутъ что нибудь великое. Пока будемъ довольны и тѣмъ, что Богъ послалъ. Примѣръ нашей сцены, можетъ быть, найдетъ соревнованіе и въ Москвѣ. Вѣроятно и тамъ наконецъ постигнутъ эту важную истину и публика познакомится съ лучшею русскою оперою: «Жизнь за Царя»,—этого требуетъ и достоинство партитуры, и успѣхъ ея на петербургской сценѣ.

Но перейдемъ къ произведенію г. Верстовскаго. Мы уже неоднократно имѣли случай говорить объ «Аскольдовой могилѣ». Теперь останемся вѣрными нашему убѣжденію и повторимъ, что эта опера далеко не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго музыкальнаго творчества, и по своему созданію и формѣ не можетъ быть причислена даже къ самому легкому роду музыкально-сценическихъ произведеній, къ *комической оперѣ*. Это есть большой, четырех-актный водевиль, съ пѣснями, куплетами и хорами и, къ довершенію эффекта, съ танцами, сраженіями, бурею и великолѣпнымъ спектаклемъ. Великолѣпіе это состоитъ въ машинахъ, декораціяхъ и костюмахъ, слѣдовательно не принадлежитъ композитору. Музыка, какъ искусство творческое, должна имѣть свои эстетическіе законы и дѣйствовать на душу слушателя сознательно. Тогда только она достигаетъ до *высокаго* и *прекраснаго*, когда проникнута идеею возвышенной, пронизывающею цѣлое созданіе, просвѣчивающеюся въ его частяхъ. Законы творчества, въ этомъ отношеніи, въ музыкѣ тѣ-же самые, какъ и въ другихъ искусствахъ. Что такое поэма, написанная гладкимъ, звучнымъ стихомъ, если она не заключаетъ въ себѣ мысли?—Наборъ стоповъ и риомъ. Что такое драма, гдѣ накоплено множество сценъ эффектныхъ и сильныхъ, безъ причины движущей и нравственнаго или философскаго вывода, безъ *идеи*? Галиматья! Что значитъ картина, на которой, при соблюденіи всѣхъ правилъ, при вѣрности колорита и изяществѣ отдѣлки, изображена, напримѣръ, собака, которая заднею лапою чешетъ себѣ лѣвое ухо? — Но поставьте возлѣ всего этого «Ундину» Жуковскаго, или «Мірозданіе» Соколовскаго; Шекспирова «Короля Лира» или «Ифигенію» Гёте; «Змія въ пустынѣ» Брюни или «Послѣдній день Помпеи»—Карла Брюлова—и вы сейчасъ поймете въ чемъ состоитъ вліяніе художника и

что такое *идея* въ созданіяхъ творчества. Въ музыкѣ то-же самое. Наберите прекраснѣйшихъ пѣсенъ, романсовъ и хоровъ, придѣлайте къ нимъ разговоры; каждая изъ музыкальныхъ піесъ будетъ вамъ нравиться, цѣлое не произведетъ никакого впечатлѣнія, потому, что это будетъ компиляція, рапсодія, а не созданіе, основанное на единствѣ понятія и звука, чувства и мысли, вдохновенія и выраженія. Главный недостатокъ оперы г. Верстовскаго, какъ и всѣхъ его оперъ, есть отсутствіе всякой идеи, всякаго художественнаго единства. Онѣ нравятся частно, мѣстами, но никогда цѣлое не производитъ впечатлѣнія. Г. Верстовскій, какъ человѣкъ съ рѣшительнымъ и прекраснымъ дарованіемъ, мастерски вырабатываетъ части: у него живое, игривое воображеніе, много разнообразія, талантъ гибкій на перифразу; онъ прекрасно напишетъ пѣсенку, романсъ, хоръ, подѣлается ловко подъ извѣстный народный мотивъ, или замаскируетъ его въ свою форму такъ, что его не узнаешь, хоть обойди со всѣхъ сторонъ. Но этого не достаточно для оперы. Это *лиризмъ*, выраженіе чувства, веселаго или печальнаго, это *мотивы*, но не выраженіе страсти безпредѣльной, измѣнчивой, неукротимой и свободной, какъ природа человѣческая, страсти, которая имѣетъ свой музыкальный языкъ, безконечный въ своихъ измѣненіяхъ, языкъ *мелодіи*. Пока люди радуются или грустятъ, они поютъ у г. Верстовскаго; какъ въ нихъ забурлили страсти, капельмейстеръ ударитъ окончательный аккордъ, и они пошли говорить. Слѣдовательно, его музыка только льститъ слуху зрителя, но не тревожитъ его души. Отъ чего тріо въ «Робертѣ», знаменитый финалъ въ «Монтеки и Капулетти», молитва и хоръ или сцена сумасшествія въ «Фенеллѣ», арія *Агаты* въ «Фрейшюцѣ»—наконецъ пѣсня *Вани* въ эпилогѣ «Жизнь за Царя» производятъ такое сильное, всеобщее впечатлѣніе? Оттого, что это вѣрное выраженіе страстей, голосъ души, говорящій душѣ и вѣрно рисующій положеніе дѣйствующаго лица. Въ одномъ мѣстѣ только, въ своей оперѣ, г. Верстовскій сдѣлалъ подобную попытку, именно въ аріи *неизвѣстнаго* во второмъ дѣйствіи; но попытка не удалась, она слишкомъ монотонна и вертится вся на одномъ и томъ-же мотивѣ. А, напр., въ сценѣ, гдѣ можно бы разгуляться композитору, именно, гдѣ *Неизвѣстный* открываетъ *Всеславу*, что онъ законный потомокъ Оскольда и первый присягаетъ ему на вѣрность, а тотъ въ порывѣ патріотическаго негодованія отвергаетъ преступное предложеніе возстать противъ великаго князя, г. Верстовскій заставилъ дѣйствующихъ лицъ объясниться на словахъ и разойтись полюбовно, какъ будто это такое вседневное дѣло, для котораго не стоитъ бросить на вѣтеръ и десятка нотъ. Въ хорахъ г. Верстовскій истинный художникъ: они везде полны, умѣренны; хорошо расположены по голосамъ и стройны. Въ мотивахъ ихъ

То дышетъ вѣга удалая,
То безотчетная тоска!

Хороводная пѣсенка въ первомъ дѣйствіи прелестна. Пѣсни *Торопки* въ третьемъ актѣ полны разгула, удали, веселости и граціи. Но все это пѣсни, хоры и опять пѣсни, а не опера. Наши понятія объ оперѣ, какъ о высшемъ проявленіи музыкальнаго творчества, никакъ не дружатся съ *пѣсенникомъ*, который намъ даютъ подъ названіемъ «Аскольдовой могилы!»

Можетъ быть намъ сдѣлаютъ упрекъ, что мы слишкомъ строго судимъ произведеніе нашего композитора? На это у насъ отвѣтъ одинъ: еслибъ мы меньше уважали и цѣнили прекрасный талантъ г. Верстовскаго, еслибъ не желали ему преуспѣянія и еще большей славы, то были бы умѣреннѣе въ нашихъ упрекахъ. У насъ требуютъ отъ человѣка, который выступаетъ на литературное поприще, чтобъ онъ въ произведеніяхъ своихъ по крайней мѣрѣ объяснялся чистымъ и правильнымъ языкомъ, потому что языкъ достигъ извѣстной правильности и чистоты, и потому, что предшествовавшіе ему авторы писали хорошимъ слогомъ. Въ музыкѣ все сдѣлано великими творцами нынѣшняго и предшествовавшихъ вѣковъ; творчество музыкальное достигло своей апогеи, законы его установлены, требованія извѣст-

ны. Не въ правѣ ли мы требовать и отъ современнаго намъ композитора, чтобъ онъ изучалъ великихъ предшественниковъ, чтобъ онъ соображался съ этими законами и требованіями, и если онъ не одаренъ геніемъ, который основалъ бы новую музыкальную школу и открылъ новыя стихіи въ искусствѣ, такъ чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, писалъ по образцамъ, признаннымъ художниками за лучшіе. Намъ кажется, что это такъ быть должно: можетъ быть мы и ошибаемся. Чтобъ творить новое, надо сперва ниспровергнуть старое; чтобъ превзойти другихъ, надо сперва почувствовать въ себѣ больше силы и воли, чѣмъ въ нихъ было. Опредѣленіе настоящаго требованія оперы лучше всего выражается стихомъ Шиллера:

Wo das Strenge mit Zarten,
Wo Starkes sich und Mildes paarten,
Da giebt es immer guten Klang.

Въ оперѣ г. Верстовскаго много красотъ, но въ ней нѣтъ главнаго—души, т. е. *идеи*. А бездушная красота то-же, что блуждающій огонекъ: онъ блеститъ, но не грѣетъ и не оставляетъ послѣ себя слѣдовъ.

Теперь отъ литературнаго мнѣнія о произведеніи г. Верстовскаго перейдетъ къ сужденію сценическому и поговоримъ о постановкѣ этой оперы на сцену и игрѣ артистовъ.—Разсказывать содержаніе либретто «Аскольдовой могилы» излишне: оно заимствовано изъ извѣстнаго романа М. Н. Загоскина того-же названія и чуть ли не имъ же самимъ.

На петербургской сценѣ «Аскóльдова могила» поставлена съ роскошью и удивительнымъ стараніемъ. Видно было, что дирекція и артисты употребили все, отъ нихъ зависѣвшее, чтобъ поднять, выставить во всемъ блескѣ и дать ходъ произведенію г. Верстовскаго. Я имѣлъ случай видѣть эту оперу на московской сценѣ и скажу, безъ всякаго лицепріятія: она у насъ поставлена и обставлена лучше и богаче московскаго. Декораціи всѣ, безъ исключенія, прекрасны. Лучшая изъ нихъ, вторая декорація втораго акта, г. Вольфа; это настоящій кинетозографическій видъ: вся нѣга южной лунной ночи схвачена съ натуры! Что за воздухъ! какъ хороши —даль, покрытая туманомъ, и этотъ величественный Днѣпръ, въ которомъ ярко играетъ и блещетъ луна! Глядя на эту декорацію, вы рѣшительно забываетесь: это истинно художническое произведеніе! Но она, кромѣ того, имѣетъ еще и археологическое достоинство. Старая божница кіевскихъ христіанъ должна быть такою, какъ представилъ ее г. Вольфъ. Это ветхая, брепенчатая церковь, въ два этажа, въ византійскомъ вкусѣ,—церковь, какія мы иногда еще встрѣчаемъ въ селахъ низовыхъ губерній; она отнюдь не можетъ быть живописною развалиною среднихъ вѣковъ, въ западномъ штилѣ, какъ ее представляютъ въ Москвѣ. Могила Аскольда изображена такъ-же вѣрно: это небольшой холмъ, съ рунпческимъ камнемъ; выходецъ Скандинавіи не могъ быть иначе похороненъ; высокіе курганы съ деревьями суть памятники языческихъ славянскихъ вождей. Декорація теремовъ кн. Святослава, сдѣланная Роллеромъ, такъ-же прекрасна. Она очень близко подходитъ къ московской декораціи, только не облѣплена, для эффекта, сусальнымъ золотомъ, не загромождена фантастическими зданіями, а сохраняетъ какую-то симетрію въ своихъ частяхъ и здравый смыслъ въ цѣломъ. Рѣзьба, крыльца, вышки даютъ ей характеръ чистой древней славянщины. Если мы можемъ сдѣлать упрекъ въ анахронизмѣ, такъ развѣ одной послѣдней декораціи г. Шишьяна. Она довольно близко изображаетъ Кіевъ, но Кіевъ болѣе современный. У древнихъ славянъ не было ни пагодъ, ни мечетей, ни капищъ: они воздвигали истуканы, Перуну, Волосу, Похвисту, Свѣтовиду и другимъ божествамъ, подъ открытымъ небомъ, на пригоркахъ, и приносили имъ жертвы. При Игорѣ I-мъ, въ Кіевѣ была только одна христіанская церковь, св. Иліи Пророка, на *Подолѣ*, и та была деревянная. Откуда же г. Шишьяну пришла мысль украсить древній Кіевъ, городъ, который былъ ничто иное, какъ большая базарная деревня, такимъ множествомъ каменныхъ храмовъ съ куполами и башнями?!—Костюмы г. Матье очень хороши, собраны

съ большимъ вкусомъ, хотя весьма мечтательно подходятъ къ тѣмъ понятіямъ, которыя мы себѣ создаемъ о нарядахъ древнезападной славянщины.

Артисты исполняли роли свои съ особенною ревностію и усердіемъ. Г. Петровъ пѣлъ превосходно свою партію. Никогда еще прекрасный голосъ его не развивался съ такою полнотой, силой и энергіей. Если онъ умѣритъ нѣсколько свои жесты, можно предсказать, что роль *Неизвѣстнаго* будетъ одною изъ самыхъ лучшихъ его партій. Г. Шемаевъ (*Трелафъ*) велъ роль свою умно и забавно. Онъ гораздо выше Живокини въ этой роли и умѣлъ дать ей особенный, комическій рельефъ. Г. Леоновъ, въ роли *Торопки*, превзошелъ не только всѣ ожиданія, но и самаго себя. Эта роль прославила въ Москвѣ Бантышева. При извѣстіи о постановкѣ въ Петербургѣ «Аскольдовой могилы», возникъ довольно основательный вопросъ: «кто же здѣсь исполнитъ роль Торопки, роль на которой держится вся піеса и въ которой Бантышевъ неподражаемо хорошъ?» Г. Леоновъ съ честью и къ общему удовольствію рѣшилъ этотъ вопросъ. Я люблю Москву—мою родину, люблю все московское—мое родное, но истину люблю еще болѣе. Я любовался игрой Бантышева въ этой роли неоднократно, но безпристрастіе требуетъ сказать, что и г. Леоновъ въ этой роли очень хорошъ и оставляетъ желать весьма немногаго. При сравненіи артистовъ, ваше внутреннее чувство всегда говоритъ въ пользу перваго впечатлѣнія, по ему недолжно довѣрять,—оно, въ этомъ случаѣ, пристрастно. Главная задача въ роли *Торопки* есть исполненіе третьяго акта. Г. Леоновъ въ этомъ актѣ истинно прекрасенъ! Откуда взялась у него развязность, этотъ пахучій юморъ, это ловкое удальство! Глядишь и не вѣришь глазамъ своимъ! Особливо въ мѣстѣ, гдѣ поется о томъ, какъ

Заходили чарочки по столику,
И сѣдые старички въ присядку пошли,
А старушки разрумянились...

онъ безподобенъ! Пляска, которою онъ одушевляетъ своихъ слушателей, полна жизни, народности и размашистаго молодечества, къ которому только и способенъ русскій парень-удалецъ. Въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ мускулѣ такъ, кажется, и читаешь неподдѣльную радость и веселіе, слѣдствія удачи его пріятеля Всеслава. Это мѣсто выполнено имъ даже лучше Бантышева. Пѣсни свои онъ пѣлъ отчетливо, съ одушевленіемъ, самымъ чистымъ, пріятнымъ голосомъ, а пѣснѣ *«въ честь богу славному Усладу»*, онъ придалъ такой тонъ торжественности и вдохновенія, что противъ воли заставлялъ себѣ апплодировать. Прибавьте къ этому всему, что г. Леоновъ въ первый разъ играетъ комическую роль, и притомъ характерную коммическую роль, что онъ еще очень молодъ и неопытенъ на сценѣ, тогда-какъ Бантышевъ привыкъ къ ней, какъ къ старому халату; что голосъ Леонова только что входитъ въ настоящую силу и образовывается, тогда какъ голосъ г. Бантышева уже слабѣетъ и начинаетъ спадать, (въ послѣднее представленіе «Аскольдовой могилы» я не узнавалъ въ немъ прежняго Торопки), и наконецъ, что г. Леоновъ, выросшій въ нѣмецкой школѣ, италіянской музыкой вскормленный и французскимъ бульономъ испоенный, долженъ былъ въ коренномъ русскомъ характерѣ войти въ состязаніе съ русскимъ актеромъ по душѣ и тѣлу.—Если г. Леоновъ прибавитъ нѣсколько удали въ первыхъ явленіяхъ оперы и дастъ побольше разгула своей непринужденности, мы готовы биться объ закладъ, что онъ, если не превзойдетъ Бантышева въ этой роли, такъ, по крайней мѣрѣ, не уступитъ ему пяди въ успѣхѣ и мастерствѣ игры и пѣнія. Это мнѣніе, основанное на строгой истинѣ и нашемъ крайнемъ убѣжденіи, нисколько не должно оскорблять и унижать г. Бантышева, котораго талантъ мы отъ души любимъ и уважаемъ. Каждому свое! Suum quique! Одна роль въ полой оперѣ могла бы и должна бы быть лучше выполнена, именно, роль *Надежды*. Она была спѣта и сыграта весьма неудовлетворительно г-жею Соловьевой. Впрочемъ, это бѣда поправная: намъ кажется, что г-жа Самойлова старшая въ роли *Буславевны* (вмѣсто г-жи Марсель) и Самойлова меньшая въ роли *Надежды*—

весьма много могли бы украсить оперу своимъ пѣніемъ и игрою. Форы у насъ выполняются прекрасно, объ оркестрѣ и говорить нечего: онъ вдвое полнѣе московскаго и весь составленъ изъ первоклассныхъ артистовъ. Кромѣ того, въ третьемъ актѣ вложена русская пляска, которой въ Москвѣ нѣтъ, и которая, хотя не совсѣмъ у мѣста въ этомъ дѣйствіи, но выполняется г. Гольцомъ и г-жей Андріяновой 2-ю съ удивительною граціею и совершенствомъ—и не мало способствуетъ къ успѣху цѣлаго. Такъ какъ мы не позволяемъ себѣ сказать что нибудь безъ основанія и, подобно *другимъ*, *инымъ*, *прочимъ*, не расточаемъ ни безотчетныхъ похвалъ, ни порицаній, то мы объяснимъ причины, почему употребили слово *неумѣстна*. Судя по костюму пляшущихъ, надо полагать, что *дѣвушка* принадлежитъ къ затворницамъ великокняжескимъ, а *она* отнюдь не изъ числа дворни. Какимъ-же образомъ *она* попалъ въ терема княжескіе и пантомимою выражаетъ преступную любовь къ одной изъ княжескихъ одалискъ, въ глазахъ остальныхъ затворницъ и строгаго надзора боярскихъ барынь и нянь? А между тѣмъ, въ хорѣ, подъ который совершается пляска, дѣвушки именно выражаютъ тоску свою о томъ, что ихъ *держатъ въ запертѣ* и не допускаютъ къ мужчинамъ. Еслибъ эта пляска состояла изъ двухъ или нѣсколькихъ женщинъ, она бы много выиграла въ отношеніи къ правдоподобію.

Изъ отчета нашего публика можетъ усмотрѣть, съ какимъ внимательнымъ стараніемъ «Аскольдова могила» поставлена на нашей сценѣ, съ какою ревностію артисты ее выполняютъ. И не смотря на все это, опера нравилась только мѣстами и—мы должны это сказать съ душевною грустію,—не произвела сильнаго и общаго впечатлѣнія. И за этотъ успѣхъ она болѣе обязана роскоши и изяществу обстановки. Большая часть рукоплесканій принадлежала артистамъ, а не композитору. Третій актъ, въ которомъ есть драматическій интересъ и движеніе, болѣе всего нравился публикѣ. Этихъ результатовъ можно было ожидать напередъ. Наша публика слишкомъ избалована превосходнѣйшими произведеніями современныхъ композиторовъ; она знаетъ наизусть почти всего Моцарта, Россини, Беллини, Доницетти, Майера-Бера; даже легкія произведенія Обера, увлекательнаго во всѣхъ отношеніяхъ Обера, не имѣютъ у насъ болѣе успѣха и даются по-актно, передъ балетами, для съѣзда публики. Какъ же ей довольствоваться произведеніемъ музыки, довольно скуднымъ по мысли и весьма слабымъ по созданію? И роскошь сцены не можетъ прикрыть недостатковъ, потому-что на здѣшней оперной сценѣ ничего не даютъ иначе, какъ роскошно. Даже и патріотическое чувство въ Петербургѣ не удовлетворяется оперою г. Верстовскаго: здѣсь знаютъ и видѣли «Жизнь за Царя», истинно образцовую русскую оперу, написанную въ европейской формѣ, по всѣмъ требованіямъ искусства. Вкусивъ лучшаго, трудно довольствоваться посредственнымъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобъ «Аскольдова могила» въ слѣдующія представленія болѣе заинтересовала нашу публику и не сдѣлалась могилою для таланта г. Верстовскаго, который такъ-же не опечалится маленькою неудачею, какъ онъ радуется и споспѣшествуетъ чужому успѣху, какъ онъ желаетъ добра и славы другимъ русскимъ композиторамъ, и какъ онъ заботится о томъ, чтобъ ихъ произведенія сдѣлались извѣстными публикѣ и явились на сценѣ въ выгодномъ для нихъ свѣтѣ.

Скажемъ еще, что на нашей сценѣ, въ операхъ г. Верстовскаго, явилось новое лицо, котораго въ Москвѣ не было: это живая сова, въ четвертомъ актѣ. Она выполнила свою роль очень удачно, не взяла ни одной поты, непаписанной въ партитурѣ, и вмѣстѣ съ другими, сколько могла, способствовала къ общему успѣху.

—

Тоска по родинѣ, *большая* (?!) опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ *хорами* (?) и танцами, музыка соч. *А. Н. Верстовскаго*. Съ новыми декораціями гг. Роллера, Шишляна, Сабата и костюмами Матье.

На свѣтѣ странныя бываютъ приклю-

чепья! Къ нимъ, безспорно, принадлежатъ и приключенія отставнаго ротмистра Завольскаго. Знаете ли, что съ нимъ было? Онъ тонулъ въ Невѣ, чуть-чуть не былъ застрѣленъ на дуэли, и едва не палъ подъ пожами убійцъ *шпанскихъ!* И знаете-ли отчего все это съ нимъ было? Отъ сущихъ пустяковъ: отъ дамскаго ридикюля, простенькаго, маленькаго ридикюля, купленнаго въ англійскомъ магазинѣ за пять рублей серебромъ, по новому курсу; отъ ридикюля съ черепаховой бомбоньеркой, хрустальнымъ флакономъ и любовной запиской. Cette c'est ridicule! скажете вы; да, по оно такъ. Не будь этого ридикюля, не было бы оперы г. Верстовскаго, не было бы *Тоски* въ театрѣ, и не было бы этой статьи. А какъ произошли конечныя бѣдствія Завольскаго, опера г. Верстовскаго и наша рецензія, я вамъ сейчасъ объясню. Завольской въ одно прекрасное воскресенье вздумалъ погулять на Крестовскомъ островѣ, когда тамъ играетъ тирольская музыка и, какъ говоритъ Гребенка, *ученые нѣмцы огненныхъ утокъ спускаютъ*. Онъ ванялъ ялик и плыветъ себѣ. Глядь, а по Невѣ плыветъ дамскій ридикюль, тотъ самый, о которомъ мы говорили. Какихъ рыбъ не бываетъ въ этой рѣкѣ, подумаешь! Завольской хотѣлъ его поймать, перевѣсился изъ лодки и упалъ въ воду. Къ счастію плылъ тутъ-же на лихой гичкѣ *Неизвѣстный:* онъ кинулся въ Неву и вытащилъ Завольскаго вмѣстѣ съ ридикюлемъ. Завольскаго откачали, онъ хотѣлъ благодарить своего спасителя, но его уже не было; онъ хотѣлъ отыскать его, но это было такъ-же невозможно; потому что онъ *Неизвѣстный*, а неизвѣстныхъ въ Петербургѣ много обрѣтается. Тутъ и книга адресовъ, и справочное мѣсто не помогутъ. Дѣлать нечего; Завольскій отложилъ благодарность до первой удобной окказіи и отправился въ подмосковную деревню къ помѣщику Зарѣцкому. Между тѣмъ, въ роковомъ ридикюлѣ Завольскій нашелъ черепаховую бомбоньерку, оправленную въ золото, съ мятными лепешечками, флаконъ съ спиртомъ, платокъ и любовную записку. Все это, какъ видите, рекомендуетъ его обладательницу немножко съ слабою стороны. Но какъ же этотъ ридикюль со всѣми этими вещами не потонулъ? спросите вы. Ну, ужъ это злая судьба Завольскаго и воля г. Верстовскаго. Потони онъ и вся опера кончилась бы до ея начала! Въ подмосковной своего пріятеля, Завольскій занялся другою невинною забавою: не довѣряясь болѣе водѣ, онъ предался другой стихіи—огненной страсти къ племянницѣ Зарѣцкаго—дѣвицѣ Лидиной. Чтобъ имѣть случай разсказать свои похожденія съ ридикюлемъ, тутъ ему, какъ нарочно, встрѣчается старый его сослуживецъ—Зимогорьевъ; и чтобъ доставить ему окказію попасть въ новый просакъ—Зарѣцкій, какъ нарочно, даетъ балъ, фейерверкъ и иллюминацію. Завольскій, во время этого праздника, узнаетъ, что ридикюль, пойманный имъ въ Невѣ, принадлежитъ Софьѣ Лидиной. Ревность его разгарается вмѣстѣ съ шкаликами, которыми освѣщаютъ садъ. Въ то-же время онъ видѣлъ, что Софьѣ подали тихонько записку, которую она тайкомъ прочла, и потомъ, увидя идущаго дядю, поспѣшно бросила въ кустарникъ. Роковой ридикюль вводитъ Завольскаго въ новое искушеніе... Что, если эта записка опять отъ...? Онъ тотчасъ-же ее поднимаетъ, развертываетъ... такъ и есть? Это дружка къ той, которая была въ ридикюлѣ, тотъ-же почеркъ, тѣ-же нѣжности, дѣло чисто: онъ въ дуракахъ! Но въ этой запискѣ назначено свиданіе у китайскаго павильона. Не теряя времени, Завольскій бѣжитъ за своими пистолетами и хочетъ тутъ-же стрѣляться съ своимъ соперникомъ. Соперникъ является, приходитъ и Софья: они обнимаются, а Завольскій готовъ разорваться на части. Едва Софья ушла, онъ прямо къ своему сопернику съ пистолетами, только глядь—соперникъ его опять *Неизвѣстный*, тотъ самый, который его спасъ отъ воды. Ужъ безъ *Неизвѣстнаго* нельзя же быть оперѣ г. Верстовскаго. *Неизвѣстный* опять исчезаетъ, а Завольскій ѣдетъ размыкать горе, какъ можно дальше отъ подмосковной и китайской бесѣдки: — онъ ѣдетъ въ Испанію. Тутъ же кстати сейчасъ и почтовыя лошади готовы; въ

операхъ это скоро дѣлается, хотя бы въ мѣстѣ дѣйствія и не было почтовой станціи, да къ тому-же, по законамъ оперы, и заграничныхъ паспортовъ брать не нужно: сѣлъ и поѣхалъ по всѣмъ по тремъ — прямо въ Андалузію. Софья, узнавъ о его отъѣздѣ изъ записки, которую онъ ей написалъ на почтовыхъ, падаетъ въ обморокъ, но ее преспокойно поднимаютъ и въ торжественномъ польскомъ ведутъ въ домъ. Между тѣмъ Завольскій ѣхалъ, ѣхалъ, долго-ли, коротко-ли, близко-ли, далеко-ли, но вотъ онъ въ Андалузіи. Андалузія прелестная страна, если вѣрить декораціи г. Роллера. Объ этомъ поетъ и Завольскій, но ему нельзя вѣрить, потому что онъ читаетъ чужія письма, а это не совсѣмъ то хорошо, къ тому же онъ говоритъ о любви своей къ родинѣ, а иногда не хочетъ въ нее возвратиться, страдаетъ по Софіи, а волочится за испаночками. Нѣтъ, воля ваша, онъ человѣкъ не совсѣмъ стоящій довѣрія. Одно, въ немъ только справедливо: ему въ первомъ актѣ оперы *тоска*, и во второмъ *тоска*. Въ этомъ мы съ нимъ совершенно согласны. Но вотъ приходитъ хорошенькая комериста Пакита звать Завольскаго на праздникъ къ корреждору. Слуга его Никоноръ (г. Леоновъ), который вездѣ ходитъ за нимъ по пятамъ, на томъ основаніи, *что баринъ безъ него пропадетъ, а онъ безъ барина сопьется съ кругу*, начинаетъ волочиться за Накитой, поетъ ей удалую пѣсенку (впрочемъ не сочиненія г. Верстовскаго) и превосходно *отхватываетъ* русскую лакейскую пляску. Потомъ Завольскій является къ коррежидору. Жена коррежидора, донья Розалія, спрашиваетъ его: «Отчего вы такъ давно у насъ не были?» —Онъ отвѣчаетъ: «Я былъ боленъ-съ, право, ей Богу! вотъ спросите у Пакиты!» —Ужъ почему онъ ссылается на Пакиту, неизвѣстно: видно она ходила лечить его. Этотъ топкій и замысловатый разговоръ подслушали нѣсколько господъ въ усахъ и большихъ эспаньолкахъ, и хотятъ за него зарѣзать Завольскаго. Должно быть въ Андалузіи такой ужъ обычай, или они дѣйствуютъ изъ рѣвности къ Накитѣ. Между тѣмъ, *для блезира* поютъ и танцуютъ. Наконецъ, когда балъ кончился, донья Розалія ждетъ въ своей комнатѣ *сеньора Руссано*, какъ она называетъ Завольскаго. И вотъ онъ приходитъ. Она говоритъ ему, что его страстно любитъ, а онъ такъ невѣжливъ, что говоритъ, что ее совсѣмъ не любитъ. Она его выгоняетъ. Онъ идетъ на морской берегъ. На морскомъ берегу русскіе матросы пьютъ пѣнное вино. Они прячутся, чтобъ сдѣлать ему пріятный сюрпризъ, пропѣвъ: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*. Онъ кидается къ нимъ, на него кидаются спадацыны, т. е. подкупленные убійцы; на убійцъ кидаются матросы. Вотъ онъ спасенъ въ третій разъ. Является и его спаситель, опять тотъ же *Неизвѣстный*. Но тутъ неизвѣстный дѣлается извѣстнымъ: онъ флота капитанъ перваго ранга, Красноярскій, не любовникъ, а братъ Софьи. Онъ-же и нѣжныя письма къ ней писалъ. Подъѣзжаетъ какая-то римская ладья, какой въ цѣломъ русскомъ флотѣ нѣтъ: вся честная компанія въ нее садится, поетъ русскую пѣсню подъ рожокъ и потомъ плыветъ къ русскому кораблю, который тутъ очень кстати случился, чтобъ увезть пазъ изъ Испаніи, гдѣ намъ было очень, очень скучно. Ужъ женился ли Завольскій на Софіи по возвращеніи въ Москву, о семъ свѣдѣнія не имѣется.

Вы видите, слѣдовательно, что вся опера въ *ридикюлѣ*. Она основана на недоразумѣніи, которое тѣмъ непріятнѣе, что длится въ продолженіе трехъ безконечно-скучныхъ актовъ. Можно ли изъ этого *анекдота* что нибудь сдѣлать, вы сами видите, но г. Верстовскій этого не видалъ и сдѣлалъ изъ него оперу.

Всѣ эти господа съ фамиліями рѣкъ, селъ и городовъ, Завольскіе, Зимогорьевы, Зарѣцкіе, Красноярскіе—не имѣютъ никакого образа и характера, а слѣдовательно, и порядочныхъ страстей. Какое-же впечатлѣніе могутъ они произвесть на зрителя въ драмѣ, и притомъ въ драмѣ лирической, гдѣ изліяніе страсти есть первое условіе? Я васъ спрашиваю, что можетъ сдѣлать композиторъ, хоть будь онъ семи пядей во лбу, изъ разговора, въ родѣ этого: «Ахъ! мое почтеніе! Здоровы ли вы?»—Слава Богу! А вы какъ поживаете?—«По маленьку, все по старому: ни то, ни се!»—А изъ такихъ, или

почти такихъ явленій, составлена вся музыкальная часть оперы «Тоска по родинѣ». Я говорю—музыкальная, потому, что въ ней есть и разговорная: это *комическая опера*. И представьте, разговорная часть гораздо лучше той, которую поютъ: въ разговорной части есть, по крайней мѣрѣ, разсказы, есть жизнь и дѣйствіе, которыя въ музыкѣ имѣли бы хоть какое нибудь движеніе. Но композиторъ именно сдѣлалъ на оборотъ. Выбирая мѣста для музыки, онъ поступилъ рѣшительно по правилу Бомарше: *что не стоитъ разговора, то поютъ* (ce qui ne vaut pas la peine de'tre dit, on le chante.) Отъ этого вся опера монотонна, вяла, тянется въ безконечныхъ своихъ аккордахъ и выводитъ зрителя изъ терпѣнія. Мы не узнаемъ г. Верстовскаго въ этой операѣ: въ ней нѣтъ даже ни одного удачнаго *мотива*, что составляетъ отличительный характеръ оперъ этого композитора. Лучшія русскія пѣсни взяты цѣликомъ, какъ поются въ народѣ, и вложены въ оперу. Въ остальныхъ вы безпрестанно хватаетесь за голову, желая снять шляпу, потому, что встрѣчаете старыхъ знакомыхъ, пріятныя реминисценціи изъ «Роберта», «Фенеллы» и другихъ иностранныхъ произведеній. Какъ въ самомъ дѣйствіи нѣтъ драматическаго развитія, то нѣтъ его и въ музыкѣ. Намъ кажется, что вся эта опера была попытка подѣлаться подъ штиль комическихъ оперъ французскихъ композиторовъ, съ примѣсью русскихъ мотивовъ; но попытка самая неловкая и неудачная. Но всего забавнѣе, что г. Верстовскій заставляетъ испанцевъ пѣть не иначе, какъ подъ мотивъ фандапго. Какъ будто мотивъ этого танца даетъ колоритъ странѣ и народу! Странная мысль! Это все то-же, еслибъ французъ, выводя въ операѣ русскихъ, заставилъ ихъ выражать свои мысли и страсти подъ мотивъ плясовой пѣсни: *За горами, за долами*, и проч. Куда какъ хороши мы были бы въ такой операѣ! Но эта опера отличается отъ предшествовавшихъ, того же композитора, тѣмъ, что въ ней есть хоть наружная форма европейской оперы: есть дуэты, тріо, совокупныя мѣста и финалы. Однако и тутъ настоящее значеніе ихъ непонятно. Еслибъ случилось, что люди, съ разнородными характерами и страстями, вдругъ заговорили въ драмѣ въ одно время, вѣрно каждый изъ нихъ выражался бы по своему: пламенная любовница увлекалась бы порывами любви; ревнивый соперникъ исходилъ бы въ проклятіяхъ; разлучникъ, для или опекунъ—словомъ *тиранъ* піесы,—разразился бы угрозами, а отринутый страдалецъ, бѣдный Макаръ, или жертва человѣческой злобы, приходилъ бы въ отчаяніе. Въ операѣ точно то-же; въ совокупномъ мѣстѣ партія каждаго лица должна характеризовать его положеніе. Стало быть всѣ лица не могутъ пѣть одно и тоже или, по крайней мѣрѣ, на одинъ и тотъ-же темпъ, иначе это будетъ не финалъ, а просто хоръ на разные голоса. Въ операѣ г. Верстовскаго именно такъ понята эта мысль и оттого его совокупныя мѣста и финалы производятъ много шуму и никакого дѣйствія. Музыка одно изъ самыхъ совершеннѣйшихъ, изъ самыхъ органическихъ искусствъ и потому требуетъ отъ творца особеннаго изученія и проникновенія въ ея таинства. Ею на обумъ играть нельзя.

Непонятно, почему эта опера названа «*Тоскою по родинѣ?*» Развѣ потому, что лакей Никоноръ ненавидитъ Испанію за то, что тамъ не бываетъ снѣгу, не пробираетъ морозъ по кожѣ; что тамъ вмѣсто квасу—вино, и апельсины вмѣсто кислой капусты и соленыхъ огурцевъ. Онъ любитъ родину за одни огурцы и капусту и приходитъ въ совершенный восторгъ при видѣ пѣнника. Вотъ ужъ здѣсь прекрасный эпитетъ, изобрѣтенный Н. А. Полевымъ,—*квасной патріотизмъ*—совершенно кстати. Оперу г. Верстовскаго можно назвать всяческою *тоскою*, только не по родинѣ. Никоноръ *грацюзо* оперы. Но чѣмъ онъ потѣшаетъ зрителей, какъ-бы вы думали? Разсказами о *русскомъ кулакѣ*. Кулакъ рѣшительно сдѣлался одной изъ народныхъ стихій русской драматургіи! Онъ разсказываетъ, какъ въ *Лондырѣ*, въ тавернѣ, доѣхалъ кулакомъ *англичанина*: тотъ его *хватилъ по становой жилѣ*, а онъ ему *подъѣхалъ подъ силазки, да и увазжилъ подъ самое дыханье*. Не правда-ли, какъ

изящно и забавно! И это писано для русской публики половины XIX столѣтія!?!?! Но публику эту не понимаютъ, и она это доказала въ первое представленіе «Тоски по родинѣ»: большая часть зрителей разъѣхалась въ началѣ третьяго дѣйствія. Успѣхъ блистательный! Даже прекрасные вкладные нумера музыки Маурера, даже роскошный арагонскій тапецъ, полный пеистовой страсти, переливающейся даже черезъ край отъ излишней полноты,—ничто не спасло публику отъ немилосердой *тоски*, а *Тоски* отъ немилосердой публики! И вотъ что значитъ слава міра сего!

ѲЕДОРЪ КОНИ.

10395
6981.
18199.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

1. Деньги, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *Соч. Эдуарда Литтона Бульвера*, переводъ *А. Горкавенко.*
2. Семнадцать и пятьдесятъ лѣтъ. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. *Соч. П. С. Ѳедорова.*
3. Князь Серебряный, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Соч. *П. И. Филимонова.*

II. ИСТОРІЯ ТЕАТРА:

1. О драматическихъ произведеніяхъ Шиллера.
2. Итальянскій театръ. Четыре маски Итальянскаго театра.
3. Театръ во Франціи при Людовикѣ XV. Статья *Анаиса Сегаля.*

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

1. Служба и дружба, *Р. М. Зотова.*
2. Несчастливецъ въ любви или чудныя любовныя похожденія русскаго грацioзо. *Разсказъ ***.*
3. Современники Гете, повѣсть *П. Каменскаго.*

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:

1. Вечерній гимнъ. *А. Валуева.*
2. Старый альбомъ. *П. Ободовскаго.*
3. Мнѣ жаль ея. *И. Грекова.*
4. Домовой, изъ Беранже. *В.*
5. Перепутье. *В.*
6. Пиръ. *Г. Фурмана.*
7. Aus den augen, aus dem sinn. *Ѳ. Кони.*
8. Картина. *А. Пороховаго.*
9. Два Тоста. *Родильдьева.*
10. На смерть Мери. *Ѳ. Кони.*
11. Элегія. *И. Грекова.*
12. Романсъ *И. Грекова.*
13. Табакъ. *В. Б—ало.*
14. Соловей. *П. Грекова.*
15. Повѣсу лазурному и пр. *П. Грекова.*
16. Стансы (изъ В. Гюго). *И. Грекова.*
17. Жница Марія. *Старинная легенда, П. Третьякова.*
18. Предубѣжденіе. *Д. Струйскаго.*
19. Я не подлецъ. *Д. Струйскаго.*
20. *Что въ жизни*, и пр. *С. Д.*

V. КАЛЕЙДОСКОПЪ:

1. Авторъ безъ ума.
2. Два музыканта.
3. Счастливѣйшій изъ смертныхъ.
4. Прилежный ученикъ.
5. Маленькая шляпа.
6. Одно изъ представленій Льва Гурыча Синичкина.
7. Характеристическій очеркъ Бертини.
8. Что значитъ покровитель драмъ во Франціи.
9. Придворный театръ.
10. Память о Я. Е. Шушеринѣ, трагикѣ Петербургскаго и Московскаго театровъ. *Статья Н. М. Макарова.*
11. Эолова арфа, балетъ гр. Ѳ. Толстаго.
12. Откуда Шекспиръ заимствовалъ свои драмы.
13. Анекдоты изъ жизни Тальмы.
14. Драматическіе силюэты:
    1. Лаблашъ.
    2. Джулія Гризи.
15. Побѣды Французовъ.

IV. ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Поты: Французская кадриль. *Соч. Рамазанова.* 2. Романсъ, *слова барона Дельвига; музыка Куппершмидта.* 3. Nocturne, par Eduard Volff.
2. Портреты: 1. Портретъ *Майера-Бера.* 2. Портретъ Россини.
3. Декорація изъ 2-го дѣйствія балета Озеро Волшебницъ, *писана з. Ѳедоровымъ,* гравирована *г. Поло.*
4. *№№* 3-й, 4-й и 5-й Текущаго Репертуара русской сцены, содержаніе которыхъ слѣдующее:

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

1. Дядюшкина тайна. Водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *Д. Ленскимъ.*
2. Габріэль или адъютанты, комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго, *П. С. Ѳедоровымъ.*

II. ЛѢТОПИСЬ РУССКАГО ТЕАТРА:

1. Лѣтопись театра за *Май.*
2. — — — — *за Іюнь.*
3. — — — — *за Іюль.*
4. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ произведеній, игранныхъ на русской сценѣ во вторую половину 1841 года. *Статья Ѳ. А. Кони.*

III. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ:

1. Театръ въ Саратовѣ.
2. Театръ въ Саранскѣ.
3. Театръ въ Кіевѣ и Нѣжинѣ.
4. Одесскій театръ.

124.

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. ПОЛЯКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, № 17, поступили въ продажу:

ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ ФИЗИКѢ или собраніе вопросовъ и задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями,—*Пёрра*, профессора математики и физики, въ двухъ частяхъ, къ которымъ приложено до 80-ти объяснительныхъ чертежей. СПб. 1842 г. Ц. 1 р. сереб.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА, И. Л. Бюршэа по образцамъ и по совѣтамъ извѣстнѣйшихъ Филологовъ. Переводъ съ XXIII-го изданія со многими таблицами. СПб. 1841 г. Ц. 2 р. 50 к. сер. (Для учебныхъ заведеній значительная уступка).

ПИРАТЪ, извѣстнаго англійскаго писателя капитана *Марріэта*. 2 томика миніатюрнаго формата. СПб. 1842 г. Ц. 1 р. 45 к. сереб.

АВТОМАТЪ, соч. Калашникова, автора романовъ: Дочь купца Жолобова и Камчадалка. СПб. 1842 г. Цѣна за три части 1 р. 50 к. сереб.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, собранныя и изданныя И. П. Сахаровымъ СПб. 1841 г. Ц. 1 р. сереб.

РУССКІЕ РОМАНСЫ, аранжированные для фортепіано *Карелинымъ*, слова: 1) Красавицѣ; Веревкина. 2) Не вѣрь; его же. 3) Голубымъ очамъ; 4) Бабушка и внучка; 5) Когда у ногъ твоихъ мечтал, и проч. 6) Горькая доля, Кольцова. 7) Выборъ жены; 8) Прелчувствіе, Тимофеева. 9) Еще тройка; кн. Вяземскаго. 10) Падучая звѣзда; гр. Ростопчиной. Превосходная музыка, совершенно въ Русскомъ духѣ. СПб. 1842 г. Цѣна за 10 романсовъ на лучшей бумагѣ, въ красивой обертвѣ 1 р. 75 к. сереб.

РУССКІЯ ПОВѢСТИ М. Жуковой (сочинительницы Вечеровъ на Карповкѣ). 2 ч. СПб. 1842 г. Ц. 2 р. серебр

СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ, томъ I-й, состоящій изъ 6 выпусковъ, изд. Н. В. Кукольникомъ. СПб. 1842 г. Ц. 2 р. 25 к. сереб.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ и ТУРКИ, два тома въ 4 д. л. съ 96-ю превосходно-гравированными на сталѣ въ Лондонѣ видами и рисунками. Томъ I — съ 48-ю гравюрами выдается, а 2-й будетъ въ не продолжительномъ времени. СПб. 1842 г. Ц. 15 р. сереб.

СЛОВОТОЛКОВАТЕЛЬ, или карманная книжка для любителей чтенія русскихъ книгъ газетъ и журналовъ, объясняющая не для всякаго понятныя слова и термины: военныя, морскія, коммерческія, юридическія, медицинскія, и проч. СПб. Ц. 1 р. сереб.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1842 годъ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:
1. КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ, драма въ 4-хъ актахъ. *Соч. Н. П. Филимонова.*

II. ИСТОРІЯ ТЕАТРА:
1. ТЕАТРЪ ФРАНЦУЗСКІЙ ПРИ ЛЮДОВИКѢ XIV. *Статья А. Сегаля.*

III. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:
1. СОВРЕМЕННИКИ ГЕТЕ, *повѣсть П. Кишенскаго.*

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:
1. ЖНИЦА МАРІЯ. *И. Третьякова.*
2. ПРЕДУБѢЖДЕНІЕ. *Д. Струйскаго.*
3. Я НЕ ПОДЛЕЦЪ. *Д. Струйскаго.*
4. ЧТО ВЪ ЖИЗНИ, *и пр. С. Д.*

V. КАЛЕЙДОСКОПЪ:
1. ПАМЯТЬ О Я. Е. ШУШЕРИНѢ. Статья *П. М. Макарова.*
2. ЭОЛОВА АРФА, балетъ гр. *О. Толстаго.*
3. ОТКУДА ШЕКСПИРЪ БРАЛЪ СЮЖЕТЫ ДЛЯ СВОИХЪ ДРАМЪ?
4. АНЕКДОТЫ О ТАЛЬМѢ.
5. ДРАМАТИЧЕСКІЕ СИЛУЭТЫ:
   1. ЛАБЛАШЪ.
   2. ДЖУЛІЯ ГРИЗИ.
6. ПОВѢДЫ ФРАНЦУЗОВЪ.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ:
1. ПОРТРЕТЪ РОССИНИ.
2. № 6-й «ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ», въ которомъ находится:
   РУССКІЙ ТЕАТРЪ, статья *О. А. Кони.*

Печатать позволяется, 24 февраля, 1842 г. *Цензоръ П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМ.